

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 22

**Москва
2002**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2002. —
Вып. 22. — 136 с.

ISBN 5-317-00550-7

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуск 21 – в 2002 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-00550-7

© Авторы статей, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

<i>Привалова И. В.</i> Константная вариативность (опыт лингвистического исследования национально-культурных ценностей)	5
<i>Елина Е. А.</i> Интерпретация изображенного объекта как многоуровневая модель	15
<i>Пак Сон Гу (Республика Корея)</i> Языковая картина мира в антиномиях	24
<i>Тухарели Н. Л.</i> Семантическая оппозиция «маленький – большой» в детской языковой картине мира	41
<i>Гудков Д. Б.</i> Эссе о границе	51
<i>Колесник Н. В.</i> Фреймовая семантика Ч. Филлмора	58

ЛИНГВИСТИКА

<i>Филимонова Е. Н.</i> Лакуны в переводном тексте. Единицы мер	66
<i>Стафеева О.В.</i> Солнце и луна в мифологическом сознании индоевропейцев (на материале современного английского языка)	81
<i>Тарасова Т. И.</i> Почему язык права такой сложный?	88
<i>Тарасова Т. И.</i> Современные тенденции в изучении языка права	98
<i>Глуценко О.А.</i> Наречия с семантикой объединения в архангельских народных говорах	108

ЛИНГВОПОЭТИКА

<i>Москвин Г. В.</i> «...то были “Шотландские Пуритане”» (что читал Печорин перед дуэлью)	114
---	-----

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Каверина В. В. Вопросы орфографии в преподавании русского
языка как иностранного 133

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

Константная вариативность (опыт лингвистического исследования национально-культурных ценностей)

© кандидат филологических наук И. В. Привалова, 2002

Язык и культура, представляя собой разные семиотические системы, структурно сходны. Различные стороны детерминационной зависимости языка и культуры отмечаются многими учеными. Согласно Н. И. Жинкину язык выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности, поскольку является механизмом, открывающим перед человеком область сознания¹. По мнению Е. Ф. Тарасова язык включен в культуру, так как «тело» знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака – это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности².

Язык, выполняя эпистемическую функцию (форма хранения знаний о действительности), когнитивную функцию (средство получения нового знания), непосредственно взаимодействует с культурой – внебиологически выработанным способом деятельности людей, благодаря которому их активность соответствующим образом регулируется, физически обеспечивается и воспроизводится³.

Можно утверждать, что по отношению к культуре язык выступает как полифункциональная система. Он выполняет: а) кумулятивную функцию – культурные ценности хранятся в таких языковых единицах как слова, паремии, идиомы, метафоры, фразеологизмы, символы и т. д.; б) рефлексивную функцию – в языке проявляется национальный характер народа, его менталитет, система национально-культурных ценностей, мировидение. Посредством языка сокровища национальной культуры, зафиксированные в формах устной и письменной речи (фольклор, художественная и научная литература) передаются из поколения в по-

---

¹ Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество. М., 1998.

² Тарасов Е. Ф. Язык и культура: Методологические проблемы // Язык – Культура – Этнос. М., 1994.

³ Маркорян Э. С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.

коление, и, таким образом, осуществляется трансмиссионная функция. С позиций сторонников неогумбольдтианства, язык через отформатированную им языковую картину мира формирует личность индивида – носителя языка, реализуя таким образом свою креативную функцию.

Американские антропологи и культурологи среди основных составляющих культуры выделяют национально-культурные ценности: «Culture is the shared set of assumptions, values, and beliefs of a group of people by which they organize their common life» (Gary Wederspahn); «Culture consists in patterned way of thinking, feeling and reacting. The essential core of culture consists of traditional ideas and especially their attached values» (Clyde Kluckhohn)⁴.

Тезис о взаимосвязи языка и культуры позволяет предположить, что достижение понимания культуры определенного этноса возможно через анализ языковых единиц повседневного общения, поскольку в них отражены зафиксированные данным обществом стереотипы, нормы, установки и ценности. Под стереотипом понимается структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, ... репрезентирующих концепт феномена... в его национально-культурной маркированности⁵. Национальные социокультурные стереотипы квалифицируются как каноны, а прецедентные феномены – как эталоны. Под национально-культурными ценностями имеются в виду ценности, выполняющие определенные функции в механизмах жизни человека: координирующую, стимулирующую, регулирующую и др. Человек оценивает мир с точки зрения его ценностной значимости для удовлетворения своих потребностей. Об особенностях мировосприятия народа свидетельствует языковая информация о системе ценностей.

Существует национальный «набор» культурных ценностей, которым один этнос отличается от другого. Но в какой степени национально-культурные ценности являются категорией вариативной и как они взаимодействуют с реально существующей знаковой системой в конкретном социуме, в определенном временном и пространственном измерении? Данный вопрос стоял перед нами, когда мы проводили анкетный опрос русскоязычных информантов. В качестве испытуемых было выбрано 70 представителей русской культуры в возрасте от 14 до 74 лет, различного социального положения (учащиеся, студенты, рабочие, служащие, пенсионеры), из различных по масштабу населенных пунктов (г. Москва – крупный мегаполис, г. Саратов – средний российский

---

⁴ Цитаты по: *Storti C. Culture Matters. The Peace Corps Cross – Cultural Workbook. Washington, D.C., 1990, p. 12-13.*

⁵ *Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М., 1998, С. 127.*

областной центр с населением около 1 млн., г. Вольск Саратовской области – 200 тыс. человек). Выбор столь разнообразного круга информантов был продиктован желанием получить результаты, отражающие наиболее широкий спектр мнений. Испытуемым было предложено заполнить анкету следующего содержания:

Таблица № 1.

I. Отметьте, пожалуйста, перечисленные ниже названия духовных ценностей, которые, на ваш взгляд, типичны для русской культуры: 1. Коллективизм.   2. Мобильность, стремление к переменам в поисках лучшего.   3. Зависимость от общественного мнения.   4. Стремление взять ситуацию, жизнь «под контроль».   5. Индивидуализм и независимость.   6. Равенство независимо от социального положения.   7. Ориентация на семью.   8. Непрактичность.   9. Надежда только на свои силы.   10. Конкуренция и свободное предпринимательство.   11. Ностальгия по прошлому.   12. Оптимизм, надежда на будущее.   13. Необязательность.   14. Чинопочитание.   15. Фатализм.   16. Основное в жизни – хорошая работа.   17. Стабильность.   18. Открытость, честность, прямолинейность.   19. Практичность, превосходство материального над духовным.   II. Назовите ценности, которыми, по-вашему, живет молодое поколение россиян.   III. Как выше указанные ценности отражены в современном русском языке? Вспомните, пожалуйста, слова, поговорки, выражения молодежного слэнга, жаргона, отрывки из песен, рекламы.   IV. Назовите идеалы, ценности, которыми, по вашему мнению, живет старшее поколение россиян.   V. Как выше указанные ценности отражены в оставшихся «заповедных» зонах современного русского языка?

В пункте I. анкеты список названий национально-культурных ценностей был составлен с привлечением данных, изложенных в статьях Р. Коулза⁶, и на основе нашего собственного опыта преподавания кросс-

⁶ Kohls R. The Values Americans Live By // Jason K., Posner H. Explorations in Modern Culture. Heinle & Heinle Publishers, 1994.

культурного аспекта американским студентам. Так, среди наиболее типичных американских национально-культурных ценностей Р. Коулз выделяет:

1. Personal Control over the Environment.
2. Change.
3. Time and Its Control.
4. Equality/Egalitarianism.
5. Individualism and Privacy.
6. Self-help Concept.
7. Materialism / Acquisitiveness.
8. Competition and Free Enterprise.
9. Future Orientation.
10. Action / Work Orientation.
11. Informality.
12. Directness, Openness and Honesty.
13. Practicality and Efficiency.

Мы намеренно включили вышеперечисленные названия национально-культурных ценностей в пункт 1 нашей анкеты с тем, чтобы проследить степень «американизации» мировосприятия представителей российской культуры. Результаты ранжирования названий национально-культурных ценностей, наиболее типичных для современной русской культуры показали, что только такие «американские» ценности, как «Оптимизм, надежда на будущее» и «Открытость, честность, прямолинейность», вошли в первую половину, наиболее частотно упоминаемых. Интересно, что в «американской» половине списка оказались «Необязательность» и «Стабильность», что, вероятно, отражает изменения, происходящие в русской ментальности под действием действительности.

Приводим результаты ранжирования (знаком * отмечены названия национально-культурных ценностей, классифицированных Р. Коулзом как истинно американские):

- *1. Оптимизм, надежда на будущее
2. Ностальгия по прошлому
3. Коллективизм
4. Зависимость от общественного мнения
- *5. Открытость, честность, прямолинейность
6. Фатализм
7. Непрактичность
8. Чинопочитание
9. Ориентация на семью
- *10. Надежда только на свои силы
- *11. Основное в жизни – хорошая работа

- *12. Мобильность, стремление к переменам в поисках лучшего
- *13. Равенство независимо от социального положения
- 14. Необязательность
- *15. Стремление взять ситуацию «под контроль»
- 16. Стабильность
- *17. Практичность, превосходство материального над духовным
- *18 Конкуренция и свободное предпринимательство
- *19. Индивидуализм и независимость.

Поскольку разброс в мнениях информантов был чрезвычайно велик и зависел, в основном, от возрастного фактора, нам представилось интересным построить и сравнить две аксиологические модели.

Система национально-культурных ценностей молодого поколения россиян репрезентируется в языке такими неологизмами как молодежный слэнг, прецедентные текстовые отрезки на основе рекламных текстов, «осовремененные» пословицы и поговорки. Результаты лингвистического изучения аксиологической вариативности представлены в таблице №2.

Современная действительность динамична, она характеризуется взаимопроникновением культур, влекущих за собой переоценку старых традиций и возникновение новых. Бурное развитие средств массовой информации способствовало стиранию граней между элитарной и массовой культурой, что в результате привело к упрощению структур разговорного языка. В настоящее время просторечие и арго пронизывают все сферы современного русского разговорного языка. Особую роль стали играть рекламные тексты, которые начинают функционировать как темпоральные прецедентные текстовые отрезки.

Рекламные тексты в новых экономических условиях занимают приоритетное место по степени психологического воздействия на человека. Их частотная трансляция по различным каналам средств массовой информации приводит к снижению критичности их восприятия и усвоению ряда фигурирующих в них клише и речевых оборотов, подчас неприемлемых с точки зрения норм русского литературного языка. Адресатом осмысливается весь текст рекламного сообщения, но запоминается и имеет наибольшую силу воздействия слоган. Слоган – важнейшая составляющая часть рекламного послания. В нем содержится основная идея и закрепляется настроение, которое рекламное послание стремится вызвать у адресата. Неудивительно, что именно рекламные слоганы выступают все чаще и чаще в современном русском языке как темпоральные прецедентные текстовые отрезки.

Таблица № 2

<p>Ценности, которыми живет молодое поколение россиян:</p>	<p>Пример новой языковой единицы (молодежный слэнг, реклама, криминальный жаргон, «осовремененные» паремии)</p>
<p>I. «Американские» ценности:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Надежда только на свои силы • Конкуренция и предпринимательство • Стремление к переменам в поисках лучшего • Стремление взять ситуацию под контроль • Превосходство материального над духовным • Индивидуализм и независимость • Высокооплачиваемая работа 	<p>На других надейся, а сам не плошай; Заряди мозги, если они есть; Не работаешь – не ешь; Движение — жизнь; не дай себе засохнуть; Хочешь жить – умей вертеться; Ментос – свежее решение Не имей 100 друзей, а имей 100 рублей Сделай дью; имидж – все, жажда – ничто; Кто работает тот и ест; Копейка рубль добывает.</p>
<p>II. Негативные ценности:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Потеря уважения к старшим • Пренебрежение к чужому опыту жизни (отрицание опыта родителей) • Потеря интереса к получению образования • Стремление заработать «легкие» деньги • Равнение на «заграницу» • Карьеризм 	<p>Опять тетя Ася приехала! Вино, кино, занудство, домино; Привет, романтики!; они всегда хотят как лучше, а получается как всегда; Тефаль думай за нас; Биолан, и говорит без выкрутасов; Халява; на халяву и уксус сладкий; на шару; Новое поколение выбирает PEPSI; в каждом есть MTV; поколение PEPSI и MTV Наглость – второе счастье.</p>

Таблица №2 (продолжение)

<p>Ценности, которыми живет молодое поколение россиян:</p>	<p>Пример новой языковой единицы (молодежный слэнг, реклама, криминальный жаргон, «осовремененные» паремии)</p>
<p>III. Супернегативные ценности:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Баксы, деньги, деньги..... • А ему все равно • Стремление получить много обманным путем • «Хождение» по головам • Культ силы, власти • Культ развлечений • Вседозволенность 	<p>Тонна баксов; деньги не пахнут; не в деньгах счастье, а в их количестве; Пофигизм; а мне по барабану; Без лоха и жизнь плоха; Человек человеку волк; Тот прав, у кого больше денег и прав; Оттянись; сникерсни; приколись; кайф; от кайфа крышу рвет; жизнь в удовольствие; отдыхай с пивом Балтика №7; бери от жизни все!; Супер – супер, клево... шухер!</p>
<p>IV. Положительные ценности:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Получение хорошего образования • Стремление сделать карьеру • Хорошая работа и достаток • Здоровье и спорт • Любовь к окружающим и природе • Стремление быть полезным обществу • Семья (забота о детях, почитание родителей) • Дружба, преданность друзьям • Оптимизм • Честность, открытость 	<p>Можно констатировать почти полное отсутствие действительно новых, оригинальных, часто употребляемых и прочно вошедших в обиход неологизмов</p>

Современная реклама, как часть культуры, задает ценностные ориентации, поэтому ее можно рассматривать как одно из средств массовой коммуникации, формирующей систему норм и оценок поведения представителей определенного лингвокультурного сообщества. Рекламный процесс направлен главным образом на формирование и закрепление в сознании адресата устойчивых стереотипов образа жизни, мышления, морали и нравственности, что является неотъемлемой частью формирования общественного сознания⁷.

Ценности, определяющие мировоззрение молодого поколения россиян, отличаются от ценностей старшего поколения. Среди ценностей, которыми живет старшее поколение россиян, были названы следующие (приводим их в порядке частотности):

1. Ностальгия по прошлому.
2. Ориентация на семью.
3. Стабильность.
4. Патриотизм.
5. Фатализм.
6. Коллективизм и равенство.
7. Оптимизм, надежда на будущее.
8. Открытость, прямолинейность, честность.
9. Зависимость от общественного мнения.
10. Вера в справедливость и твердую власть.
11. Стремление быть нужным обществу.
12. Готовность к соучастию, взаимопомощи и самопожертвованию.
13. Твердость данному слову, обещанию.
14. Превосходство духовного над материальным.
15. Чинопочитание.
16. Непрактичность.

В некоторых анкетах представителей молодого поколения вышеуказанные ценности язвительно-пренебрежительно называются как «Оседлость», «Быть как все», «Лучшая работа – работа наемного сотрудника», «Как все было хорошо!», «Продали страну!», «Консерватория, книги, шахматы» и т. д. и т. п.

В пункте анкеты, содержащем вопрос об отражении данных ценностей в языке, в основном были даны примеры русских пословиц и поговорок, типа: «Что сделано – назад не воротишь», «Семь раз отмерь, один раз отрежь», «Один в поле не воин», «Дружно – не трудно, а врозь – хоть брось», «На миру и смерть красна», «Сам погибай, а товарища выручай», «На каждый роток не накинешь платок», «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», «Начальник всегда прав, если начальник не прав, то см. пункт №1» и т. д.

---

⁷ Гермогенова Л. Ю. Эффективная реклама в России. М. 1994, С. 11.

Пословицы и поговорки относятся к узуально-поведенческим текстам, которые содержат принятые в определенном обществе ценностные ориентиры. По пословицам и поговоркам можно составить представление о национальном аксиологическом кодексе, т. к. в них содержатся поощрения или запреты определенных форм поведения. Национально-культурная специфика психологических стереотипов и исторических традиций является причиной существования в паремиологических фондах разных языков единиц, на которых лежит яркая печать национального колорита и самобытности. Подобные паремии характерны только для языка данного народа, и в другом языке невозможно подобрать эквивалент, в основу которого положен идентичный образ.

Итак, национально-культурные ценности можно квалифицировать как ментально-лингвальные структуры, обладающие национально-культурной маркированностью. Результаты проведенного исследования показывают, что в сравнении с языком этнически-темпорально-пространственно маркированной семиотической системой национально-культурные ценности являются категорией более стабильной и статичной, что, однако, не исключает их открытости и лабильности.

Вероятно, можно выделить ядро и периферию в лексико-семантическом поле языковых средств, которые являются репрезентантами аксиологических категорий, и, соответственно, выступают как овнешнители языкового сознания. Дифференцирующие национально-культурные ценности оформлены временем, они составляют сущность менталитета этноса и отличают его от других этносов. Подобные ценности отражены, как правило, в пословицах, поговорках, фразеологизмах, эталонах, прецедентных текстах, ситуациях, афоризмах. В подвергающейся изменениям действительности появляются новые нормы и ценности, получающие языковое оформление в неологизмах: единицах арго и темпоральных прецедентно-текстовых отрезках.

На данном историческом тапе американские и российские национально-культурные ценности находятся не в контрастивных, а взаимосоопоставительных отношениях, что свидетельствует о глобализации культур и процессе переоценки стереотипов, установок, норм и эталонов.

Национально-культурные ценности составляют одну из осей системы координат, по которой определяется поведение представителя данной этнической культуры. Результаты анализа специфики и динамики изменений национально-культурных ценностей этноса способствуют построению адекватной модели его образа мира.

Лингвистические исследования отражения национально-культурных ценностей в языке вносят вклад в изучение проблемы о соотношении языка и культуры. Культура есть неотъемлемый компонент дейст-

вительности, которую отражает язык, и изменения действительности влекут за собой изменения в языке. С другой стороны, так как язык и культура признаются формами существования сознания, то с появлением новых языковых явлений, вероятно, можно говорить (с известными оговорками) о том, что наблюдаются тенденции в переоформлении лингвокультурного сознания этноса. «Назвать – значит приписать определенное значение, а приписать определенное значение, значит, включить в свое сознание»⁸.

---

⁸ Уфимцева Н. В. Этнокультурные исследования языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М. 2000, С. 208.

Интерпретация изображенного объекта как многоуровневая модель

© кандидат филологических наук Е. А. Елина, 2002

Изображенный объект (условимся называть так произведение изобразительного искусства) и его вербальная интерпретация представляют собой соответственно «текст-объект» и трактующий его «метатекст». В общем семиотическом акте текст-объект как исходная семиотическая система может быть принята за *означающее*, вербальная интерпретирующая семиотическая система (метатекст) – за *означаемое*. Это означаемое – толкование объекта – представляет собой четыре типа интерпретационных текстов: 1 – специальные искусствоведческие тексты; 2 – «авторские» тексты, созданные самими авторами-художниками; 3 – литературно-художественные тексты, в сюжет которых входит описание художественного полотна; 4 – «неспециальные» тексты-интерпретации, составленные экспериментальным путем реципиентами-дилетантами с их различными социальными, профессиональными и индивидуальными характеристиками.

Означаемое – интерпретация содержательного стороны изображенного объекта (интерпретации формальной особенностей изображения в рамках данной статьи не рассматриваются) – может быть представлена в виде структурного четырехуровневого образования, принимаемого как модель (в реальных интерпретационных текстах структурные уровни могут быть формально не разграничены, порядок их – от низшего к высшему – не всегда соблюдается, вообще не все четыре уровня непременно используются в реальных текстах): денотативный уровень → ложноденотативный → коннотативный → символический.

На низшем уровне описания – *денотативном* – вербальное означаемое максимально приближено к изобразительному означающему и является его денотатом. Это соотношение можно представить в условной формуле: $S \rightarrow LD$, где за S принят изображенный объект, за L – его вербальное описание, D – денотат. Эта самая «примитивная» интерпретационная ступень требует от автора текста исключительно зрительной точности и простой номинации. Интерпретатором называются, «регистрируются» только бесспорные, объективно существующие на полотне элементы зрительного ряда. Количество и состав таких «зафиксированных» в вербальном тексте элементов зависит от замысла и мотивов интерпретатора. Как правило, интерпретация начинается описанием визуального ряда. Опираясь на свое денотативное представление, реципиент-читатель текста должен соотнести его с перечисленными в ин-

терпретации элементами и получить некоторое представление о взаимном расположении, признаках изобразительных знаков (композиции) и действиях, описанных этими знаками (сюжете).

Второй уровень интерпретации – *ложноденотативный* – представляет собой полный разрыв означаемого с означающим, т. к. вербальный знак в тексте-интерпретации не соответствует изобразительному фрагменту, вследствие чего некий интерпретационный смысл может выводиться при отсутствии соотносимого с этим смыслом изображения: $S \neq LD$. Автор текста домысливает утверждения, которые не только не отражены в зрительном ряде, но прямо ему противоречат. Такой домысел – это не просто «вчитывание» возможных смыслов в картину, но «навязывание» своего придуманного смысла. Иногда такая ложная денотация происходит неосознанно, для большей выразительности описания, иногда же целенаправленно решает определенную авторскую задачу. Этот уровень описания, встречающийся в текстах достаточно редко, можно считать тупиковым, он структурно необязателен в принципе, хотя помогает автору текста создать целые ряды ложных суждений и умозаключений.

На третьем уровне описания – *коннотативном* – вербальное означаемое расширяет свое содержание за счет подключения к нему различных дополнительных понятийных содержаний, эмоционально-оценочных смыслов – коннотаций (Con): $S \rightarrow LCon$. Автор не просто перечисляет изображенные объекты и их расположение, но дает им свои толкования, которые не следуют непосредственно из материала, «текста» картины. Интерпретация второго уровня произвольна, хотя достоверна, возможна в принципе, ее можно было бы назвать началом творческого подхода к описанию, который содержит в себе «вчитывание» возможных смыслов, создание новых реальностей. С этого интерпретационного уровня начинается выраженное обозначение авторской стилистики. Реципиенту же, знакомящемуся с данным уровнем интерпретации, уже не достаточно соотнести вербальное описание со своим денотативным опытом; он должен распространить свой опыт на определенный уровень абстракции, осмысления, чтобы успешно следовать за толкованием интерпретатора.

Четвертый уровень описания – *символический* – высший, наиболее сложный уровень интерпретации изображенного объекта, когда изображение проходит все возможные стадии вербального осмысления и приобретает в интерпретационном тексте значение символа (Sym), метафоры, наиболее отдаляясь от означающего (изображения): $S \rightarrow LSym$. Символический уровень представляет собой обобщение, вывод, который конструирует автор текста на основе предыдущих уровней и в соответствии со своей концепцией. Степень объективности, «надежности» этого высшего уровня интерпретации проблематична, поскольку зави-

сит не столько от непосредственного изображения, сколько от субъективной авторской оценки этого изображения. Реципиент на этом уровне интерпретационной абстракции либо должен из целого веера теоретически возможных символических смыслов выбрать тот, который предлагается интерпретатором, либо не принять его точку зрения – здесь вступает в силу фактор интуиции, эстетических представлений и установок – как интерпретатора, так и реципиента.

Весь интерпретационный текст (I), описывающий содержательную сторону объекта, можно формализованно представить как $I \rightarrow S + L(D \text{ Con Sym})$, где S (означающее) – величина постоянная – инвариант (для любых интерпретаций данного объекта), означаемые – $LD + L\text{Con} + L\text{Sym}$ – переменные (зависящие от интерпретатора), следовательно, значение I всегда вариативно.

На примерах, взятых из всех типологических групп интерпретаций, иллюстрируется описанная структура интерпретационных текстов. Рассмотрение содержательной стороны текстов-интерпретаций позволит определить, какие из структурных уровней наиболее адекватны объекту, какие (и за счет чего) – в меньшей степени; каким образом восприятие содержательной составляющей интерпретаций формирует у реципиента-читателя представление о картине, так называемый «картинный образ».

В качестве объекта исследования рассматривается художественное полотно Винсента Ван Гога «Едоки картофеля», в целом реалистическое, конкретно-предметное, относительно несложное для восприятия (не требующее какой-либо специальной подготовки).

Интерпретации собраны и обработаны на основе четырех искусствоведческих текстов (R. Metzger, I. Walther “Vincent van Gogh”¹; P. Юнг «Ван Гог»²; Н. Смирнов «Анри Перрюшо. Жизнь Ван Гога». Послесловие³; Ю. Кузнецов «Ван Гог. Письма. Вступительная статья»⁴), «авторской» интерпретации (Ван Гог «Письма»⁵), литературно-художественного текста (И. Стоун, «Жажда жизни»⁶), а также объединенных в один нескольких “неспециальных” текстов.

Содержательный анализ в искусствоведческих текстах представлен следующими уровнями.

---

¹ Metzger R., Walther I. Vincent van Gogh. – Köln: Taschen Verlag GmbH, 1998. С.50.

² Юнг Р. Ван Гог. – М.: Слово/Slovo, 1995. С. 54.

³ Смирнов Н.А. Анри Перрюшо. Жизнь Ван Гога. Послесловие. – М.: Радуга, 1987. С.366

⁴ Кузнецов Ю.Н. Ван Гог. Письма. Вступительная статья. – М.-Л.: Иск-во, 1966.

⁵ Ван Гог В. Письма. – М.-Л.: Иск-во, 1966. С.239.

⁶ Стоун И. Жажда жизни. Повесть о Винсенте Ван Гоге. – М.: Худ. лит., 1961.С.290.

1 – денотативный (Metzger, Walther): *Пять едоков картофеля собрались вокруг грубого деревянного стола. Перед самой молодой женщиной стоит блюдо с дымящимся картофелем. Старуха напротив разливает в подставленные чашки солодовый кофе. Керосиновая лампа скупо освещает обстановку, выхватывает из мрака убогий быт*

Эта часть интерпретации «пересказывает» картину и дает определенное представление о сюжете, персонажах, композиции. В данной интерпретации денотативный уровень исчерпан перечисленным вербальным рядом, хотя сам объект включает в себя, безусловно, еще множество неназванных элементов.

2 – ложноденотативный: *Молодая женщина распределяет картофель по порциям под ожидающими взглядами окружающих* (здесь и далее подчеркнуто нами. – Е. Е.).

Здесь прямое нарушение достоверности зрительного ряда: на картине молодая женщина *не* занимается распределением картофеля; ожидающих взглядов *нет* просто потому, что взгляды сидящих за столом направлены в разные стороны, но только не на блюдо с картофелем и не на молодую женщину (одна же из женщин вообще сидит спиной к зрителям). Не сопоставив эту вербальную часть описания с реальной картиной, читатель сразу получает ошибочное представление о зрительном ряде.

3 – коннотативный: *Три поколения участвуют в этом скромном ужине... Вся крестьянская семья собралась, как обычно, на совместный ужин.*

Перечисленных здесь утверждений нет непосредственно в зрительном ряде (неизвестно, действительно ли вся семья здесь; возможно, здесь два, а не три поколения, как, кстати, утверждается в тексте другого интерпретатора; может быть, этот ужин чем-то необычен и т. д.)

4 – символический: *Лица отмечены следами еженедельных забот, но в выразительных глазах читается доверие друг к другу и удовлетворенность, которая собрала их вместе. И кажется, что вообще нет внешнего мира, и никакой мешающий посторонний звук не потревожит это тихое спокойствие.*

Вывод интерпретаторов оптимистичен: человеческие отношения легко одерживают верх над тяготами быта. Единение, душевная теплота – вот метафорический смысл картины в интерпретации Metzger'a – Walther'a.

1 – денотативный (Смирнов): *Низкая мрачная комната крестьянской хижины освещена неярким светом керосиновой лампы. За столом – крестьяне в бедной одежде. Вокруг – убогая утварь и жалкий ужин перед сидящими.*

«Регистрация» в данном описании еще более неполна, чем регистрация в предыдущем тексте, и не дает сколько-нибудь исчерпывающего

описания объекта (в частности, чересчур обобщенное *крестьяне* не указывает ни на их количество, ни на возраст, ни на пол, обобщенные понятия – *убогая утварь* и *жалкий ужин* также не определяют конкретный состав зрительного ряда.)

2 – ложноденотативный: *Один из них протягивает (?) очищенную картофелину и делает это так нежно и бережно...*

Здесь интерпретатор ошибается: крестьянин подносит рукой ко рту не очищенную картофелину, а чашку с только что налитым горячим кофе (кстати, очищенный и не крупно нарезанный картофель крестьяне за столом едят вилками, а не руками). А делает он это «нежно и бережно» по сугубо практической причине: горячий кофе налит до краев чашки, и нужно его не расплескать. Но эта, казалось бы, частная ошибка в детали тянет за собой цепь ложных авторских суждений:

... делает это так нежно и бережно, как только может делать человек, знающий цену работе, доставившей ему этот скудный плод земли. Вместе с тем в этом жесте выражена полная мера теплоты и сердечности, которые связывают собравшихся за столом.

3 – коннотативный и 4 – символический: *Изнурительная работа от зари до зари согнула их спины, сделала грубыми лица и руки. В картине определена сущность бытия крестьян: они едят для того, чтобы работать, и работают для того, чтобы есть, – в этом заколдованный круг их трудной жизни, нечто вечное и неизменное, искони им присущее.*

Осмысление картины Смирновым, в отличие от позитивного взгляда Metzger'a – Walther'a, негативно, пессимистично: главное для автора текста – не чувство теплоты (которое он, правда, как и Metzger – Walther, замечает), а неизбежность тяжелого труда.

Один из текстов (автор Юнг) представлен только сжатым денотативным описанием с элементами коннотации: *Едоки картофеля – крестьяне: усталые и голодные, собрались они после трудного дня за столом вокруг дымящегося блюда, чтобы насытиться нехитрым угощением.*

В тексте Кузнецова отсутствуют три первых уровня, есть только символический: *Задача – раскрыть подлинный характер явления. Такой выбор продиктован стремлением Ван Гога показать существенные стороны окружающей действительности, а взволнованная манера изображения – искренней любовью художника к рабочим людям, проявлением «партийности» его взглядов.*

Интерпретатор демонстрирует крайне вульгарный социологический подход, обобщая интерпретацию до безлико-отвлеченной советской «партийности в искусстве». Умозаключение строится только на соответствии / несоответствии художника «поставленной задаче», раскрытию / нераскрытию «подлинного характера явления». Такая интер-

претация не имеет смысла в принципе, т. к. изображенный объект в ней практически не обозначен.

Итак, два первых рассмотренных текста (Metzger – Walther, Смирнов) сходны на интерпретационном денотативном уровне. На следующих уровнях тексты значительно содержательно расходятся, – вступает в действие субъективное творчество авторов – однако сходны в одном положении: «... в глазах читателя доверие друг к другу и умиротворенность, которая собрала их вместе» (Metzger – Walther), «... в этом жесте выражена полная мера теплоты и сердечности, которые связывают собравшихся за столом» (Смирнов).

Расхождение же естественно объясняется вольной трактовкой образов каждым интерпретатором.

На символическом уровне (в общем случае) смысловое расхождение интерпретаций либо возможно, либо неизбежно в зависимости от сложности объекта (картины), а также от индивидуальной и социальной позиции автора текста. Различие акцентов в суждениях связано как с индивидуальными особенностями интерпретатора, так и со степенью необходимости придерживаться определенной социальной установки в оценке. В интерпретации Смирнова эта установка, «ангажированность» проявляется ярче, чем в интерпретации Metzger’a – Walther’a, однако слабее, чем в суждении Кузнецова, которое все представляет собой жесткий социальный заказ.

Содержательный анализ в «авторском» тексте («Письма» Ван Гога) выглядит несколько иначе, чем в рассмотренных искусствоведческих.

Денотативный уровень: *Сюжет у меня – серый интерьер, освещенный небольшой лампой. Серая холщовая скатерть, закопченная стена, грязные чепчики...*

Первый уровень составлен нами искусственно. Перечисление отдельных «серых», «грязных» предметов не может создать, естественно, представления о сюжете картины, оно вырвано из авторского контекста, в контексте же имеют иную цель, чем простое перечисление предметов в искусствоведческом тексте. Автор-художник объясняет, какими конкретными художественными способами, какими средствами ему удалось достичь темно-серого колорита (т. е. интерпретация плана *изображенного* переходит в план *изображения* – анализ содержания срывается с анализом формы, что вообще свойственно текстам Ван Гога).

Символический уровень: *Я старался подчеркнуть, что эти люди, поедающие свой картофель при свете лампы, теми же руками, которые они протягивают к блюду, копали землю; таким образом, полотно говорит о тяжелом труде и о том, что персонажи честно заработали свою еду. Я хотел дать представление о совсем другом образе жизни, чем тот, который ведем мы, цивилизованные люди.*

Процитированный четвертый уровень в данном тексте выражен основательно, убедительно, хотя немного наивно по форме. Автор сам становится интерпретатором (и популяризатором) своей работы. Но в то время как профессиональные искусствоведческие интерпретации категоричны, императивны в суждениях (хотя их авторы сами не имеют отношения к созданию произведения), создатель «авторского» текста дает суждение, полное субъективной модальности – выражения неуверенности в результате своего художественного воплощения (*Я старался подчеркнуть... я хотел дать представление...*).

Содержательный анализ в литературно-художественном тексте (автор Стоун) оказывается тесно связанным с «авторской» интерпретацией Ван Гога.

Автор романа о жизни и творчестве Ван Гога, прежде всего, переводит описание на «внекартинный» уровень, «затекст», действуя по законам литературно-художественного вымысла. Персонажи картины «оживлены», персонифицированы, они имеют имена, фамилии, степени родства. Описана их будничная жизнь, занятия и взаимоотношения, отношения с Ван Гогом, представлена вероятная история создания картины: *Винсент сидел в хижине Де Гроотов и ждал, когда они вернутся с поля... Де Грооты были едоками картофеля. За ужином они выпивали по чашке кофе и раз в неделю съедали по куску ветчины. Они сажали картофель, копали картофель и ели картофель. В картофеле заключалась вся их жизнь.*

Содержательный анализ в литературно-художественном тексте представлен несколькими уровнями.

1 уровень: *Грязная домотканая скатерть и столе, закопченная стена, лампа, подвешенная к грубым балкам. Син, подающая отцу дымящуюся картошку, мать, наливающая отцу черный кофе, брат, поднесший чашку ко рту...*

3 уровень (имена и указание на родство): *Син, отец, мать, брат... И на всех лицах печать спокойствия, терпеливого смирения перед извечным порядком вещей.* (Здесь сходство с искусствоведческим текстом: *В глазах читаются доверие и умиротворенность – Metzger – Walther; полная мера теплоты и сердечности – Смирнов.*)

4 уровень: *Он (Ван Гог) стремился как можно яснее показать, что эти люди, едящие картофель при свете висячей лампы, теми же руками, которыми они теперь брали еду, копали землю; он хотел рассказать о тяжелом физическом труде, о том, как честно эти люди зарабатывают свой хлеб насущный.*

Авторское суждение – почти дословное повторение интерпретации самого Ван Гога, взятой из его писем. (Ср.: *я старался подчеркнуть, что эти люди, поедающие свой картофель при свете лампы, теми же руками, которые они протягивают к блюду, копали землю; таким обра-*

зом, полотно говорит о тяжёлом труде и о том, что персонажи честно заработали свою еду.)

Писатель практически не даёт своей интерпретации, просто «расскавычивая» интерпретацию Ван Гога. *Картина пахла ветчиной, дымком и картофельным паром.* (Ср. Ван Гог: *Если картина пахнет салом, дымком, картофельным паром – чудесно.*)

«Неспециальные» интерпретации этой же картины, собранные у пяти реципиентов-дилетантов, суммированы (на основании наиболее существенных их фрагментов) в одну условную общую («коллективную») интерпретацию. Каких-либо установок реципиентам задание в себя не включало, испытываемым было предложено «описать картину и выразить свое отношение к ней». Дополнительная информация, полученная реципиентами, касалась авторства, времени создания и названия.

Соотношение четырех уровней содержательного анализа в неспециальном тексте оказалось во многом отличным от описанных предыдущих. Прежде всего, значительно больший объем приходится в данном неспециальном тексте на денотативный уровень, который представляет собой развернутый подробный описательный текст с выраженным стремлением авторов (можно сказать – коллективного автора) отразить как можно большее количество точных деталей:

Над столом в темной комнате висит керосиновая лампа. За столом сидят три женщины и двое мужчин. Одна женщина пожилая, одна молодая, а третья сидит спиной, и ее возраст нельзя определить. Мужчины средних лет. На столе стоит тарелка с нарезанным картофелем и четыре чашки с кофе. Трое человек едят картофель, пожилая женщина разливает в чашки кофе, а пятая чашка уже в руках мужчины. На женщинах белые чепчики, на мужчинах кепки. Одеты все бедно, в темную одежду. У них натруженные руки и грустные лица. На темных стенах видны кухонные предметы: миска, ложки, на другой стене висят часы.

В отличие от профессиональных авторов, автор данной интерпретации понимает свою задачу буквально (описать картину), поэтому старается перечислить как можно больше фрагментов визуального ряда, ничего не упустить (называя даже с трудом определяемые часы на стене). Автор «дилетантского» текста очень точен, внимателен к деталям (куда более точен и внимателен, чем интерпретаторы-профессионалы), однако при этом общий социальный фон картины им почти не замечен: в отличие от профессиональных текстов, здесь не указано, что сидящие за столом – *крестьяне*, что они находятся в *деревенской* хижине. В неспециальном тексте не прослеживается также связи (обязательной и всячески подчеркиваемой в рассмотренных профессиональных текстах) между картофелем – пищей и картофелем – делом жизни персонажей.

Коннотативному уровню в неспециальном тексте отводится очень незначительное место (всего две фразы), к тому же он и формально выражен как *возможный*: *Возможно, здесь представлена вся семья: отец, мать, две дочери и сын... Наверное, эти люди устали после работы и теперь отдыхают...*

Символический уровень также вводится выражением субъективной неуверенности:

Мне кажется, художник хотел показать, как бедно живут люди и не видят ничего светлого, радостного в жизни, кроме картофеля на ужин. Поэтому и лица их стали похожи на картофель (какие-то темные, грубые и кривые), и общий цвет картины – это цвет картошки и земли.

Суждение в данном тексте представляет особый интерес. Во-первых, здесь, как и в профессиональных интерпретациях, отмечена тяжелая доля и жалкий быт персонажей (это бесспорные для всех факты, сама картина в идее своей прозрачна – художник явно достиг своей цели). Во-вторых, автором интуитивно найдена чисто художественная деталь («цвет» картины – цвет картофеля), которая всячески подчеркивалась самим Ван Гогом (в рассмотренных искусствоведческих текстах, кстати, такое сравнение не фигурирует). И в-третьих, замечание о сходстве изображенных лиц с картофелем, не встречавшееся в рассмотренных профессиональных текстах, кажется точным и глубоким наблюдением.

В общем неспециальные тексты отличают от профессиональных высокая концентрация на денотативном уровне, полное отсутствие ложной денотации, слабо выраженное внимание к уровню коннотации, отмеченному авторской неуверенностью, и краткая формулировка символического суждения.

Представленный анализ организации текстов-интерпретаций позволяет определить, каким образом многоуровневость интерпретаций, субъективная «включенность» авторов в описание, «грамотная» профессиональная композиция текстов (признаки, отличающие профессиональные тексты от «наивных») способствуют переложению «текстов» с изобразительного кода на вербальный, что создает иллюзию адекватного «перевода» при принципиальной невозможности реальной перекодировки разнокодовых семиотических систем.

Языковая картина мира в антиномиях

© кандидат филологических наук Пак Сон Гу (Республика Корея), 2002

В последние годы большое внимание уделяется изучению языковых картин мира различных типов сознания – обыденного, художественного, научного. Главным методом изучения всех видов сознания чаще всего выступает метод сравнения. Специфика национальных картин мира, по мнению Л. Быковой и Н. Сукаленко, «в первую очередь базируется на своеобразии эмпирической и символической Вселенной различных народов... Иначе говоря, расхождения национальных картин мира прежде всего связано с различием культур в широком смысле этого слова» (1996/1997, 411-412). Фиксация же различий в культурах разных стран в значительной степени связана с языковым знаком, важную роль при этом играют антиномии, состоящие из температурных, вкусовых, пространственных и т. д. «чувственных метафор» (см. об этом Сукаленко 1992, 25). Как полагает Н. Сукаленко, в основе этих метафор лежит действие единого ассоциативного механизма оценки впечатлений, приписываемых представителями различных культур внешним предметам и собственному телу. В орбиту действия этого механизма вовлекаются сложнейшие и чрезвычайно тесно переплетающиеся друг с другом факторы: физиологическая природа человека, в частности, удовольствие или неудовольствие, испытываемое представителями различных языковых коллективов при соприкосновении с миром, в котором они живут; аналоговость, метафоричность и стереотипность восприятия и мышления, закрепленные в языковой картине мира того или иного языка, «врастание» носителей языка в свою языковую картину мира (Там же).

Цель данной статьи – проанализировать основные «чувственные метафоры» русского и корейского языков, выявить сходства и расхождения базисных антиномий двух языков.

По мнению Н. Д. Арутюновой, параметрические пространственные характеристики объектов фиксируют прежде всего отклонения от нормы типа *высокий – низкий*, *широкий – узкий*, *большой – маленький*, *глубокий – мелкий*, срединная же часть градационной шкалы представлена бедно (Арутюнова 1987, 10). По мнению ряда ученых, такая избирательность пространственных отношений имеет генетические корни, так как абстракции типа *большой – маленький* и т. п. скорее всего были получены нами по наследству от наших предшественников по эволюции. Возможно, именно по этой причине психологическое восприятие больших и малых величин очень эмоционально, и экспрессивная оценка этих впечатлений легла в основу большого количества переносных значений.

Как в русском, так и в корейском языках в антиномиях типа *широкий – узкий, глубокий – мелкий, большой – небольшой (маленький), высокий – низкий* и т. д. большие величины в отличие от малых тяготеют к положительным оценкам: русск. *широкие/узкие взгляды, глубокая/мелкая натура, большой/небольшой поэт, артист, высокие/низкие помыслы* и т. д.; корейск. *нольбым маым* (букв. «широкая душа») – *джобым маым* (букв. «узкая душа»), *гыпын маым* (букв. «глубокая душа») – *ятхын сарам* (букв. «мелкий человек»), *кхын сарам* (букв. «большой человек») – *чагын сарам* (букв. «маленький человек»), *нопын сарам* (букв. «высокий человек») – *надин сарам* (букв. «низкий человек») и т. д.

Исключением из больших величин, правда, уже из осязательных ощущений является противопоставление *тяжелого* и *легкого*. Причиной этого, возможно, является негативное впечатление, складывающееся у человека от поднятия тяжести и позитивное – от незначительного груза.

Если картина мира русского языка удивительно последовательна, то в корейском языке картина мира не так разветвлена и последовательна в отношении антиномии *тяжелый – легкий* (см. Табл. № 1, 2). Например, представление о тяжести сохраняется в словосочетаниях *мугоун мом* (букв. «тяжелое тело»), *мугоун ыму* (букв. «тяжелая обязанность»), *мугоун гвадже* (букв. «тяжелая задача»), *мугоун чве* (букв. «тяжелая обязанность»), *мугоун хёнболь* (букв. «тяжелое наказание»), но очень во многих случаях по сравнению с русским языком нарушается: *химдын нодон* (букв. «трудный труд»), *химдын иль* (букв. «трудная работа»), *кхын гонмуль* (букв. «большое здание»), *сылпун гамджон* (букв. «грустное чувство»), *орён сэнгак* (букв. «трудные мысли»), *уурхан гибун* (букв. «грустное настроение»), *орён джокон* (букв. «трудные условия») и т. д.

В корейском языке у слова *мугоун* есть переносные значения, отсутствующие в русском языке: «умеющий хранить тайны», «нести ответственность за что-л».

Слово *тяжелый* в русском языке, по мнению Н. И. Сукаленко, употребляется в положительном смысле, когда речь идет о большой массе чего-либо, о том, что прагматически выгодно человеку, напр.: *тяжелые гроздья винограда, тяжелые колосья* и т. д. Или когда на первый план выступает эстетический критерий, напр., говоря о красоте женских кос: *тяжелые косы* (см. Сукаленко 1992, 38).

В корейском языке также в некоторых случаях слово *тяжелый* имеет положительную оценку, например, говоря о масштабности художественного произведения, напр., *мугоун джанхум* (букв. «тяжелое произведение»).

Слово *легкий* в русском языке, а *кабён* (букв. «легкий») в корейском языке во многих оценочных аспектах противостоят *тяжелому (мугоун)*: русск. *легкое тело, легкая фигура, легкая работа, легкий человек* и т. д.;

корейск. *кабёун джим* (букв. «легкая ноша»), *кабёун гвадже* (букв. «легкая задача»), *кабёун иль* (букв. «легкая работа») и т. д. (см. Табл. № 2).

Однако в русском языке не существует *легких мыслей, размышлений, легкого настроения*, также не существует *тяжелых нравов и тяжелого отношения к жизни*, а в корейском языке отсутствует *мугоун киль* (букв. «тяжелая дорога»), *мугоун сарам* (букв. «тяжелый человек»), *му гоун токсо* (букв. «тяжелое чтение»), но в русском и корейском языках есть фразеологически связанные словосочетания *легкая музыка, легкое чтение, кабёун ыммак* (букв. «легкая музыка») и *циун токсо* (букв. «легкое чтение»).

В отличие от русского в корейском языке слово *кабёун* может иметь следующие переносные значения: ‘несерьезный, легкомысленный’; ‘неусидчивый’; ‘болтливый’.

В русском языке существует выражение *легко на подъем* (говорится о человеке, который легко, без труда решается куда-либо ехать, идти и т. д.), которое имеет положительную коннотацию, корейское же выражение *гундунъига кабёбта* (букв. «задница легкая») имеет отрицательную коннотацию и говорится о неусидчивом человеке. *Легкий человек* для русского – это уживчивый, покладистый человек, для корейца же *кабёун сарам* (букв. «легкий человек») – легкомысленный, несерьезный человек.

Таблица № 1.

Тяжелый – мугоун (букв. «тяжелый»)

	Значения	В русском языке	В корейском языке
1	Впечатление от тяжести реальных объектов	тяжелое тело, тяжелая фигура тяжелое здание	мугоун мом (букв. «тяжелое тело») кхын гонмуль (букв. «большое здание»)
2	То, что ощущается как бремя, поглощая все физические и моральные силы	тяжелая работа тяжелый труд тяжелая обязанность тяжелая задача тяжелая вина	химдын иль (букв. «трудная работа») химдын нодон (букв. «трудный труд») мугоун ыму (букв. «тяжелая обязанность») мугоун гваджэ (букв. «тяжелая задача») мугоун джэ (букв. «тяжелая вина»)
3	То, что угнетающее действует на настроение человека	тяжелое чувство тяжелые мысли, тяжелые размышления, тяжелые думы тяжелое настроение тяжелое зрелище	сылъпхун гамдзон (букв. «грустное чувство») орёун сэнгак (букв. «трудные мысли») мугоун саннём (букв. «тяжелые думы») уульхан гибун (букв. «грустное настроение») будами двенын гвангён (букв. «тяжелое зрелище»)

4	То, что трудно переносится человеком, доставляет неудобства, дискомфорт	тяжелые условия тяжелая жара тяжелый воздух тяжелый запах тяжелая пища тяжелый сон тяжелое дыхание	орёун джокон (букв. «трудные условия») чамки химдын дови (букв. «нетерпимая жара») конгига анджотха (букв. «плохой воздух») докхан нэмсэ (букв. «ядовитый запах») сохвага андвэнын ымсик (букв. «трудноперевариваемая пища») куми санабта (букв. «злой сон») химдын хохиб (букв. «затрудненное дыхание»)
5	Видимые атрибуты невидимого психического мира	тяжелый взгляд	монхан нунчори (букв. «бессмысленный взгляд»)
6	Характеристика человеческой личности	тяжелый человек тяжелый характер тяжелый ребенок	орёун сарам (букв. «трудный человек») химдын сонгёк (букв. «трудный характер») орёун аги (букв. «трудный ребенок»)
7	Грузный, лишенный легкости	тяжелые шаги	мугоун горым (букв. «тяжелые шаги»)
8	Медлительный	тяжелый ум	—
9	Суровый, очень серьезный	тяжелое наказание тяжелое преступление	мугоун хёнболь (букв. «тяжелое наказание») мугоун джэ (букв. «тяжелое преступление»)
10	О болезненных состояниях: опасный	тяжелая рана тяжелый больной тяжелые роды	джун сан (букв. «тяжелая рана») джунхванджа (букв. «тяжелый больной») нансан (букв. «трудные роды»)
11	Умеющий хранить тайны	—	мугоун сарам (букв. «тяжелый человек») иби мугобта (букв. «рот тяжелый»)
12	Нести ответственность за что-л.	—	чегими мугобта (букв. «ответственность тяжелая»)
13	С трудом решающийся идти, ехать, делать ч-л.	тяжелый на подъем	гундуньига мугобта (букв. «задница тяжелая»).

Таблица № 2.

Легкий – кабёун, щиун (букв. «легкий»)

	Значения	В русском языке	В корейском языке
1	Незначительный по весу, не отягощающий	легкая ноша легкая ткань легкий завтрак	кабёун джим (букв. «легкая ноша») кабёун отгам (букв. «легкая ткань») кабёун ачимсикса (букв. «легкий завтрак»)
2	Исполняемый, достигаемый, преодолеваемый без большого труда, усилий	легкая задача легкая работа легкая победа легкая дорога	кабёун гвадже (букв. «легкая задача») кабёун иль (букв. «легкая работа») кабёун сынли (букв. «легкая победа») щиун гиль (букв. «легкая дорога»)
3	Небольшой по силе, крепости, малозаметный, осторожный	легкий ветерок легкое вино легкое прикосновение легкая усмешка	якхан барам (букв. «слабый ветер») якхан пхододжу (букв. «слабое вино») якхан джобчок (букв. «слабое прикосновение») кабёун джосо (букв. «слабая усмешка»)
4	Лишенный грузности	легкие шаги легкая походка легкое тело легкая фигура легкое дыхание	кабёун горым (букв. «легкие шаги (походка)») ганырын моммэ (букв. «тонкая фигура (тело)») пёнанхан хохыб (букв. «спокойное дыхание»)
5	Не напряженный, не затруднительный	легкий сон	пёнанхан джам (букв. «спокойный сон»)
6	Не суровый, не строгий	легкое наказание	кабёун хёнболь (букв. «легкое наказание»)
7	Не опасный, не серьезный (о болезненных состояниях)	легкие роды	сунсан (букв. «легкие роды»)
8	Уживчивый, покладистый, приятный в общении	легкий человек	щиун сарам (букв. «легкий человек»)
9	Поверхностный, легкомысленный, неглубокий	легкий характер легкие нравы	джохын сонгёк (букв. «хороший характер») кабёун сонхян (букв. «легкие нравы»)
10	Доставляющий удовольствие	легкое отношение к жизни легкая музыка легкое чтение	кабёун сэнхвальбансик (букв. «легкий образ жизни») кабёун ыммак (букв. «легкая музыка») щиун токсо (букв. «легкое

			чение)»
11	Несерьезный, бессодержательный, легкомысленный	пустые слова, пустой разговор пустой человек	кабёун маль (букв. «легкая речь») кабёун дэхва (букв. «легкий разговор») кабёун сарам (букв. «легкий человек»)
12	Неусидчивый	—	гундуньига кабёбта (букв. «задница легкая»)
13	Болтливый	язык без костей, длинный язык	иби кабёбта (букв. «рот легкий»)

Противопоставление впечатлений, связанных с осязательными параметрами, выраженными антиномией *густой – жидкий* в русском языке, имеет некоторую специфику на фоне корейского (см. Табл. № 3, 4).

В русском языке представления, вызываемые понятием *жидкий* в прямом значении, оказались отчетливо связанными как с более явным выражением количества, так и с косвенным, указывающим на недостаточность по силе, величине, выразительности. Возможно, в данном случае на отрицательное впечатление от *жидкого* в первом прямом значении – как недостаточного по плотности – наслаивается негативное представление второго прямого значения о водянистости, ненасыщенности, отсутствии или малом количестве различных необходимых веществ: *жидкий суп, жидкий борщ, жидкий чай, жидкий кофе, жидкий клей*.

В корейском языке коллективное сознание также связывает не крепкие, не насыщенные, водянистые растворы, кушанья со словом *жидкий*: *мульгын пхуль* (букв. «жидкий клей»), *мульгын кук* (букв. «жидкий суп»). Однако такие напитки, как чай и кофе будут скорее всего связываться с нежным, мягким вкусом неконцентрированного напитка: *юнхан ча* (букв. «мягкий чай»), *юнхан кхони* (букв. «мягкий кофе»).

Отрицательная оценка, которая выражается прилагательным *жидкий* в переносном значении в русском языке, прямо связана с выражением недостаточного количества в следующих словосочетаниях: *жидкая рожь, жидкий кустарник, жидкий лес, жидкие волосы, жидкие усы, жидкая борода*. Более опосредованная связь с категорией количества, а именно: указание на недостаточную мощь, крепость, силу, интенсивность, выразительность – проявляется в целом ряде переносных значений: *жидкие хлопки, жидкое сложение, жидкое деревце, жидкие глаза, жидкий голос, жидкие мускулы, жидкие аргументы*. У носителя корейского языка *жидкий лес* будет связываться с обнаженностью: *холгобосын суп* (букв. «раздетый лес»); *жидкий голос* будет ассоциироваться с его тонкостью и звонкостью: *ганьрын моксори* (букв. «тонкий голос»); *жидкие мускулы* – с их слабостью, мягкостью и хилостью: *ёнъякхан*

чхэгёк (букв. «мягкое и слабое сложение»), хоякхан чегёк (букв. «хилое сложение»), а жидкие волосы, борода – с отсутствием плотности, густоты: дымсондымсон хан мори (букв. «редкие волосы»), дымсондымсон суём (букв. «редкая борода»).

В корейском языке слово *мульгын* (букв. «жидкий») имеет переносные значения: ‘нерешительный, безвольный’, ‘физически слабый’, как в словосочетании *мульгын сарам* (букв. «жидкий человек»). Для русского такой человек будет связываться с прилагательными *бесхарактерный, бесхребетный*, однако у этих прилагательных отсутствует сема ‘физически слабый’.

Национально-специфическое проявляется и во впечатлениях, связанных со словом *густой*. Низкий, полновзвучный голос русский определяет как *густой бас*, для корейца же это будет *гульгун ымсон* (букв. «толстый голос»), *густой суп* – это *джинхан кук* (букв. «тугой суп»), *густые облака, мрак и цвет* будут связываться с их темным цветом: *джитын гурым* (букв. «темные облака»), *джитын амьк* (букв. «темный мрак»), *джитын сэк* (букв. «темный цвет»), для русского непристойные слова, речь скорее всего будут *грязными*, для корейца же – *густыми*, как в словосочетании *джинан маль* (букв. «густая речь»).

Совпадения в двух языках встречаются лишь в значении ‘состоящий из многих, близко друг к другу расположенных однородных предметов’: русск. *густая пшеница, густые волосы, густые заросли*; корейск. *пхэкпхэкхан миль* (букв. «густая пшеница»), *пхэкпхэкхан мори* (букв. «густые волосы»), *пхэкпхэкхан суп* (букв. «густой лес, заросли»).

Таблица № 3.

Густой – пэкпэкхан (букв. «густой»)

	Значения	В русском языке	В корейском языке
1	Состоящий из многих, близко к друг другу расположенных однородных предметов, частиц	густая пшеница густые волосы густые заросли густой лес	пэкпэкхан миль (букв. «густая пшеница») пэкпэкхан мори (букв. «густые волосы») пэкпэкхан суп (букв. «густые заросли, лес»)
2	Насыщенный	густой цвет	джитхын сэк (букв. «темный цвет»)
3	О жидком: с ослабленной текучестью, насыщенном чем-нибудь	густая грязь густой суп	джильпхокхан джинчан (букв. «густая грязь») джинхан кук (букв. «тугой суп»)
4	О газообразном: насыщенный, плотный	густые облака густой мрак	джитхын гурым (букв. «темные облака») джитхын амхык (букв. «темный мрак»)

5	О низком голосе: полнозвучный	густой бас	гульгын ымсон (букв. «толстый голос»)
6	Непристойный, постыдный	грязные слова	джинхан маль (букв. «густая речь»)

Таблица № 4.

Жидкий – мультын (букв. «жидкий»)

	Значения	В русском языке	В корейском языке
1	С большим количеством воды, водянистый; не насыщенный, не крепкий	жидкий клей жидкий суп жидкий чай жидкий кофе	мультын пхуль (букв. «жидкий клей») мультын кук (букв. «жидкий суп») ёнхан ча (букв. «мягкий чай») ёнхан копхи (букв. «мягкий кофе»)
2	Редкий, не часто расположенный	жидкий лес жидкие волосы жидкая борода	хольгобосын супх (букв. «раздетый лес») дымсондымсонхан мори (букв. «редкие волосы») дымсондымсонхан суём (букв. «редкая борода»)
3	Недостаточный, неполный по величине, силе, выразительности	жидкий голос жидкое деревцо жидкие аргументы жидкие хлопки жидкое сложение жидкие мускулы	ганырын моксори (букв. «тонкий голос») чорахан нану (букв. «потрепанное деревцо») якхан нонджын (букв. «жидкие аргументы») джогын баксу (букв. «маленькие хлопки») хоякхан чегёк (букв. «хилое сложение») ёнякхан гынюк (букв. «мягкие и слабые мускулы»)
4	Нерешительный, безвольный; физически слабый человек	бесхребетный, бесхарактерный человек	мультын сарам (букв. «жидкий человек»)

Полярность ощущений *мягкий – твердый* в картинах мира русского и корейского языков наиболее интересно отразилась на характеристике человеческой личности. Однако в корейском языке картина мира в отношении этой антиномии не так последовательна, как в русском.

Такие невидимые, моральные, собственно личностные свойства, как дух, характер, убеждения в русском языке связаны с представлением о твердости и крепости, силе и решительности: *тверд духом, твердый характер, твердая воля*. В корейском языке воля, характер также связываются с твердостью: *гудын ыджи* (букв. «твердая воля»), *гудын сонгёк* (букв. «твердый характер»).

В русской языковой картине мира невидимые, личностные свойства могут проявляться в таких видимых признаках, как *твердый подбородок, твердая походка, твердый голос*, в корейском языке – *химчхан*

пальгорым (букв. «полная силы походка»), *химчхан моксори* (букв. «полный силы голос»).

Непоколебимость, устойчивость и прочность чего-либо в русском языке также ассоциируется со словом *твердый*: *твердое решение*, *твердые знания*, *твердый шаг*, *твердая уверенность*, в корейском же языке решения, знания и уверенность будут *незыблемыми*, *непоколебимыми*: *хаккохван гёльджон*, *хаккохван джищик*, *хаккохван мидым*. Твердые цены для корейца будут фиксированными: *годжондвэн гагёк*.

Совпадения в двух языках встречаются в значении: «не поддающийся при надавливании, жесткий, крепкий»: русск. *твердый картон*, *твердый грунт*, *твердые сплавы* и т. д.; корейск. *данданхан толь* (букв. «твердый камень»), *данданхан тток* (букв. «твердый грунт») и т. д.

В корейском языке у слова *данданхан* есть переносное значение: «здоровый, спортивного телосложения», как в словосочетании *моми данданхада* (букв. «тело твердое»), в русском языке подобное значение у прилагательного *твердый* отсутствует.

Представления о мягкости связываются как в русском, так и в корейском языках с такими проявлениями характера человека, как покладистость, уступчивость, мягкость, нежность (русск. *мягкий характер*, *мягкий человек*, *мягкий голос*; корейск. *будыроун сонгёк* (букв. «мягкий характер»), *будыроун могокори* (букв. «мягкий голос»), а для корейцев еще и доброта, как в словосочетании *маымсига будыробта* (букв. «душа мягкая»). Однако в отношении других переносных значений языковые картины двух языков заметно отличаются. Как видно из материалов таблицы № 6, лексема *будыроун* (букв. «мягкий») в корейском языке не имеет многих переносных значений, которые имеются в русском: обувь и приговор у корейцев будет ассоциироваться не со словом *будыроун* (букв. «мягкий»), а со словом *кабёун* (букв. «легкий»), свет и климат у корейца также ассоциируется не со словом *будыроун*, а со словом *тасыхан* (букв. «теплый»), а посадка – со словом *гапунхан* (букв. «легкий»).

Символами прочности, непоколебимости духа, убеждений для русского являются *камень* и *кремень*, сильной воли – *сталь*, *железо*, для корейца – *дэнаму* (букв. «бамбук»), *сонаму* (букв. «сосна»), *толь бучхо гатта* (букв. «как каменная будда»). Бесхребетность, бесхарактерность ассоциируются как у русского, так и у корейца с предметами, у которых отсутствует определенная форма: русск. *тряпка*, *кисель*, *лапша*; корейск. *вода* и *суль* (рисовая водка): *сурэ мультадыт*, *мурэ сультадыт* (букв. «как влить суль в воду, а воду в суль»).

Таблица № 5.

Твердый – данданхан, гудын (букв. «твердый»)

	Значения	В русском языке	В корейском языке
1	Не поддающийся при надавливании, жесткий, крепкий	твердый картон твердый грунт твердые сплавы твердая пшеница	данданхан доль (букв. «твердый камень») данданхан тан (букв. «твердый грунт») данданхан хабгым (букв. «твердые сплавы») данданхан миль (букв. «твердая пшеница»)
2	Не подверженный изменениям, непоколебимый, устойчивый	твердые цены твердый срок твердое решение твердые знания твердый шаг твердая уверенность	годжондвэн гагёк (букв. «фиксированная цена») хвагджондвэн гиган (букв. «фиксированный срок») хваккохан гёльдзон (букв. «незыблемое решение») хваккохан джишик (букв. «незыблемые знания») мидымджикхан хэнбо (букв. «уверенный шаг») хваккохан мидым (букв. «незыблемая уверенность»)
3	Сильный и решительный	твердая воля твердый характер тверд духом кто-н. твердый тон	гудын ыджи (букв. «твердая воля») гудын сонгёк (букв. «твердый характер») бульгулы джонсиниль гаджин сарам (букв. «неукротимый духом человек») ганхан оджо (букв. «сильный тон»)
4	Жестокый, не знающий жалости	твердое сердце	–
5	Здоровый, спортивного телосложения	человек крепкого здоровья, атлетического телосложения	моми данданхада (букв. «тело твердое»)

Таблица № 6.

Мягкий – будыроун (букв. «мягкий»)

	Значения	В русском языке	В корейском языке
1	Легко поддающийся давлению, сжатию, малоупругий, эластичный	мягкий хлеб мягкий диван мягкая обувь	Будыроун пан (букв. «мягкий хлеб») Будыроун сопха (букв. «мягкий диван») кабёун шинбаль (букв. «легкая обувь»)
2	Приятный при ощущении, не раздражающий	мягкий свет мягкий голос	тасыхан бит (букв. «теплый свет») будыроун мogsори (букв. «мягкий голос»)
3	Плавный, размеренный	мягкое движение мягкая посадка	Будыроун умджигим (букв. «мягкое движение») гапунхан чаньюк (букв. «легкая посадка»)
4	Кроткий, лишенный грубости, резкости	мягкий характер	Будыроун сонгёк (букв. «мягкий характер»)
5	Добрый	душа нараспашку	Маымсига будыробта (букв. «душа

			мягкая») кабёун пхангёль (букв. «легкий приговор»)
6	Не очень строгий, снисходительный, не суровый	мягкий приговор	
7	Теплый, приятный	мягкий климат	тасыхан гиху (букв. «теплый климат»)

Из всех вкусовых ощущений наиболее ярким и последовательным в языковых картинах мира русского и корейского языков является представление о сладком вкусе как самом приятном для человека. Это приятный вкус чего-либо (например, русск. *сладкий пирог*; корейск. *далькхонхан пан* (букв. «сладкий хлеб»); что-либо, доставляющее удовольствие (русск. *сладкий сон, сладкие мечты*; корейск. *далькхонхан сам* (букв. «сладкая жизнь»), *далькхонхан кум* (букв. «сладкий сон (мечты)»); *далькхонхан чхуок* (букв. «сладкие воспоминания»), приятные звуки и запахи (русск. *сладкие звуки, сладкие запахи*; корейск. *далькхонхан сори* (букв. «сладкий звук»), *далькхонхан нэмсэ* (букв. «сладкий запах»).

Однако у слов *сладкий* в русском языке и *далькхонхан* в корейском существуют и отрицательные значения, как в словосочетаниях: русск. *сладкая улыбка, сладкий голос, сладкие речи*; корейск. *далькхонхан моксори* (букв. «сладкий голос»), *далькхонхан маль* (букв. «сладкие слова»). Что касается выражения *далькхонхан моксори*, то в корейском языке оно амбивалентно: может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Словосочетание же *далькхонхан мисо* (букв. «сладкая улыбка»), в отличие от подобного русского выражения, имеет самую положительную коннотацию.

Представления о сладком в языковых картинах мира обоих языков прежде всего противопоставит *горькому* по целому ряду переносных значений: русск. *горькая жизнь, горькая судьба, горькие слова, горькие речи, горькие слезы и горький хлеб*; корейск. *сын маль* (букв. «горькие слова»), *сын нэмсэ* (букв. «горький запах»). Следует отметить, что *горький* не всегда характеризует что-либо негативное или неприятное. Например, *горький запах полыни, березовых почек или тополя* скорее можно назвать приятным, чем неприятным. По мнению корейцев, *сын як* (букв. «горькое лекарство») хоть и имеет неприятный вкус, однако полезно, тоже можно сказать и о *сын маль* (букв. «горькие слова»), которые хоть и неприятно слушать, однако в будущем они могут принести заметную пользу. *Горький* также не противопоставлен *сладкому* в некоторых представлениях психического мира: русск. *горькая (истина) правда, горькая обида, горький опыт*; корейск. *сын джинциль* (букв. «горькая истина»), *сын усым* (букв. «горький смех»).

Русское коллективное сознание связывает тяжелую, полную горя жизнь, долю со словом *горький*, для корейцев же такая жизнь, доля будет скорее всего ассоциироваться со словом *трудный* (*химдын сам*, *химдын унмён*), неприятный запах корейцы связывают со словом *рвотный* (*ёккёун нэмсэ*), а *горькие слезы* – со словом *кровавые* (*пхи нунмуль*).

Таблица № 7.

Сладкий – дан, далькхонхан (букв. «сладкий»)

	Значения	В русском языке	В корейском языке
1	Имеющий приятный вкус, свойственный сахару, меду	сладкий пирог	далькхонхан пан (букв. «сладкий хлеб»)
2	Приятный, доставляющий удовольствие	сладкая жизнь сладкий сон сладкие мечты	далькхонхан сам (букв. «сладкая жизнь») далькхонхан кум (букв. «сладкий сон, мечты»)
3	Приторно-нежный, умильный	сладкая улыбка сладкий голос	далькхонхан мисо (букв. «сладкая улыбка») далькхонхан моксори (букв. «сладкий голос»)
4	Льстивый, лицемерный	сладкие речи	далькхонхан маль (букв. «сладкие слова»)

Таблица № 8.

Горький – сын (букв. «горький»)

	Значения	В русском языке	В корейском языке
1	Имеющий своеобразный едкий и неприятный вкус	горькое лекарство горький миндаль	сын як (букв. «горькое лекарство») сын ёльмэ (букв. «горький плод»)
2	Имеющий неприятный вкус	горький запах тополя, полыни, березовых почек	сын нэмсэ (букв. «горький запах»)
3	Горестный, тяжелый	горькая доля горькая жизнь горькие слова горькие слезы горький хлеб	химдын унмён (букв. «трудная доля») химдын сам (букв. «трудная жизнь») сын маль (букв. «горькие слова») пхи нунмуль (букв. «кровавые слезы») нунчибаб (букв. «рис с оглядкой»)
4	Некоторые представления психического мира	горький опыт горькая истина горький смех горькая обида	сын гёнхон (букв. «горький опыт») сын джинциль (букв. «горькая истина») сын усым (букв. «горький смех») ганхан ульбун (букв. «сильная обида»)

У слова *солёный* в русском языке есть переносное значение: ‘выразительный и резкий по грубости, непристойный’ (*солёный анекдот*, *солёное слово*). Это значение достаточно отчетливо противостоит переносному значению слова *пресный* в смысле: ‘лишенный живости, остроумности, неинтересный, скучный’ (ср. *пресные шутки*). В корей-

ском языке подобные значения отсутствуют. Однако у слова *цан* (букв. «соленый») есть значение: ‘жадный’ (ср. *цан сарам* (букв. «соленый человек»)), а у слова *цингоун* (букв. «пресный») есть, как и в русском языке, значение ‘неинтересный, скучный’ (ср. *ёнхвага цингопкэ кынната* (букв. «фильм неинтересно закончился»), *сальми цингопта* (букв. «жизнь пресная»)), а также ‘легкомысленный, непристойный’ (ср. *цингоун сарам* (букв. «легкомысленный человек»)).

Основой образа оценочных представлений, характеризующих настроение, улыбку, выражение лица человека, его неудовольство чем-либо или от чего-либо в языковой картине мира русского языка будет связываться со словом *кислый*: *кислое настроение*, *кислое выражение лица*, *кислая улыбка*, а также *кисляй*, *кислятина* в качестве характеристики по отношению к постоянно ноющему, нудному и вялому человеку. Если в русском языке основой образа этих оценочных представлений послужила гримаса недовольства от кислого вкуса, то в корейском языке в основном от горького вкуса (ср. *сын мисо* (букв. «горькая улыбка»), *сотхэ сибын ольгуль* (букв. «лицо, когда жуешь (кору) *Picrasma ailanthoides*»)), *кислый* же в корейском языке имеет переносное значение ‘неприятный, ненавистный’ (ср. *нуни щитта* (букв. «глаз кислый»)).

Переносный план оценки температурных впечатлений достаточно последователен в обоих языках. Как в русском, так и в корейском, *тепло* и *холод* используются прежде всего для моделирования человеческих отношений – любви, дружбы, равнодушия и т. д. Причем каждый член этой лексико-семантической группы (русс. *теплый*, *холодный*, *жаркий*, *жгучий*, *холодный*, *прохладный*, *ледяной*; корейск. *чхагоун* (букв. «холодный»), *соньльхан* (букв. «прохладный»), *орымъы* (букв. «ледяной»), *тыгоун* (букв. «горячий»), *татытхан* (букв. «теплый»), *тханын* (*тытхан*) (букв. «жгучий»)) имеют свои индивидуальные особенности.

Как видно из таблиц № 9, 10, 11, языковые картины мира обоих языков в отношении антинимии *холодный* – *горячий* очень схожи.

В двух языках *холодный* может иметь переносные значения: ‘равнодушный, бесстрастный’ (ср. русск. *холодное сердце*, *холодный температурмент*; корейск. *чхагоун гасым* (букв. «холодное сердце»), *чхагоун сарам* (букв. «холодный человек»), *сонгёги чхагопта* (букв. «характер холодный»)), а также ‘строгий, высокомерный, недоброжелательный’ (ср. русск. *холодный взгляд*, *холодный прием*; корейск. *чхагоун нунчхори* (букв. «недоброжелательный взгляд»), *чхагоун маль* (букв. «холодные слова»), *чхагоун чхотэ* (букв. «холодный прием»), *чхагоун моксори* (букв. «холодный голос»)); ‘трезвый, не поддающийся эмоциям’ (русс. *холодный ум*; корейск. *чхагоун исон* (букв. «холодный ум»)). Что касается

слова *теплый*, то его переносные значения в русском и корейском языках также практически полностью совпадают (см. Табл. № 10).

Что касается русского слова *горячий* и корейского *тыгоун* (букв. «горячий»), то здесь, несмотря на многочисленные совпадения, имеются некоторые расхождения. Так, в корейском языке слово *тыгоун* имеет следующие переносные значения, отсутствующие в русском языке: ‘испытывающий стыд’, как в словосочетании *ольгури тыгобта* (букв. «лицо горячее») и ‘тяжелый, горестный (об испытании)’, как в словосочетании *тыгоун мат* (букв. «горячий вкус»), однако в корейском языке нет значения ‘напряженный, проходящий в напряженной работе’, которое есть у русского слова *горячий*, как в словосочетаниях *горячие дни*, *горячая пора* и т. п. Кореец сравнит темпераментного, вспыльчивого человека с *огнем* (*буль гаттын сарам* (букв. «похожий на огонь человек»), *буль гаттын сонгёк* (букв. «похожий на огонь характер»)).

Таблица № 9.

Холодный – чхагоун (букв. «холодный»)

	Значения	В русском языке	В корейском языке
1	Имеющий низкую температуру, не нагретый	холодный ветер холодная зима	чхагоун барам (букв. «холодный ветер») чхагоун гёуль (букв. «холодная зима»)
2	Не знающий тепла, северный	холодные страны холодный край	чхагоун нара (букв. «холодная страна») чхагоун джибан (букв. «холодная провинция»)
3	Не имеющий отопления, плохо сохраняющий тепло	холодная комната	чхагоун бан (букв. «холодная комната»)
4	Мало греющий, дающий мало тепла	холодная одежда	чхагоун от (букв. «холодная одежда»)
5	Равнодушный, бесстрастный	холодное сердце холодный темперамент	чхагоун гасым (букв. «холодное сердце») сонгёги чхагобта (букв. «характер холодный») чхагоун сарам (букв. «холодный человек»)
6	Строгий, высокомерный, недобржелательный	холодный взгляд холодный прием — —	чхагоун нунчхори (букв. «холодный взгляд») чхагоун джобтэ (букв. «холодный прием») чхагоун маль (букв. «холодные слова») чхагоун моксори (букв. «холодный голос»)
7	Трезвый, не поддающийся эмоциям	холодный ум	чхагоун исон (букв. «холодный ум»)

Таблица № 10.

Теплый — татытхан (букв. «теплый»)

	Значения	В русском языке	В корейском языке
1	Нагретый, содержащий тепло	теплая комната	татытхан бан (букв. «теплая комната»)
2	Не знающий морозов, южный	теплые страны теплый климат	татытхан нара (букв. «теплая страна») татытхан гиху (букв. «теплый климат»)
3	Хорошо защищающий тело от холода	теплая одежда	татыхан от (букв. «теплая одежда»)
4	Ласковый, приветливый	теплое чувство теплый прием	татытхан ныким (букв. «теплое чувство») татытхан джобтэ (букв. «теплый прием»)
5	Душевный, сердечный	теплый человек теплая дружба теплые отношения	татытхан сарам (букв. «теплый человек») татытхан уджон (букв. «теплая дружба») татытхан гвангэ (букв. «теплые отношения»)

Таблица № 11.

Горячий – тыгоун (букв. «горячий»)

	Значения	В русском языке	В корейском языке
1	Имеющий высокую температуру	горячий чай горячий лоб	тыгоун чха (букв. «горячий чай») имага тыгобта (букв. «лоб горячий»)
2	Полный силы, чувств, страстный	горячая любовь горячее желание	тыгоун саран (букв. «горячая любовь») тыгоун ёнман (букв. «горячее желание»)
3	Неравнодушное к людям, "пылкое на добро"	горячее сердце горячая душа	тыгоун гасым (букв. «горячее сердце»)
4	Вспыльчивый, легко возбуждающийся, темпераментный	горячий характер горячая голова	бульгатхын сонгёк (букв. «характер как огонь») тыгоун сарам (букв. «горячий человек»)
5	Напряженный, проходящий в спешной, напряженной работе	горячие дни горячее время горячая работа горячая пора	—
6	Испытывающий стыд	—	ольгури тыгобта (букв. «лицо горячее»)
7	Тяжелый, горестный (об испытании)	—	тыгоун мат (букв. «горячий вкус»)

Как показали результаты анализа, слово *жгучий* и *тханын* (*тытхан*) (букв. «жгучий»), совпадая в прямых значениях, практически не имеют совпадений в переносных. Если для русского человека только мороз может быть *жгучим*, то для корейца не только холод: ср. *тханын* (*тытхан*) *чуви* (букв. «жгучий холод»), но и жара может быть *жгучей*: ср. *тханын* (*тытхан*) *тови* (букв. «жгучая жара»). Русское обыденное сознание связывает боль со словом *жгучая*, для корейского же коллективного сознания боль будет ассоциироваться со словом *колющая*: *цирынын* *дытхан* *апхым* (букв. «колющая боль»). Стыд и любопытство как для русских, так и для корейцев будут *жгучими*, однако только русские связывают боль и ненависть, а также желание с прилагательным *жгучий*.

В русском языке все, что связано со словом *ледяной*, будет или враждебно-холодным (*ледяной тон*, *ледяной взгляд*), или невозмутимым, не подверженным панике (*ледяное спокойствие*, *ледяное равнодушие*). Для корейца *орымъы* (букв. «ледяной») также может быть связан с негативными ассоциациями: равнодушием, отсутствием доброты: *орымгва* *гаттын* *сарам* (букв. «человек как лед»), однако лед может ассоциироваться и с красотой: *бингиокколь* (букв. «кожа как лед, кость как яшма»).

Слова *прохладный* и *нэннэнхан* (букв. «прохладный») имеют лишь одно совпадение, как в словосочетаниях *прохладные отношения* и *нэннэнхан гвангэ* (букв. «прохладные отношения»).

Итак, в ходе исследования были проанализированы следующие пары антиномий, так называемые «чувственные метафоры» русского и корейского языков: *тяжелый – легкий*, *мугоун – кабёун*, *щиун*; *жидкий – густой*; *мульгын – пэкпэкхан*; *мягкий – твердый*; *будыроун – данданхан*, *гудын*; (*горячий*) *теплый – (прохладный) холодный (ледяной)*; *чхагоун (нэннэнхан, орымъы) – татытхан (тыгоун)*, *сладкий – горький (соленый, кислый)*; *дан*, *тальякомхан – сын (цан, щин)*. Оказалось, что в корейском языке языковая картина мира некоторых антиномий не так разветвлена и последовательна, как в русском языке (напр., *тяжелый – легкий*, *мугоун – кабёун*, *щиун* и некоторые другие), совпадения в антиномиях обоих языков встречаются не часто, в основном, это существующие в двух языках универсальные представления, подтверждающие наличие некоторой общечеловеческой генетической тенденции, типа антиномий *тяжелый – легкий*; *мугоун – кабёун*, *щиун*; *теплый – холодный*; *татытхан – чхагоун*; *сладкий – горький*; *дан*, *далыкомхан – сын* и т. д. В отношении большинства антиномий языковые картины двух языков заметно отличаются (см. напр., *густой – жидкий* и *пэкпэкхан – мульгын*, *твердый – мягкий* и *данданхан (гудын) – будыроун* и др.). Как показал анализ, в антиномиях больше проявляется национально-специфическое, присущее данному языковому коллективу, чем общечеловеческое, интернациональное. Нельзя не согласиться с мнением

В. Г. Белинского, что «тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи» (1955. Т. 7, 443).

Л и т е р а т у р а

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1955.

Быкова Л., Сукаленко Н. Специфика национально-культурных символов // *Z pogranicza języków i literatur słowiańskich. Sectio FF Philologiae. Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska. Lublin-Polonia.* Vol. XIV/ XV. 1996/1997, p. 411-425.

Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев: Наукова думка, 1992.

Семантическая оппозиция «маленький – большой» в детской языковой картине мира

© кандидат филологических наук Н. Л. Тухарели, 2002

Данное исследование проводилось в рамках изучения детской языковой картины мира (ДЯКМ), понимаемой нами как особый способ концептуализации действительности, специфическое отображение физических и психических реалий в языке детей. В содержательных единицах языка детей и их речевых реализациях представлен, на наш взгляд, особый уровень видения и осмысления мира, особая «точка зрения» на мир. Предполагается, что совокупность детского знания о мире может быть выявлена в результате системного описания лексических и грамматических особенностей детской речи, в частности, в процессе исследования лексических макросистем, обслуживающих важнейшие понятийные сферы: «человек», «движение», «время» и др.¹

В процессе системного описания семантического поля «человек» в языковой картине мира 6-7-летних детей нами были выявлены лексические и семантические особенности различных групп слов – наименований лиц (в частности, группы наименований лиц по возрастной принадлежности), а также проведен концептуальный анализ ряда важнейших для детей семантических оппозиций, в том числе оппозиции «маленький – большой»².

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе детям предлагалось определить лексическое значение наиболее частотных наименований лиц по возрасту: *девочка, девушка, мальчик, подросток, юноша, парень, мужчина, новорожденный, малыш, младенец, малютка, дитя, детка, кроха, крошка, старик, старуха и др.*, на втором этапе – ответить на ряд вопросов, относящихся к области возрастных характеристик (*Ты считаешь себя маленьким или взрослым мальчиком (девочкой)? Когда ты станешь взрослым мальчиком (девочкой)? Когда ты понял, что стал уже взрослым? Что в тебе изменилось? Когда ты станешь взрослым мужчиной (женщиной)? Каким ты будешь, когда станешь взрослым мужчиной (женщиной)? Любишь ли ты играть с теми, кто младше (старше) тебя?*), и мотивировать свой ответ. Ответы на эти вопросы и их обоснования позволили выявить то содержание,

---

¹ Подробнее об этом см. в: Тухарели Н. Л. Детская языковая картина мира как предмет лингвистического изучения // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 17. М., 2001.

² В последующих публикациях предполагается осветить результаты концептуального анализа оппозиций *человек – нечеловек, хороший – плохой, красивый – некрасивый* в языковой картине мира детей 6-7-летнего возраста.

которое дети 6-7 лет вкладывают в понятия «маленький» и «взрослый». Всего было опрошено 60 детей, из них – 33 мальчика и 27 девочек.

К материалам исследования были подключены и результаты проведенного автором свободного ассоциативного эксперимента. В число слов-стимулов, предлагаемых ученикам первых классов средних школ (в возрасте от 6 до 7,5 лет), входили и наименования лиц по возрастной принадлежности.

В ходе исследования мы опирались также на данные «Ассоциативного словаря ребенка» Т. В. Соколовой [9], «Словаря детской речи» В. К. Харченко [11], а также на материалы дневниковых записей детской речи [5].

На первом же этапе исследования было выявлено своеобразие лексического состава анализируемой группы наименований лиц в языке детей 6-7 лет, которое проявляется, в частности, в наличии ряда дополнительных лексем и описательных оборотов для обозначения возрастной принадлежности лица: *средний; полувзрослый; полупожилой; не малыш и не большой; наполовину маленький, наполовину взрослый; не слишком взрослый* и др. С учетом указанных наименований, обозначающих в языке детей переходный возраст, возрастная периодизация, проводимая детьми 6-7 лет, носит более дробный характер (прежде всего на том ее участке, который охватывает дошкольный и младший школьный возраст), что обусловлено, на наш взгляд, особой значимостью возрастной характеристики в сознании ребенка анализируемой возрастной группы, когда существенной разницей в возрасте считается не только год, но и полгода, и даже месяц (*Брату недавно исполнилось 6 лет. Он помладше меня (Саша Б.; 6,5); Мы с ней дружим и вместе ходим на теннис. Она младше меня на месяц (Катя М.; 7).*

В концептуальной системе детей 6-7 лет ключевыми понятиями и, следовательно, наиболее четко очерченными являются понятия *мальчик, девочка, мужчина, женщина, старик, старуха*. При этом оппозиции *мальчик – мужчина, девочка – женщина* в большей части случаев сводятся к противопоставлению *маленький – большой (взрослый)*. Ср., например, детские толкования значения слов *мальчик* и *мужчина*: *маленький / большой (15)³; поменьше пока / большой; маленький / когда всех защищает и никого не обижает; маленький / который на работе; по возрасту отличаются; маленький / стану, когда будет 22 года; еще маленький / когда уже вырос; маленький, не умеет защищаться / большой уже, важный ходит; пятилетний / большой.*

---

³ В скобках указана частота встречаемости аналогичных ответов в анализируемых текстах.

Что же касается понятий, обозначающих переходный возраст, то в языковом сознании 6-7-летних детей они носят еще достаточно «диффузный» характер, о чем, в частности, свидетельствуют приведенные ниже толкования слов *подросток, юноша, парень, парнишка*. Как мы уже отмечали, для обозначения переходных возрастных периодов дети отдают предпочтение собственным новообразованиям как более конкретным и понятным в силу своей мотивированности.

Подросток: не знаю (5); кому 6-7 лет; в 8 классе учится; юноша; мне 7 лет – я младший подросток, а есть и старшие подростки; который подрос (я, мне уже будет 7 лет); я их на улицах каждый день вижу с пивом; подрос (я подросток); примерно как я; и не маленький, и не большой – только подрастает; хулиган бывает; какого-то роста – маленького или большого; маленький, как я; Саша (он подрос); как я; в старшие классы ходит.

Обращает на себя внимание стремление ребенка «оживить» внутреннюю форму слова: *подросток – тот, кто подрос*. Аналогичное явление наблюдается и в попытках сформулировать значение слова *пристарелый*. Модифицируя звуковую оболочку слова, дети эксплицируют его внутреннюю форму, опираясь на значение приставки при- – обозначение «неполноты действия»: *не совсем старый, только «пристарел»; которая бабушка «пристарела» и ее отправили в «пристарелый» дом; когда человек постарел немного*. Приведенные примеры – лишнее доказательство пристального внимания ребенка к внутренней форме слова, его стремления «найти в акустическом образе слова отражение каких-то сторон, свойств предмета» [12, с.131].

Юноша: не знаю (7); есть на хоре, там есть юноши; когда кто-то встретил мальчика и не знает, как его зовут; который в институте; учиться в институте; молодой мальчик; как мой брат (брату 16 лет); дяденька; кто хочет на ком-то жениться; в древние времена называли красивого человека, принц; король так своего помощника называет; рыцарь; сын родителей; когда у невесты свой защитник; молодой человек.

Парень: большой (9); не знаю; взрослый мальчик; молодой; большой мальчик, кому 12 лет; он учится; хулиганистый, как Ильюшка; как Сережа из соседнего подъезда; хороший; стойкий мальчик; про красивого дядю так говорят; дядя; сильный; побольше, чем мальчик; мальчик младших классов.

Парнишка: маленький (9); не знаю; маленький мальчик; не хочет ничего делать, сидит дома; хулиганистый, более хитрый; как все из моего класса; хулиганистый немного; мальчик; веселый и бодрый; подросток; большие дети; слабый; школьник.

Примечательно, что стилистическое различие слов *парень – парнишка* на данном этапе развития языкового сознания еще не воспринимается и подменяется смысловым различием, которое сводится чаще

всего к противопоставлению *большой – маленький* (причем даже в том случае, когда ребенку не знакомы данные слова), в отдельных же случаях – к противопоставлению *хороший – нехороший* (ср.: *он учится / не хочет ничего делать, сидит дома; хороший / хулиганистый немного*). Попытка выявить смысловое различие в значениях стилистических синонимов и подвести его под оппозицию *большой – маленький* наблюдается и при анализе детских толкований значения слов *детка – дитя* (ср.: *маленькая / постарше; еще маленький / немного постарше; маленький / повзрослее; маленький / побольше; маленький / может быть большим по росту*), а также *кроха – крошка* (*большой, кому 2 года / маленький, кому месяц; маленький / еще меньше; немножко подрос / совсем маленький; побольше / самая маленькая; побольше, но тоже маленькая / только что родился; большой / маленький; немного больше / маленькая; маленькая / еще меньше; побольше ростом / поменьше ростом*). Приведенные примеры подтверждают, на наш взгляд, предположение о том, что речевое познание дошкольника «идет, в основном, от слова к предмету» [13, с.104].

В отдельных случаях в толкованиях отмечается общая положительная или отрицательная коннотация отдельных наименований: *детка* – *ласковое слов; поласковее, чем дитя; так по-доброму говорят; когда мама добрая, так называет; дитя* – «*Мое дитя прекрасное!*» – *говорит так мама; кроха* – *погрубее, чем крошка*.

Стилистически маркированными в языковом сознании 6-7-летних детей являются слова *девица* и *молодец*, о чем свидетельствуют следующие примеры детских толкований, содержащие указание на устаревший и книжный характер данных слов: *девица* – *в древние времена так называли; относится к красным девицам; похожа на принцессу древнюю; в царстве; в деревне живет; как из сказки; молодец* – *церковнославянским раньше называли; защитник был в давнишние времена*. В толкованиях наименования *девица* в ряде случаев акцентируется красивая внешность: *красивая (11); очень красивая; с длинными волосами*, а также возраст: *большая женщина; постарше девочки; молодая; уже довольно старше*. В толкованиях наименования *молодец* указание на возраст еще более частотно: *большой (6); большой мужчина; взрослый (4) молодой (3); молод когда он*.

Таким образом, уже на первом же этапе проводимого нами исследования лексических и семантических особенностей группы наименований лиц по возрастной принадлежности в детской речи была выявлена чрезвычайная важность оппозиции *маленький – большой* в языковом сознании детей 6-7-летнего возраста: любое наименование лица оценивается ребенком прежде всего на данной шкале. Вхождение слов *маленький* и *большой* в ядро языкового сознания детей анализируемой возрастной группы подтверждается и данными «Ассоциативного слова-

ря ребенка» [9]. Как показал анализ словарных материалов, указанные лексемы входят в число наиболее частотных реакций 6-7-летних детей на слова стимульного списка, в частности, на слова *человек, зверь, дом* и некоторые другие.

Как известно, в детском коллективе проблема старшинства приобретает особую актуальность: возраст человека в какой-то мере определяет для ребенка степень его значимости. В 7 лет в самосознании ребенка впервые выделяется такой критерий возраста, как социальный статус человека⁴, и его отношение к себе в прошлом, настоящем и будущем начинает опосредоваться преимущественно этим параметром. В этой связи ранние этапы детства предстают как малоценные с точки зрения социальной значимости [1]. Психологическое «присвоение» ребенком своего нового социального статуса отражается в отказе от «дошкольных» ориентаций [7].

Своеобразным рубежом, по достижению которого ребенок становится в собственных глазах взрослым, является школа. «Образ жизни школьника как человека, занимающегося в общественном месте общественно значимым и общественно оцениваемым делом, осознается ребенком как адекватный для него путь к взрослости» [6, с.51]. Не случайно при ответе на вопрос: *Ты считаешь себя маленьким или взрослым?* – из 60 опрошенных первоклассников 42 ответили, что считают себя взрослыми (из них 32 мальчика и 10 девочек). Остальные ответы распределились следующим образом: 9 детей (3 мальчика и 6 девочек) сочли себя еще маленькими; 9 человек (4 мальчика и 5 девочек) при определении своей возрастной принадлежности назвали некий промежуточный вариант: *средняя; средненькая; не слишком взрослая; достаточно взрослая; чуть-чуть взрослая; не маленький и не большой* и др. Как видно из приведенных данных, ощущение своей «взрослости» в анализируемый возрастной период главным образом присуще мальчикам, в то время как девочкам в большей степени свойственно сознание своего ограниченного места в системе отношений со взрослыми.

Анализ детских мотивировок позволил выявить те критерии, в соответствии с которыми в сознании 6-7-летних детей формируется представление «взрослости». В большинстве случаев в качестве главного аргумента приводится указание на какие-либо недавно приобретенные практические навыки, среди которых особое место занимают навыки, приобретенные в процессе школьного обучения: *Сейчас умею бегать, зарядку делать, в школу хожу (Роман Б.; 6,5); Теперь я умею на лыжах*

---

⁴ Основной причиной этому служит расширение социальных связей ребенка с миром при переходе от дошкольного к младшему школьному возрасту, а также динамика «внутренней позиции» – формирование «внутренней позиции школьника» (по Д. Б. Эльконину).

кататься, а тогда все падала и падала (Оля Л.; 6,5); Я уже в магазин одна хожу (Марина В.; 7,5); Мы с братом [брат-близнец] уже мыли полы и посуду (Денис М.; 6,5); Я уже сама себе покупала мороженое (Алина К.; 6,5); Когда я была маленькая, не умела бегать. А сейчас уже перегоняю (Маша Ч.; 6); Стал взрослый, когда пошел в школу (Саша К.; 7); Я научился читать и писать (Виталий М.; 6,5); Уроки делать сейчас могу (Ваня П.; 7); Я умею разукрашивать и писать. Раньше только калякала (Аня В.; 7); У меня в школе получается хорошо по труду, а когда я была маленькая, у меня не очень получалось (Лиза Б.; 7); Я уже хожу в школу. Я раньше не умел читать, сейчас умею (Кирилл В.; 6,5); Я стал взрослый, когда пошел в первый класс. Мне уже можно доверять самостоятельную работу (Дима В.; 7,5).

Примечательно в этом плане и то, что для детей, которые считают себя еще маленькими, свидетельством их «невзрослости» тоже часто служит тот факт, что они не овладели еще в полной мере интересным для них практическим действием, часто – социально значимым действием: *Я еще маленький. В 10 лет стану взрослым. Тогда изменится возраст. Я уже смогу заправлять постель и чинить компьютер (Олег Л.; 7); Буду большой. Смогу проплыть без остановки бассейн (Виталий Р.; 7); В футбол буду играть, в теннис, в баскетбол. Один смогу ездить в школу (Артем К.; 7); Работать смогу, посуду мыть (Лада К.; 6); Смогу резать ножом. Сейчас тоже могу, только у меня ранения делаются (Юра Б.; 6,5); Я стану взрослой, когда мне станет 17 лет. Смогу готовить, убирать, кошек кормить (Кристина Д.; 6,5); Сейчас я не умею считать римскими буквами, не умею кувыркатся. Мне еще не разрешают за рулем проехать. Я не могу еще быстро писать. Не знаю, куда ставятся запятые, куда – точки, куда – знак вопроса (Сергея Г.; 7,5).*

Во многих ответах прослеживается «привязанность» ребенка к конкретной ситуации. Ребенок вспоминает о каком-либо конкретном факте, ситуации, свидетельствующей, по его мнению, о «взрослости» его поведения: *Мама попросила меня принести посуду из кухни. Я принесла. Она сказала: “Молодец!”. И вот тогда я себя ощутила взрослой (Света П.; 7); В магазине меня уже точно нельзя назвать малышом. Я уже сам все покупаю. В автобусе меня уже нельзя назвать малышом. В автобусе я сам могу деньги дать (Миша К.; 7); Я ездил к бабушке и включал пластинки. А раньше не мог (Саша В.; 6,5).*

В ряде случаев дети связывают факт взросления с изменением своих личностных характеристик: *Я стал хорошим (Ваня Т.; 6,5); Потому что я стала хорошей девочкой: учусь на пятерки. А раньше была капризная (Алена Н.; 7); Взрослым стану, когда гордость появится. Когда мама сможет мной гордиться (Тимофей И.; 6,5).* Подобные ответы лишены раз свидетельствует о значимости личностных качеств для ребенка 6-7-летнего возраста.

Вторым по частотности критерием «взрослости» у детей анализируемой нами возрастной группы является указание на такой конкретный физический параметр, как рост. В представлении значительной части опрошенных (27 детей) процесс взросления неразрывно связан с процессом физического роста: *От маленьких отличаюсь по росту (Миша К.; 7); Ростом отличаюсь от малышей (Витя С.; 7). Маленькие, они ростом поменьше (Настя З.; 6); Когда я одел эту футболку, я сразу почувствовал, что я стал взрослее. Как будто я выше становлюсь в ней. <...> Сестре 11 лет. Она выше меня и взрослее (Руслан С.; 7); Я чуть-чуть взрослая. Когда меряют, так говорят: кто больше, кто чуть поменьше (Вика М.; 6); Я посмотрел на свои руки: они у меня побольше стали (Никита В.; 6); Я средняя. Это означает – не такая высокая, и не такая низкая. В 18 лет буду взрослая. Ростом буду отличаться (Лада К.; 6); Я хочу стать большим. Я хочу, чтобы я вырос. Я люблю высоту, вот и хочу стать высоким (Андрей Т.; 7,5).*

Детское представление о *большом (взрослом)* как о высоком человеке прослеживается и в представленных ниже толкованиях значений данных слов:

Большой: *то же самое, что и взрослый; когда мальчику 22 года; большой старше взрослого; он большой: до потолка вырос; большой выше взрослого; скажу про дяденьку; просто большой; высокий.*

Взрослый: *то же самое, что и большой (9); когда ему 35 лет; немного поменьше – 7 или 8 лет; скажу про дедушку; отличается тем, что очень большой ростом; выше, чем большой; чуть побольше; человек, которому много лет⁵.*

Как известно, 6-7 лет – это период становления общей самооценки у детей, период «формирования представления о себе соответственно полу, возрасту, внешности, характеру, способностям» [3, с.51]. По мнению М. И. Лисиной, при вступлении ребенка в дошкольный возраст самооценка теряет свой абсолютный характер и становится сопоставительной, или сравнительной. «В мире ребенка появляются другие дети – существа в общем, того же рода, что и он сам. Ребенок начинает с ними общаться – значит, познает их, а через них – себя. Конкретно это означает, что он постоянно примеряет их к себе, а себя – к ним» [4, с.192]. Не случайно детские рассуждения на тему «маленький – большой» чаще всего носят сопоставительный характер. Сравнение с детьми младшего или старшего возраста проводится по целому ряду признаков, среди

⁵ Наш материал подтверждает данные «Словаря детской речи» В. К. Харченко [11], согласно которым слово *рост* в речи детей употребляется в значении «возраст» (*А в армию, если рост не 18 лет, не возьмут? (6,5)*), а слово *высокий* – в значении «большой» (*Давай я повешу (пучок травы кверху беседки). У меня все равно рука выше (4). Читает номера домов: Какой выше номер? (7,6)*).

которых на первый план выходят такие параметры, как 1) возраст: Брату 4 года, он маленький (Кирилл Т.; 6); Сестре 1,8, она маленькая. Ей лет мало (Вика Т.; 7); Маленьким 3 года, или 2, или 1 (Юра А.; 6,5); В 2-3 года – малыши. Потом не малыши и не взрослые. С 14 лет – взрослые мальчики, с 18 – мужчины (Саша К.; 7); Сестра большая, ей 13 лет (Ваня П.; 7); 2) рост: Маленькие – они маленькие ростом. А я уже побольше немного (Саша Б.; 6); Я повыше их (маленьких) (Руслан С.; 7); Маленькие меньше ростом (Саша Б.; 6,5); Они (взрослые) выше ростом (Юра Б.; 6,5); 3) социальное положение (школа и класс): Когда перейду в 2 класс, стану взрослой. Когда все классы проучу, стану женщиной (Ира П.; 7); Брат большой, он уже в 6 класс ходит (Оля Л.; 6,5); Она уже большая, в 11 классе учится. Я еще маленькая, а она меня выше (Саша Б.; 6); Малыши – до школы (Алеша Д.; 6); Я взрослая. Потому что мы уже в 1 классе учимся. Маленькие, они еще не учатся (Кристина Д.; 6,5); Если бы я был постарше (20 лет), я записался бы в колледж и учился бы там (Руслан С.; 7); 5) практические навыки и умения: Они (маленькие) в машинки не умеют играть, в Лего (Витя С.; 6); Я умею делать все, а маленькие не умеют (Настя З.; 6); Сестре 5 лет. Я уже могу писать буквы письменные, а она еще не может (Юля Ш.; 6); Маленькие не умеют писать (Наташа К.; 6). Как мы видим, оценка другого ребенка как «неравного» опосредуется вполне определенной системой ценностей детей данной возрастной группы и свидетельствует об их преимущественной ориентации на социально значимые действия, в частности, на содержательные моменты школьно-учебной деятельности.

Как показали данные, полученные нами в ходе ассоциативного эксперимента, среди реакций на слово-стимул «малыш» значительное место занимают явно отрицательные характеристики. При этом следует, конечно, учитывать и процент «личного» содержания в ответах детей, когда «слово-стимул ребенок “примеряет” к собственной ситуации» [2, с.25], оценивая таким образом конкретного ребенка, чаще всего своего младшего брата или сестру.

Малыш: маленький (11); совсем маленький; хороший (4); хороший (о моей Олечке подумала); добрый (3); злой(5); злой (ударяет); капризный (4); плаксивый; ревящий; сейчас заплачет; красивый; нормальный; она любит братика; слабый; веселый (ему игрушки дали); симпатичный; умный (всегда играет с кем-н.); не умный (не слушается свою маму); безобразный (обижает маму); средний (дерется или нет); хитрый.

Не удивительно, что у детей анализируемой возрастной группы часто возникают проблемы в общении с младшими. Полученные данные подтверждают наше предположение о том, что в детском коллективе успешная коммуникация возможна лишь между детьми одной воз-

растной группы. Различие в картинах мира детей разных возрастных групп, а также разные возможности в вербализации своего «образа мира» не могут не привести к коммуникативным неудачам, о чем и свидетельствует собранный нами фактический материал: *С маленькими не интересно. Они говорят плохо. С ними не интересно (Денис М.; 6,5); С маленькими не играю. Маленькие все себе забирают (Вика М.; 6); Не играю с маленькими, потому что они маленькие (Алеше И.; 6); С маленькими не играю. Потому что они меньше. Они не понимают, что им говорят (Денис М.; 6,5); С маленькими не люблю играть. Они маленькие, а я уже большая. Я им что-то скажу, а они этого не знают слова (Маша Ч.; 6); Люблю играть со взрослыми, которым уже 6,5 лет. Мне нравится, когда я играю на равных, т.е. одному 6 и другому, например, 7. Мне нравится, когда возраста совпадают (Дима В.; 7,5).*

Случаи же успешной коммуникации чаще всего обусловлены ситуацией безусловного лидерства дошкольника в кругу детей младшего возраста. Возможность помочь младшему, защитить его – важный источник роста самооценки 6-7-летнего ребенка, его самоутверждения: *Люблю играть с маленькими: они меня слушают (Грета К.; 6); Я играю с маленькими. Они с горки скатятся, а я им помогаю встать (Сашиа Б.; 6); Маленьким 3 года или 2, или 1. Но их все равно нельзя обижать. Слабых нельзя обижать (Юра А.; 6,5).*

Таким образом, вербализация концептов «маленький – большой» в текстах, полученных в ходе проведенного нами эксперимента, выявила своеобразие детского мировосприятия на конкретном участке детской картины мира. Важная роль анализируемой оппозиции в языковом сознании ребенка 6-7 лет подтверждается стремлением ребенка истолковать любое наименование лица по возрастной принадлежности (в том числе и пока еще незнакомое) с опорой на данное противопоставление, т.е. как обозначающее *маленького* или *большого (взрослого)*. Стилистическое различие отдельных синонимичных наименований лиц (*дитя – детка, кроха – крошка, парень – парнишка* и др.) дети анализируемой возрастной группы склонны воспринимать как смысловое, эксплицируя его в большинстве случаев на той же оценочной шкале: «маленький – большой».

Представление о себе как о взрослом, доминирующее среди детских самооценок по возрасту, строится главным образом на оценке своих социально значимых навыков и умений, среди которых центральное место занимают навыки, приобретенные в процессе обучения. Важный источник формирования подобной самооценки – сравнение с детьми младшего возраста, что в свою очередь обуславливает сопоставительный характер детских рассуждений на тему возрастных отличий.

Выявлены также гендерные различия в самооценке детей 6-7-лет по возрасту: девочкам в большей степени свойственно сознание своего

ограниченного места в системе отношений «ребенок – взрослый». Формирование такой самооценки строится на сравнении своих возможностей с возможностями взрослых.

Оценка младших детей как «неравных» носит социально опосредованный характер и строится на оценке их социально значимых навыков и умений. Важным критерием оценки сверстников становится степень их успешности в учебе, а также признание и одобрение со стороны взрослых.

Проблема старшинства, столь остро воспринимаемая в данный возрастной период, обуславливает особенности общения детей разных возрастных групп. Несответствие детей более младшего возраста социальному статусу школьника, на который ориентирован ребенок 6-7 лет, обесценивание в его сознании всего, что связано с дошкольным детством, – возможные причины коммуникативных неудач в их общении. Все это, в свою очередь, сводится, на наш взгляд, к одной важнейшей причине – к различию в мировосприятии и мироощущении детей разных возрастных групп, к различию их «точек зрения» на мир и на себя в этом мире.

Л и т е р а т у р а

1. *Ермолова Т. В., Колмогорцева И. С.* Временной аспект образа *себя* у старших дошкольников // Вопросы психологии. № 2. М., 1995.
2. *Завьялова М. В.* Сравнение детских вербальных ассоциаций с ассоциациями взрослых, больных афазией // Проблемы онтолингвистики / Под ред. С. Н. Цейтлин. СПб., 1997.
3. *Колмогорова Л. С., Холодкова О. Г.* Особенности становления психологической культуры младших школьников // Вопросы психологии. № 1. М., 2001.
4. *Лисина М. И.* Общение, личность и психика ребенка. М.–Воронеж, 1997.
5. *Менчинская Н. А.* Психическое развитие ребенка до 10 лет: Дневник развития дочери. М., 1996.
6. *Нежнова Т. А.* Динамика «внутренней позиции» при переходе от дошкольного к младшему школьному возрасту // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. № 1. М., 1988.
7. Особенности психического развития детей 6-7-летнего возраста / Под ред. Д. Б. Эльконина. М., 1988.
8. *Смирнова Е. О.* Психология ребенка от рождения до 7 лет. М., 1997.
9. *Соколова Т. В.* Ассоциативный словарь ребенка. Вербальные реакции детей 3-7 лет. Ч.1: от стимула к реакции. Архангельск, 1996.
10. *Тухарели Н. Л.* Детская языковая картина мира как предмет лингвистического изучения // Язык, сознание, коммуникация. Вып 17. М., 2001.
11. *Харченко В. К.* Словарь детской речи. Белгород, 1999.
12. *Шахнарович А. М.* Мотивированность знаков языка в онтогенезе речевой деятельности // Вопросы семантики. Калининград, 1978.
13. *Швачкин Н. Х.* Развитие речевых форм у младшего дошкольника // Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста / Под ред. А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца. М., 1995.

Эссе о границе

© доктор филологических наук Д. Б. Гудков, 2002

Данная работа посвящена исследованию некоторых лингвокультурологических аспектов такого базового понятия, как граница. Именно граница организует пространство, придает ему законченность и оформленность. Учитывая, что мы метафорически осмысливаем время в пространственных категориях, сказанное с полным правом можно отнести и ко времени, хотя вопроса о временных рубежах мы коснемся лишь косвенно, надеясь обратиться к нему в своих последующих работах.

Е. С. Яковлева, исследуя пространство в языковой картине мира и опираясь на идеи таких ученых, как М. Хайдеггер и В. Н. Топоров, говорит о «диктате вещей при восприятии и описании пространства», о том, что не существует пространства, которое было бы независимо от вещей [Яковлева, с. 38]. Мы с некоторыми оговорками готовы согласиться с этим тезисом, но хотим подчеркнуть, что не менее (если более) важным фактором в организации пространства является граница. Скажем, для охраняющих морские рубежи пограничников и нарушающих оные контрабандистов пространство («свое» / «чужое» и, соответственно, «опасное» / «безопасное») задается именно границей, а не находящимися на водной глади «вещами».

Это и предопределяет те магические, мистические, мифологические функции границы, которыми она наделяется в различных культурах. Подробнее об этом мы скажем ниже, не претендуя при этом на полноту освещения заявленной темы, здесь же ограничимся несколькими примерами, чтобы подтвердить сказанное. Можно вспомнить архетипический сюжет о путешествии в Царство мертвых, представленный в изобилии вариантов в фольклоре и литературе различных народов, и о значимости пересечения четко заявленной границы этого Царства (путешествие Одиссея, Данте у ворот ада, Кашеево царство в хрестоматийно кинофильме «Кашей Бессмертный» и т. д. и т. п.). Упомянем о значении границы в военных конфликтах. Речь идет в данном случае не о территориальных спорах, экономических, стратегических и др. аспектах межгосударственной границы, но именно о культурно-психологической роли последней. Вспомним кадры кинохроники, фотографии, эпизоды из художественных фильмов, посвященных Великой отечественной войне, в которых изображаются советские солдаты, восстанавливающие пограничный столб с надписью «СССР» (А. Т. Твардовский: «...Может быть, вы к границе подступили уже...»). Все это знаменует восстановление «своего» пространства через его оформление и является свиде-

тельством того, что и в наше время граница отнюдь не является только условной линией, но наделяется в культурном сознании очень важным значением, являясь носителем и символом важнейших общественных и личностных смыслов. Впрочем, в данной работе речь пойдет не о государственных границах.

Восприятие мира, находящее отражение в языке и задающееся языком, антропоцентрично. В центре Вселенной находится Человек. Именно человеческое тело задает параметры изначального измерения пространства и базовые архетипические оппозиции «далеко – близко» и «свой – чужой». В связи с этим особенно актуальными оказываются границы «своего» пространства, способы его вычленения и отграничения от «чужого». Заметим, что любая пространственная граница в момент ее осознания – это всегда граница между «своим» и «чужим». При этом существуют разные степени «своего», напр.: своя страна, своя земля, свой дом, свое тело – все эти понятия располагаются нами в зависимости от возрастания этой степени.

Начнем с телесных границ. Именно они задают существование моему «Я». «Я» заканчиваюсь в пространстве и во времени там, где заканчивается мое тело. Границы этого тела задают изначальную оппозицию всей культурной эволюции – противопоставление «Я – другое». Мы полагаем продуктивным понимание культурной эволюции как процесса перманентного распада синкрезиса. «При этом процесс постоянно идет вглубь: всякий отделившийся от первоначальной нерасчлененной целостности блок, обретая дискретную, автономную и семантически идентичную форму, сам в свою очередь взятый как целое, выступает сущностью синкретической и подлежащей дальнейшему внутреннему расчленению» [Пелипенко, Яковенко, с. 20]. Если исходить из концепции процитированных нами авторов, необходимо признать, что изначальный распад синкрезиса и зарождение культуры, следовательно, человека как такового – это вычленение субъективного «Я», осознание его отделенности от мира, неслитости с ним. «Человеческая самоотнесенность, таким образом стала одной из сторон первичной метаоппозиции *Я – другое* и ее производных *внешнее – внутреннее, свое – чужое* и мн. др. (...) И направленность интенций человеческой психики вовне (...) имеет в своей основе непреодолимый импульс к снятию этой первичной оппозиции *Я – другое*» [Пелипенко, Яковенко, с. 31]. Схожие размышления и подходы были характерны для философского кружка «чинарей» и нашли свое отражение, например, в известном стихотворении Д. Хармса «Мыр»:

А потом я понял, что я и есть мир.
Но мир – это не я.
Хотя в то же время я мир.

А мир не я.

А я мир.

А мир не я.

А я мир.

А мир не я.

А я мир.

И больше я ничего не думал. [Хармс, с. 314].

Таким образом, важнейшей границей из всех является граница между «внутренним» пространством человека и «внешним» для него пространством. Пожалуй, именно она представляет собой одну из редких безусловных границ. «Пограничными столбами» этого рубежа оказываются прежде всего НОС, БОК, ПЛЕЧО. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Нос как выдающаяся вперед часть лица – один из культурных ориентиров, находится на границе внешнего и внутреннего пространства человека, воспринимается как эталон, т.е. как мера максимально возможного приближения при встречном движении двух лиц, о чем свидетельствует такой фразеологизм, как *нос <носом> к носу* (*Выйдя из кабинета, я нос к носу столкнулся с теткой, которая понимала по-иностранному*. В. Войнович, Москва 2042). При этом нос, в отличие от других пограничных вех внутреннего пространства человека обладает известной автономией, он находится как бы еще «здесь», но в то же время уже «там». Скажем, *на носу* оказывается событие близкое, но еще не наступившее, приближающееся к границе того, что «здесь», но еще не пересекает эту границу. Заметим, что пространственная метафора при обозначении времени (уподобление пространственных и временных отношений) является универсальной, что связано с линейным представлением движения времени и человека во времени, при этом человек стоит лицом к будущему, а спиной – к прошлому, поэтому *на носу* употребляется по отношению к событиям, расположенным в ближайшем будущем (*Да-да, надо ехать. У нас ведь там эта... сессия на носу*. А. Вампилов, Старший сын). Вероятно, именно известной автономией носа можно объяснить описанный Н. В. Гоголем случай, произошедший с майором Ковалевым. Конечно, отмеченная нами автономия является весьма относительной. Например, в образе фразеологизма *не высовывать носа* (о нем мы еще скажем ниже) нос метонимически замещает тело вообще, находясь на его периферии, но принадлежа ему. Равно как и *не видеть дальше своего носа* означает по сути «оставаться в границах собственного пространства, не обладать способностью выйти за них» (ср: *Стратегия – это способность видеть дальше собственного носа*. Деловой Петербург, 2002); *совать свой нос во что-либо* (*Кто тебе дал право совать нос в чужие дела?* В. Шукшин, Там вдали) – «вторгаться в

чужое пространство, своим проникновением нарушать установленную границу»).

Функции собственно границы внутреннего пространства выполняют бок и плечо. Максимально возможная близость двух объектов – это соприкосновение их границ. Не случайно, что фразеологизмы *бок о бок* (Александр Ильич, пожалуй, единственный из красных полководцев, кто был ближе всех к Сталину, почти всю гражданскую войну прошел с ним бок о бок. Сов. секретно, 2000) и *плечом к плечу* (Ее личной мечтой было всегда стоять плечом к плечу со своим мужем и вместе с ним дожить до конца конфликта, столь болезненно разделяющего наши народы. АиФ, 1999) выступают как эталонные выразители подобного положения. Близость к какому-либо объекту – это близость к его границе, сравним *под боком* и *под носом* (Торговля запчастями со складов бойко шла под носом у армейского начальства, но ее никто не замечал или не хотел замечать. Версия, 2000 Почему вы отправились покорять Америку, не освоив Европу, которая под боком? Столица, 1991).

Анализ границ внутреннего пространства человека позволяет заметить, что само это пространство имеет столь любезную структуралистам полевую структуру, в нем могут быть выделены центр и периферия. К периферии относится телесная оболочка вообще, служащаяместищем для души. Последняя понимается в трех измерениях, имеет широту – *широкая душа* (Юбиляр Станислав Сададьский, известный скандалист и широкой души человек, назначил встречу в своем любимом грузинском ресторане. Molva.ru, 2002) и глубину – *до глубины души* (Силовики тронуты отставкой Ельцина до глубины души. Lenta.ru, 1999). Из телесных органов наиболее близко к ядру души находится сердце, которое именно поэтому может метонимически обозначать духовную сущность и душевное состояние человека вообще (ср.: *доброе сердце, каменное сердце, принимать близко к сердцу, камень на сердце, сердце кровью обливается*¹ и т. д.).

Повторим, что именно структурированность, оформленность границ является необходимым условием существования как человека, так и любого объекта вообще. Разрушение границ ведет к смешению предметов, т. е. к хаосу. Заметим, что обыденное сознание, находящее отражение в языке, осуждает подобное нарушение границ или разрушение их, с очевидным неодобрением употребляются такие фразеологизмы, как *валить в одну кучу, совать свой нос во что-л., лезть в душу* и др., разомкнутость собственных границ опасно для самого индивида – душа нараспашку (ср. также Ф. И. Тютчев: «Толпа вошла, толпа вломила в

---

¹ Анализ этих фразеологизмов, о каждом из которых можно сказать много интересного, не входит в задачи данного эссе.

святилище души твоей...»). То же самое можно сказать и относительно других границ.

Все это свидетельствует о том, что телесные границы вовсе не выглядят столь уж незыблемыми. Интересны в этом отношении размышления крупнейших представителей русского авангарда. Не останавливаясь на аргументации, т. к. это потребует отдельного солидного труда, скажем, что теоретические поиски и художественная практика супрематизма и кружка чинарей постоянно обращаются к архетипическим слоям человеческого сознания, образам коллективного бессознательного, наивного и «примитивного» обыденного сознания (ср.: А. Введенский: «Уважай бедность языка, уважай нищие мысли!»). Приведем в связи с этим две весьма любопытные цитаты. Первая из них принадлежит К. Малевичу: «Трудно и даже невозможно определить мое начало как субъекта, где я начинаюсь и кончаюсь, где те границы, которые оформили бы меня» [Малевич, с. 237]. Вторая – Д. Хармсу и является как бы ответом на сформулированный выше вопрос: «...Вот я вытянул руку вперед прямо перед собой, а другую руку назад. И вот я впереди я кончаюсь там, где кончается моя рука, а сзади кончаюсь тоже там, где кончается моя другая рука. Сверху я кончаюсь затылком, снизу пятками, сбоку плечами. Вот я и весь. А что вне меня, то уже не я» [Хармс, с. 435]. Мы не хотим подробно анализировать приведенные слова и стоящие за ними размышления и обратились к ним лишь с тем, чтобы проиллюстрировать, что проблема границ человеческого тела, задающих само существование личностного «Я» как такового, является одной из базовых проблем человеческого бытия и ставится как в наиболее наивных, так и в самых интеллектуально изощренных формах (несмотря даже на кажущуюся простоту последних).

Итак, первые, «естественные» границы даются человеку от рождения и являются для него объектом рефлексии на протяжении едва ли не всей жизни, следующие границы он строит сам. Одним из таких рубежей является граница Дома как места обитания личности от рождения до смерти. Дом строится вокруг человека и подобен человеку, как и человек подобен Дому (ср.: *крыша поехала, башню снесло, чердак = голова, наглухо закрыться* и др.). При этом, несмотря на начавшуюся несколько веков назад и продолжающуюся сегодня десакрализацию человеческого жилья, Дом продолжает в нашем сознании сохранять священные функции. Вопрос о духовной и религиозной роли архитектуры имеет богатую литературу, мы отсылаем читателя к работам М. Элиаде, который писал: «Жилище – это не предмет, не «машина для жилья», оно – Вселенная, которую человек создает, имитируя примерное Творение богов, т.е. космогонию» [Элиаде, с.43]. Таким образом, Дом оказывается подобным Храму, как и Храм подобен Дому. И тот и

другой представляют собой *imago mundi*. М. Элиаде, анализируя архитектуру византийской церкви, подчеркивает, что она символизирует собой Космос (это, конечно, не единственная присущая ей символика): «Земля – это прямоугольник, ограниченный четырьмя стенами, над которыми возвышается купол. Четыре стороны внутреннего помещения символизируют четыре стороны света. В качестве Космоса византийская церковь олицетворяет и одновременно освящает Мир» [Элиаде, с.45]. При этом Храм, как и Дом, оказывается антропоморфным (ср. представление о церкви как о теле Господнем). Храм, как и человек, обладает полевой структурой, алтарь выступает в роли организующего сакрального центра храмового пространства. Человек, лишенный Дома, оказывается неполноценным, достойным в зависимости от ситуации жалости или осуждения – *ни кола ни двора*.

Такую же структуру имеет и Дом, в котором роль границы выполняет порог. Явно выраженное противопоставление порога-границы и «сердца» жилища отражено, например, в такой приводимой В. И. Далем поговорке: *Посади мужика у порога, а он под образа лезет!* [Даль, с. 318]. Итак, Дом, являясь моделью мироздания, органично включается в оппозицию «Я» – «Мир» и при этом, будучи общим пространством «Меня» и других людей, задает новое противопоставление: «Мы» и «Они», «Свои» и «Чужие». «Мой» Дом безопасен (ср. *мой дом – моя крепость*) за его пределами человека подстерегают различные угрозы. Именно поэтому для того, чтобы избежать опасности рекомендуется *не высовывать носа из дома* (*Раньше мы хоть на демонстрации ходили, а сейчас сидим в каменных норках, носа не высовываем – боимся*. Вечерний Волгодонск, 2001); осуждается открытость его границ, допущение посторонних в его пространство, этим объясняется необходимость избегать *выносить сор из избы*.

Сама граница (порог) оказывается тем объектом, который принадлежит сразу двум мирам («моему» и «чужому»). С этим связано наделение ее сакральной сущностью, включение во множество обрядов. Так, одним из широко распространенных поверий, дошедших до наших дней, является запрет протягивать руку или передавать что-либо через порог, подчеркивающий нежелательность физического контакта людей, находящихся по разные стороны сакральной границы. «Пространственные и временные маркеры, которые на деле служат границами, являются необычными, вневременными, двусмысленными, окраинными, священными» [Лич, с. 45]. Указанное положение является универсальным, характерно для самых разных лингво-культурных сообществ, в том числе и для русского, что находит свое отражение в русском языке, ср. приводимые В. И. Далем поговорки: *Через порог руки не подают. В*

притолку молитвы заделывают, под порог заговоры кладут [Даль. Там же].

Позволим себе на этом завершить данное краткое эссе, надеясь в следующей работе продолжить свои размышления на данную тему и обратиться к границам «свое» земли. Последние концептуально во многом близки границам дома, но, как мы постараемся показать, обладают и собственной спецификой.

Л и т е р а т у р а

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М. 1955.
Лич — *Лич Э.* Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М. 2001.
Малевич — *Малевич К.* О субъективном и объективном в искусстве или вообще // К. Малевич. Теория. Живопись. М. 1993.
Хармс — *Хармс Д.* Полет в небеса: Стихи. Проза. Драма. Письма. Л. 1988.
Элиаде — *Элиаде М.* Священное и мирское. М. 1994.

Фреймовая семантика Ч. Филлмора

© Н. В. Колесник, 2002

Под термином фрейм Ч. Филлмор понимает систему понятий, которые соотносятся таким образом, что для понимания одного из них необходимо осознать всю структуру, компонентом которой оно является. Когда один из элементов подобной структуры вводится в текст или разговор, все остальные составляющие автоматически активируются. Слово «фрейм» используется Филлмором как общий термин для системы понятий, известной в литературе, посвященной проблемам понимания естественного языка, как «схема», «сценарий», «скрипт», «когнитивная модель» и т. д. Фреймовая семантика восходит скорее к традициям эмпирической, нежели формальной семантики. Она, по словам автора, сродни этнографической семантике, сравнима с работой антрополога, который, проникая в чужую культуру, пытается найти ответ на следующий вопрос: «Какие категории опыта закодированы членами данного языкового сообщества в языковом материале, который они используют в процессе коммуникации?» Конечно, неправомерно было бы утверждать, что цели, задачи, а также результаты, полученные в рамках фреймовой семантики несовместимы с работой, осуществляемой в русле формальной семантики, но важное отличие заключается в том, что фреймовая семантика выявляет и подчеркивает скорее целостность языка и опыта, нежели разрыв между ними.

С точки зрения Филлмора, слово представляет собой определенную категоризацию опыта и в основе каждой категории, выраженной словом, лежит мотивирующая ситуация (мотивирующий, фоновый контекст), которая возникает на фоне наших знаний и опыта. Исследования в области фреймовой семантики могут быть представлены как попытка выяснить, учитывая значение слова, по каким причинам то или иное языковое сообщество создало категорию, представленную данным словом, и объяснить значение этого слова путем выявления и объяснения этих причин.

Первая попытка описать подобную когнитивную структуру или, другими словами, фрейм, была предпринята ученым в работе «Verbs of judging» (Fillmore Ch. J. Verbs of judging: an exercise in semantic description. // Fillmore Ch. J. and Langendoen D. T. Studies in linguistic semantics. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971).

Филлмор поставил перед собой задачу реконструировать и описать специфику ситуаций, которые обеспечивают адекватное употребление таких английских глаголов, как BLAME, ACCUSE, CRITICIZE. Для

решения этой задачи ученый считает необходимым различать следующих участников ситуации: лицо, которое выражает какое-либо оценочное суждение по поводу ситуации или поведения другого лица в данной ситуации (так называемый Судья); лицо, в адрес которого делается суждение (Обвиняемый), и сама ситуация, оцениваемая судьей (Ситуация). В рамках вышеприведенной схемы, Филлмор описывает, например, ACCUSE как глагол, используемый для утверждения того, что Судья, подразумевая плачевность Ситуации, возлагает ответственность за нее на Обвиняемого; CRITICIZE, в свою очередь, употребляется для утверждения того, что Судья, предполагая ответственность Обвиняемого за Ситуацию, представляет аргументы для подтверждения того, что Ситуация в какой-то степени заслуживает порицания.

Таким образом, здесь мы имеем дело не просто с группой отдельных слов, но с областью лексики, чьи элементы так или иначе предполагают схематизацию процесса выражения человеком оценки, а также схематизацию поведения, вовлекающего представление о таких понятиях, как ценность, ответственность, осуждение. Можно говорить о том, что исчерпывающее понимание значений слов в данной области лексики невозможно без понимания социальных институтов и схематизации опыта, которую они подразумевают.

Область лексики, в рамках которой была предпринята вторая попытка Филлмора охарактеризовать «когнитивный сценарий», называется «commercial event». Автор пытается показать, что семантическая соотношенность ряда глаголов может быть обусловлена тем, каким образом или под каким углом рассматривается ситуация с их участием. В качестве элементов данной схемы можно выделить: лицо, которое заинтересовано в обмене денег на товар (Покупатель); лицо, заинтересованное в обмене товара на деньги (Продавец); товар, который покупатель приобрел или мог бы приобрести (Товар), и деньги, приобретенные Продавцом или находящиеся в перспективе приобретения (Деньги).

Пользуясь вышеуказанной схемой, можно утверждать, что глагол BUY помещает в фокус внимания действия Покупателя по отношению к Товару, вытесняя на задний план Продавца и Деньги, глагол SELL акцентирует внимание на действиях Продавца по отношению к Товару, оттесняя Покупателя и Деньги. Что касается глагола PAY, то здесь мы концентрируемся на действиях Покупателя по отношению к Деньгам и Продавцу, оставляя в стороне Товар, и так далее с глаголами SPEND, COST, CHARGE, а также рядом других, находящихся на периферии по отношению к вышеназванным. Автор красной нитью проводит мысль о том, что исчерпывающее понимание значений этих глаголов невозможно без знания деталей и специфики сцены, которые обеспечивают фон и мотивацию для категорий, представленных этими словами.

Таким образом, используя термин «фрейм» для обозначения «сцены», представленной и запоминаемой нами в структурированном виде, автор делает вывод, что фрейм структурирует значение слова, а слово, в свою очередь, активирует фрейм.

С точки зрения Филлмора, вышеупомянутые структуры служат своего рода мотивами для категорий, которыми оперирует говорящий, описывая те или иные ситуации, причем ситуации могут рассматриваться сами по себе, вне контекста употребления. Автор различает, так называемые, «cognitive frames» и «interactional frames», последние вовлекают анализ контекста ситуации.

Ознакомившись с работами E. Rosch, B. Berlin, P. Kay, G. Lakoff и другими, ученый приходит к выводу о важности понятия «прототип» для объяснения природы явления человеческой категоризации. Очень часто фрейм, который помогает определить и понять значение какого-нибудь слова, представляет собой довольно-таки большой пласт окружающей нас культуры и, по мнению Филлмора, может быть определен как прототип.

Так, ORPHAN, можно определить как ребенка, чьи родители умерли, и представить эту категорию как мотивированную фоновой информацией определенного рода: в нашем мире дети находятся под опекой родителей, и предполагается, что родители беспрекословно принимают на себя обязательство заботиться о детях. Ребенок без родителей имеет особый статус в обществе (так как функции родителей осуществляются обществом) только до определенного возраста. Категория ORPHAN сама по себе не содержит никакого указания на возраст, после которого уже неправомерно называть ребенка сиротой, потому что эта информация является частью прототипа. Мы полагаем, что двадцатилетний 'мальчик' в состоянии сам о себе позаботиться, и к этому времени он, по умолчанию, считается уже минувшим тот возраст, когда основная забота о нем возлагалась на семью. Именно эта информация, заключенная в прототипе, а не информация, которая отдельно внесена в описание значения слова, обуславливает тот факт, что слово ORPHAN при адекватном употреблении не будет относиться к подобному 'мальчику'. В ситуации прототипа сирота рассматривается как лицо, заслуживающее жалости и сострадания. На этом основан анекдот о молодом человеке, который на заседании по делу об убийстве своих собственных родителей, попросил суд о снисхождении на основании того, что он сирота: ситуация прототипа, на основе которой общество категоризует некоторых детей как сирот, не рассматривает случай, когда ребенок сам себя лишает родителей.

В качестве второго примера категории, которая может быть осмыслена только на фоне существующих институтов и регулярно выполняе-

мых действий, Филлмор рассматривает слово BREAKFAST. Понять это слово – значит осмыслить принятую в нашей культуре традицию принимать пищу три раза в день, в более или менее условно определенное время дня, при этом первый прием пищи осуществляется рано утром после сна, и меню его предполагает определенный набор блюд (детали могут варьироваться). Самым интересным в слове BREAKFAST является то, что любое из этих трех необходимых условий может отсутствовать, тем не менее, позволяя носителям языка адекватно употреблять это слово. Например, тот факт, что кто-то может работать всю ночь, не смыкая глаз, а затем утром принять пищу, состоящую из яиц, тостов, кофе и апельсинового сока, и назвать это завтраком, показывает, что характеристика «пища, принятая после сна» не является основным критерием. Или же возможность, проспав все утро, проснуться в три часа дня и приняться за трапезу, состоящую, опять-таки, из яиц, тостов, кофе и апельсинового сока, говорит о том, что «утренний» характер категории тоже не является основополагающим. И, наконец, возможность, утром после сна съесть щи и шоколадный торт, показывает, что меню завтрака также нельзя назвать критерием.

По мнению автора, все вышесказанное подчеркивает, что слово представляет собой категорию, которая удовлетворяет разным контекстам, а диапазон этих контекстов обусловлен многоаспектностью прототипного контекста, который возникает, когда условия фоновой ситуации более или менее соответствуют прототипу.

Фрейм представляет собой систему категорий, структурируемых в соответствии с мотивирующим контекстом. Согласно Филлмору, существуют отдельные слова-фреймы, которые обеспечивают участникам процесса коммуникации доступ к фреймам и одновременно служат для осуществления категоризации.

Например, слово WEEK-END имеет то значение, которое оно передает, потому что в нашей практике установился семидневный календарный цикл, большую часть которого мы посвящаем работе, и, соответственно, меньшую часть – отдыху. Если бы для отдыха был отведен только один день, необходимости для существования слова WEEK-END не возникло, так как можно было бы просто использовать название соответствующего дня недели. Опять же, предположив, что рабочая неделя состоит из трех рабочих дней и четырех выходных, факт обозначения периода, посвященного отдыху, словом WEEK-END представляется сомнительным. Автор поясняет эту позицию следующим образом: если рабочая неделя постепенно сокращается, то слово WEEK-END может остаться в употреблении, но сама категория вряд ли могла бы развиваться, если с самого начала число дней, посвященных работе, было бы меньше числа дней, отведенных отдыху. Филлмор приводит в пример своего

друга, работающего только по средам, который, наслаждаясь «a long week-end», признает, что слово в данном случае употреблено в шутку.

Слово VEGETERIAN представляет собой то, что оно представляет, только при обозначении людей, существующих в нашей культуре, потому что категория «лицо, употребляющее в пищу продукты исключительно растительного происхождения,» адекватно только на фоне общества, большинство членов которого регулярно ест мясо. Стоит заметить, что слово идентифицирует не просто кого-то, кто употребляет растительную пищу, а лицо, которое ест *только* растительную пищу. Более того, слово употребляется для указания вышеописанного лица в ситуациях, в которых человек отказывается от мясной пищи по собственному желанию. Причинами могут служить определенные убеждения о правильности питания или же забота о животном мире; так или иначе, слово не употребляется (например, в предложении типа: «Джон – вегетарианец») для описания людей, чей рацион не содержит мяса, потому что оно просто отсутствует, или же люди не могут себе позволить купить его.

Иногда встречаются категории, мотивирующий контекст которых весьма своеобразен. Филлмор приводит в пример выражение FLIP-STRENGTH, используемое в торговле книгами эротического содержания. Издатели эротических романов ставят перед авторами условие – включать на каждой странице определенное количество «интересных» слов, так чтобы потенциальный покупатель, пролистывая книгу в магазине, независимо от того на какой странице он ее откроет, мог бы убедиться, что книга полна захватывающих сцен. Книга, характеризующаяся наличием большого количества подобных слов, имеет «high flip-strength», книга с малым количеством «интересных» слов на страницу имеет «low flip-strength». Издатель такого романа может забраковать рукопись, предложив рассмотреть ее только после того, как «flip-strength» книги будет увеличена.

Последний пример явно доказывает, что понимание мотивирующего (фонового) контекста необходимо для понимания категории. И дело не в том, что контекст употребления не может быть правильно установлен без знания мотивирующего контекста, но само значение слова не может быть понято до конца без знания человеческих чаяний и проблем, которые послужили причиной для создания категории.

Автор предполагает, что в процессе коммуникации говорящий активизирует фрейм и заявляет о своем желании использовать именно этот фрейм, употребляя слова, которые «вцементированы» в этот фрейм, являются его основой.

Рассмотрим следующий пример. Разница между словами LAND и GROUND заключается в том, что LAND означает сухую поверхность

земли по отношению к морю, в то время как GROUND обозначает сухую поверхность земли по отношению к воздуху. Здесь интересен тот момент, как данные слова помещают соответствующие категории в рамках более крупного фрейма. Если мы обладаем знанием фрейма, мы поймем, что птица, которая проводит свою жизнь «on the land» негативно описывается, как птица, не умеющая плавать, а птица, проводящая жизнь «on the ground» – как птица, не умеющая летать.

Другой пример. Английские слова SHORE и COAST (переводимые во многих языках одинаково) различаются в отношении границы между суши и водой, рассматриваемой со стороны водных масс или со стороны суши. Утверждение «We shall soon reach the coast» – предполагает путешествие по суше, «We shall soon reach the shore» – плавание по воде. Улавливание этих нюансов обусловлено нашей способностью распознавать различные способы, с помощью которых два слова схематизируют мир.

Японское прилагательное NURUI – еще один пример слова-фрейма. Оно используется для описания температуры жидкости и имеет значение «жидкость *комнатной* температуры», но дело в том, что NURUI описывает только те жидкости, которые изначально являются горячими. «Kono ocha ga nigui» (чай комнатной температуры) представляет собой адекватное предложение в японском языке, но «Kono biiru ga nigui» (пиво комнатной температуры) – недопустимо. Следует отметить, что фрейм английского слова LUKEWARM имеет другую структуру: как горячая, так и холодная жидкость может приобретать комнатную температуру, но только изначально горячая жидкость может быть впоследствии описана как NURUI.

Иногда мотивирующий контекст может быть обусловлен историческими событиями. При описании местности Северной Америки довольно часто употребляются локативные выражения OUT WEST и BACK EAST. Причины возникновения этой категории имеют глубокие истоки: переселенцы прибывали на восточную часть американского континента и с течением времени мигрировали на запад. Прибыв однажды в восточную часть страны, иммигранты окрестили ее BACK EAST, а еще не достигнутая западная часть получила название OUT WEST. Географическая/историческая категоризация, лежащая в основе использования этих выражений, приводится в действие говорящим (или интерпретатором), что вряд ли позволит ему употребить вышеупомянутые выражения для описания, например, восточного и западного районов Чили.

Рассмотрим на следующем примере, что происходит при замещении одного фрейма другим. Человек, неохотно расстающийся с деньгами, с одной стороны, может быть описан как STINGY (фрейм STINGY::GENEROUS), а с другой стороны – как THRIFTY (фрейм

THRIFTY::WASTEFUL). В фокусе внимания говорящего, который применяет фрейм, представленный словами STINGY::GENEROUS, оказывается отношение данного человека к другим людям, во втором случае (при рассмотрении ситуации в рамках фрейма THRIFTY::WASTEFUL) акцент делается на способности разумно распоряжаться деньгами. Если, характеризуя кого-либо, мы говорим «He is not stingy – he is really generous», это означает, что мы принимаем фрейм, выбранный нашим собеседником, но считаем его мнение в данной ситуации ошибочным. Если же мы говорим «He is not stingy – he is thrifty», мы подразумеваем, что поведение обсуждаемого лица должно оцениваться не в рамках фрейма STINGY::GENEROUS, но фрейма THRIFTY::WASTEFUL.

Иногда некорректное замещение одного фрейма другим приводит к коммуникационным конфликтам. Область юридической лексики представляет собой благодатную почву в этом отношении. Как в языке юристов, так и повседневном языке существует оппозиция слов INNOCENT::GUILTY. В повседневном языке разница обуславливается фактом совершения или не совершения преступления. В правовой области дифференциация осуществляется на основе узко-специального понятия «презумпция невиновности»: человек не считается виновным до тех пор, пока суд официально не признал его таковым. В качестве примера Филлмор приводит случай, произошедший в городском суде в Беркли. На заседании суда адвокат защиты задал присяжному заседателю следующий вопрос: «Признаете ли вы американскую юридическую доктрину о том, что человек не виновен до тех пор, пока его вина не доказана?» Законопослушный гражданин ответил, что подсудимого следует считать невиновным, но утверждать его невиновность было бы странно. Озадаченный адвокат повторил свой вопрос снова: «Я говорю о доктрине, провозглашающей человека не виновным до тех пор, пока его вина не доказана. Вы принимаете это положение или нет?», на что присяжный заседатель парировал, что, если человек невиновен, то и необходимость в суде отсутствует (этот грубый ответ лишил его занимаемой должности). Подобного недоразумения можно было бы легко избежать. В действительности присяжного спрашивали не о том, принимает ли он доктрину или нет, но согласен ли он в интересах расследования дела, слушание которого вот-вот должно было начаться, признать фрейм слов INNOCENT::GUILTY, принятый в области правосудия, а не в сфере обыденного языка.

Ознакомившись с трудами L. Talmy и R. Langacker, убедительно проводящих идею о том, что лексический фрейм представляет собой содержание, по отношению к которому грамматическая структура выполняет структурирующую функцию, Чарльз Филлмор приходит к мысли о том, что всякая грамматическая категория, в свою очередь, накладывает

дывает свой собственный грамматический фрейм на структурируемый материал. С этой точки зрения, в английском языке, например, прошедшее совершенное время структурирует «историю» мира текста, объясняя ситуацию, сложившуюся в момент речи, фактом свершения какого-либо события до этого момента, а длительный аспект подчеркивает процессуальность действия. Так, например, в тексте формы вышеупомянутых грамматических категорий в предложении типа «She had been running» могут объяснить, почему в момент речи «она» тяжело дышала, была потной и уставшей. Таким образом, мы видим, что когнитивные фреймы, которые обуславливают адекватное понимание языка, могут различаться в зависимости от своей обобщенности и специфичности: глагол RUN представляет нам образ определенного вида физической деятельности, в то время как Past Perfect Tense и Continuous Aspect, употребленные вместе, формируют, каждый по-своему в общем и абстрактном виде, образ бега, подходящего для данной ситуации, и располагают сам факт бега во времени и адекватно ходу разворачивающихся событий.

Таким образом, основная идея концепции Чарльза Филлмора заключается в том, что появление слов всегда мотивировано и обусловлено рядом экстралингвистических причин. Эти причины уходят своими корнями в культуру определенного социума, его историю, географию, систему человеческих институтов, отношений и т. д. Возможность понять значение слова до конца и его употребление в языке существует только при условии понимания этой системы человеческого опыта и институтов, а также причин, по которым последние побудили людей создать категории, выраженные словами.

Л и т е р а т у р а

- Berlin B., Kay P.* Basic color terms, their universality and evolution. – Berkeley, 1969.
Fillmore Ch. J. Frame semantics // *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL*. – 1981. – Seoul, 1982. – P. 111-137.
Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. – Chicago, 1980.
Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar*. – Vol.2: Descriptive application. – Stanford, 1991.
Rosch E. H. Natural categories // *CP*. – 1973. – Vol.4. – P.328-350.
Talmy L. The relation of grammar to cognition // *Topics in cognitive linguistics / Ed.by Rudzka-Ostin B.* – Amsterdam; Philadelphia, 1988. – P.162-205.

ЛИНГВИСТИКА

Лакуны в переводном тексте. Единицы мер

© кандидат филологических наук Е. Н. Филимонова, 2002

Реалии-меры, по словам И. Ю. Марковиной, – это «особый тип этнографических лакун, которые взаимно компенсируются в культурах» (Марковина 1982, 102).

Единицы мер (далее ЕМ) «являются в любом тексте носителями информации об определенном расстоянии, весе, объеме и т. д.» (Влахов, Флорин 1986, 167). Чтобы воспринять эту информацию, читателю необходимо знать реальные величины этих мер или получить хотя бы приблизительное представление о них. Если *фунты*, *футы* и т. п. в переводной литературе порой и не требуют толкований в силу своей общеизвестности, то корейские ЕМ безусловно являются лакунами для русскоязычного читателя и нуждаются в подробном разъяснении.

По вопросу, считать ли ЕМ экзотизмами и сохранять ли их в транслитерированном виде в тексте переводов, мнения ученых разделились. Одни ученые относят ЕМ к группе экзотических элементов или реалий, которые создают и поддерживают национальную «ауру» произведения (см., напр., Виноградов 1978; Влахов, Флорин 1986 и др.). С. Влахов и С. Флорин считают, что ЕМ «должны быть либо переведены тем или иным путем, либо, по меньшей мере, поданы так, чтобы читатель мог догадаться об их вещественном содержании» (Влахов, Флорин 1986, 167). Однако они предупреждают, что «вообще прибегать к замене одних мер другими нужно осторожно во избежание нарушения колорита, исторической правды, общего тона» (Там же, 173). Другие ученые считают, что эти единицы менее «этноко-специфичны» по сравнению с другими экзотическими элементами, встречающимися в текстах переводов. Так, Ю. А. Сорокин называет эти единицы «ненатуральными и мешающими восприятию текста» (см. Шаховский, Сорокин и др. 1998, 119) и считает спорной необходимость в истолковании единиц меры и веса для того, чтобы сохранить их в качестве транслитерированных в авторском тексте. «Эти единицы выступают в качестве “шумов”, мешающих восприятию текста, они также и менее этнико-специфичны, чем остальные культуремы, и легко могут быть представлены в привычном для носителя русского языка виде» (Сорокин 1998, 140).

Группа корейских ЕМ в русских текстах довольно многочисленна. Подавляющее большинство корейских лексем, входящих в состав этой группы, встречается в трех и более произведениях. Это меры длины: **ли**, **чхок**, **чхи**, **ча**, **киль**, **кан**; меры площади: **кёль**, **пхён**, **чхон**, **пхиль**, **кён**, **мадиги**, **турак**, **денбо**; меры веса: **ду**, **кын**, **кюн**; меры объема: **сом**, **сок**, **маль**, **ку**.

Как показали исследования, в подавляющем большинстве русских переводов с корейского ЕМ сохраняются в транслитерированном виде.

ЛИ

Заметное место в переводной с корейского языка литературе занимают лексемы, обозначающие меры длины. Высокой частотностью употребления в произведениях о Корее и корейцах отличается ЕМ **ли**. Пояснения к ней даются как в послетекстовых комментариях и подстрочных сносках, так и в тексте произведений. Однако подавляющее большинство пояснений к ЕМ **ли** отличается разнородностью и противоречивостью.

Некоторые пояснения носят общий, абстрактный характер. Например, в книге Н. Грибачева «Непокоренная Корея» единица измерения длины **ли** встречается два раза, причем в двух орфографических вариантах – **ли** и **ри** (см. Указ. соч., 30; 40), пояснения к ней носят самый общий характер: «мера длины».

При комментировании ЕМ **ли** основные разногласия у переводчиков возникают при определении того, чему же равна эта ЕМ.

Так, например, переводчица Л. В. Журавлева дает следующее пояснение к ЕМ **ли**: «**ли** – мера длины, равна приблизительно 0,4 км» (см. Хван Ген 1960, 22). Такое же пояснение содержится и в Предисловии к книге «Песня над озером» (1971): «**ли** – мера длины, около 400 м». Переводчик Н. Глазков утверждает, что **ли** – «мера длины – около 0,5 км» («Современная корейская поэзия» 1950, 202). Более категоричен в своих утверждениях В. Ли: «**ли** – мера длины, равная 0,5 км» («Молодость в пути» 1961, 5). Переводчики Е. Те и Ю. Карасев считают, что «**ли** – немного более 500 метров» (Ли Ги Ен 1958, 24). Однако в Комментариях к книге Лим Чже «Мышь под судом» (см. Лим Чже 1964, 228), составленных Г. Рачковым, и Примечаниях к сборнику «Повести страны зеленых гор» (1966, 332), составленных Б. Рифтиным, дается следующая информация: «**ли** – китайская и корейская мера длины, равная в Корее 392,7 метра».

Прочитав все эти пояснения к одной только ЕМ **ли**, русскоязычный читатель остается в недоумении: какое же из них отражает действительное положение дел?!

Обратимся к Современному словарю иностранных слов (ССИС 1994, 338). Надо отметить, что лексема **ли** зарегистрирована словарями иностранных слов (см. ССИС 1994, СИС 1987), а также Русским орфографическим словарем под ред. В. В. Лопатина (1999, 448). В ССИС читаем: «**ли** – в ряде стран Дальнего Востока – единица длины, размер меняется от долей мм до 500 м». Словарная статья отличается еще большей степенью абстрактности, чем пояснения к лексеме в переводных произведениях.

Для того, чтобы наконец установить, чему же все-таки равна единица длины **ли**, обратимся к словарям корейского языка. «**Ли** – мера длины, равная 0,393 км» (БКРС 1976 Т. 1, 405; НСКЯ «Дон А» 1994, 632). По данным КАС (2002, 1949), «**ли** – мера длины, равная 0,4 км».

ЧХОК, ЧА

Второе место по частоте употребления занимает корейская мера длины **чхок**, в настоящее время совпадающая с другой мерой длины **ча**. Толкования к ней даются в основном в послетекстовых Комментариях и Примечаниях и разнятся, возможно, в зависимости от времени написания произведения.

«Он [Тхарэ] прибыл в Карак морем. Ростом он был всего три **чхока**, голова по окружности в один **чхок**» («Корейские предания и легенды...» 1980, 55). В Комментариях на странице 243: «**чхок** – мера длины, в древности равная от 20 до 27 см». «Выслушав наставления матери, Со Ю распрощался с нею и, прихватив с собой слугу – мальчика, ростом от земли в три **чхока**, на маленьком ослике тронулся в путь» (Ким Ман Чжун 1961, 51). В Примечаниях на странице 365: «**чхок** – корейская мера длины, равная 32 см». Полностью совпадает и текст пояснения к корейской лексеме **чхок** в Примечаниях, составленных М. Никитиной и А. Троцевич: «**чхок** – мера длины, равная 0,32 м» (см. «Ссяньчхон кыйбонъ» 1962, 26). Однако в Примечаниях к сборнику «Бамбук в снегу», составленных той же М. Никитиной уже совместно с Л. Концевичем, читаем: «**чхок** – мера длины, равная 30,3 см». Здесь корейская мера длины **чхок** совпадает с другой мерой длины **ча**, которая также равна 30,3 см. Т. Симбирцева также считает, что «**чхок/ча** – мера длины, равная 30,3 см» (Симбирцева 2000, 248).

«Через несколько минут откуда-то появился монах-настоятель – брови его длиной в **ча**...» (Ким Ман Чжун 1961, 355). В Примечаниях на странице 394: «**ча** – корейская мера длины, равная 30,3 см». Такая же информация содержится и в романе «Судьба охранника» (1978, 377). Однако в Комментариях к повести Лим Чже «Мышь под судом» (1964) на странице 225 читаем: «**ча** – мера длины, равная примерно 30 см».

Чтобы установить, чему же равен современный **чхок**, обратимся к словарям корейского языка: «**чхок** – мера длины, равная **ча**, **ча** же равняется 30,3 см» (БКРС 1976, Т. 2, 7); «**чхок** равняется 0,30303 м» (Самсонбан 1986, Т. 1, 1354; БСКЯ 1990, 325).

Как видно из приведенных примеров, количественные характеристики ЕМ **чхок** и **ча** обычно совпадают в современных произведениях и имеют некоторые незначительные различия в средневековых произведениях.

ПХЁН

В художественных переводах с корейского также можно встретить единицу измерения длины **пхён**, которая активно используется в современном корейском языке.

Как показал анализ, многие толкования ЕМ **пхён** содержат противоречивые данные о ее количественной характеристике. Так, переводчики Е. Те и Ю. Карасев полагают, что «**пхён** равен 7,29 кв. метра» (Ли Ги Ен 1958, 19), Хван Юн Дюн считает, что «**пхён** – мера площади, равная 31 кв. м» (Цой Со Хе 1960, 19), в книге М. Масацугу «Путешествие по Корее» (1977) на странице 90 утверждается, что «один **пхён** равен 1,8 кв. метра». Встречается и такое мнение, что «**пхён** равен 3,3 кв. м» (см. Ким У Джунг 1992, 117; ж. «Сеул» (весна) 1995, 6; Симбирцева 2000, 245; Ланьков 2000, 107 и мн. др.).

А. И. Ланьков в своей книге «Корея: будни и праздники» (2000) дает точный эквивалент **пхёна** в метрической системе и приводит историческую справку о происхождении этой ЕМ (Указ соч., 107):

«... следует сказать несколько слов о принятой в Корее традиционной мере площади жилых помещений любого типа. Этой мерой является **пхён**, который составляет 3,3025 кв. м. История этой меры площади достаточно любопытна. Как известно, в старой Корее преобладали дома каркасной конструкции, несущую основу которой составляла система из поддерживающих массивную крышу столбов и связывающих балок. Стены как таковые в традиционном корейском доме несущим элементом не являлись. Хотя расстояние между столбами в разное время и в разных сооружениях колебалось, но, как правило, оно равнялось примерно 6 **чхокам**, то есть 1,7-1,8 м. Таким образом, прямоугольное пространство, с четырех сторон окруженное столбами, и составило традиционную меру жилой площади **пхён**» (Ланьков 2000, 107-108).

По данным многих корейских словарей, **пхён** равняется 6 кв. **ча** (см. БСКЯ 1990,3976; СКЯМ 2001, 2662 и др.). Большой корейско-русский словарь (1976, 307) подробно перечисляет все значения многозначной корейской лексемы **пхён**, переводя ее в метрическую систему: «**пхён** 1. мера земельной площади приблизительно равная 3,3 кв. м;

2. мера объема примерно равна 5,9 куб. м; 3. мера площади для измерения ткани, стекла и т. д., примерно равна 918 кв. см; 4. мера площади для измерения поверхности, например, покрытой резьбой, примерно равна 9,2 кв. см».

ПАЛЬ, КИЛЬ, ЧХОН, ЧХИ

В русских текстах встречаются и многие другие ЕМ, такие, например, как **паль, киль, чхон** и **чхи**.

«Явился Тигр в суд, сверкнул горящими дико глазами, забил по стволу хвостом, длиной в **паль**...» (Лим Чже 1964, 65). В Комментариях на странице 231: «**паль** – корейская мера длины, равная расстоянию между концами пальцев вытянутых в сторону рук».

«Немедленно всех здоровых воинов заставили рыть колодцы – они обошли сотни **килей**, копали в сотне мест, но воды не было» (Ким Ман Чжун 1961, 206). В Примечании на странице 381: «**киль** – корейская мера длины, равная 3,3 м».

ЕМ **киль** имеет в корейском языке значение ‘рост человека как мера длины’ (КАС 2002, 361). Нами также зарегистрирован случай употребления корейской ЕМ **киль** в этом значении в переводном тексте.

«А тот, делая прыжки в два-три **киля**, носился туда-сюда, вверх-вниз... уходил от ударов» («Записки...» 1985, 51-52). В Примечаниях на странице 432 читаем: «**киль** – человеческий рост как мера длины».

«Ведь ясно же: когда человек умирает, ему нужно лишь несколько **чхон** земли» (Чон Сук Хи 1993, 254). В подстрочной сноске: «**чхон** – единица измерения площади, около половины кв. м». «Жалкая букашка! Целый год можешь ты кормиться травинкой длиной в три **чхи**» (Лим Чже 1964, 178). В Комментариях на странице 225: «**чхи** – мера длины, равная примерно 3 см». Однако в Примечаниях к книге «Записки...» (1985) на странице 442 написано, что «**чи**¹ – мера длины, равная 32 см» (Составители Д. Елисеев, Л. Меньшиков). Т. Симбирцева в книге «Корея на перекрестке эпох» (2000) на странице 248 пишет, что «**чхон/чхи** – мера длины (3,3 см)». Такая же информация содержится и в БСКЯ (1990, 3652; 3700; БКРС 1976. Т. 2, 233). В КАС (2002, 2494) информация уточняется «**чхи** – мера длины, равная 3,0303 см».

Однако во многих корейских словарях содержится информация, рассчитанная в основном на носителя корейского языка: «**чхи** – это одна десятая **ча**» (СКЯМ 2000, 2510).

---

¹ Чи – орфографический вариант чхи.

Меры площади в основном встречаются в произведениях, связанных с работой в поле, с крестьянским трудом. М. А. Поджио называет такие меры «полевыми» (Поджио 1892, 362).

Основными способами пояснения являются толкования в подстрочных сносках и Примечаниях.

МАДИГИ, ТУРАК

Зачастую подстрочные сноски, поясняющие ЕМ **мадиги**, абстрактны и понятны лишь человеку, так или иначе связанному с крестьянским трудом. М. А. Поджио отмечал, что «мера для пахотной земли, определяется в Корее количеством посеянного риса или другого зерна» (Поджио 1892, 362). В двух подстрочных сносках приводится разная информация о количестве зерна, высеиваемого на одном **мадиги**.

«– Ты слышишь, земля? ... Только и ты уж не подведи меня: подари с каждого **мадиги** по три **сема** риса» (Ли Ги Ен 1958, 55). В подстрочной сноске: «**мадиги** – площадь, на которой можно засеять около 16 килограммов зерна» (Переводчики Е. Те и Ю. Карасев). «От зари до зари она, Сон Би и Ю собан собирали хлопок с поля в десять с лишком **мальчиг** (хотя считалось, что там только шесть **мальчиг**)». В подстрочной сноске: «**Мальчиг** – площадь поля, на которую высевается один **маль** зерна (18 килограммов)» (Переводчики А. Артемьева и А. Холодович).

Встречается пояснение, которое не только абстрактно по своему содержанию, но и может явиться интракультурной лакуной для русскоязычного читателя (термин Ю. А. Сорокина – см. Сорокин 1977а, 127-129), так как в пояснении используется *четверик* – «старая русская мера сыпучих тел, равная 26,2 л» (Ожегов, Шведова 1992, 916), которая может быть неизвестна современному русскоязычному читателю.

«**Ма-чжик-и** равняется участку, на котором посеян *четверик*» (Поджио 1892, 362).

В другом случае толкование носит конкретный характер: дается точная количественная характеристика ЕМ.

«Хотя его жалоба на Ли Гын Су сослужила Ан Сын Хаку хорошую службу, он не прибавил крестьянину ни одного **мачиги**» (Ли Ги Ен 1967, 82). В подстрочной сноске: «**мачиги** – мера площади, равная 0,6 га» (Переводчик А. Хан).

Надо отметить, что в двуязычных словарях, изданных в Корее, как правило, толкования к этой ЕМ отличаются еще более высокой степенью абстрактности. Это тем более странно, что такими словарями пользуются не только носители корейского языка, но и иностранцы: «**мадиги** – площадь, на которой можно засеять один **маль** зерна» (КАС 2002, 802).

В текстах произведений встречаются орфографические варианты корейской ЕМ **мадиги** – **мачиги** – **ма-чжик-и** – **мальчиг** (о причинах существования орфографических вариантов см. Филимонова 1998, 105-114).

ЕМ **турак** также является мерой площади и по значению и количественной характеристике совпадает с ЕМ **мадиги**. Совпадает и толкование этой ЕМ, представленное в подстрочной сноске.

«Но и такую жизнь можно было вести в том случае, если удавалось у кого-нибудь взять в аренду для обработки около десяти **тураков** земли, тогда уже можно было брать рабочий скот напрокат или же доставать деньги под высокие проценты» (Те Мен Хи 1966, 59). В подстрочной сноске: «**турак** – площадь, на которой высевается 1 **маль** (16 кг) зерна» (Переводчик В. Пак).

Как нам кажется, при использовании в тексте перевода корейских лексем для обозначения мер площади пояснения к ним должны носить конкретный, четкий характер и быть ориентированы не на узкого специалиста, а на широкий круг читателей.

КАН

Лексема **кан** имеет в корейском языке два значения: ‘единица измерения площади жилых помещений, равная приблизительно 2,12-2,72 кв. м и единица измерения длины, равная 182 см’ (см. БКРС 1976, Т.1, 36).

В русских текстах переводов ЕМ **кан** встречается в этих двух значениях. Особое внимание обращают на себя пояснения к этой лексеме.

«Госпожа, проливая слезы, почтительно ответила ей на это: – Вы облагодетельствуете меня, если милостиво разрешите мне жить в комнате в один **кан**. Посмею ли я беспокоить вас [просьбами] о еде и одежде?» («Ссяньчхон кыйбонъ» 1962, 25). В Примечаниях на странице 77: «**кан** – мера площади для жилого помещения (2,5 кв. м)». Такая же информация содержится и в книге «Проблема человечества» (Кан Гён Э 1955, 99). «Высунув из моря спину, огромную, как крыша дома, шириной в двенадцать **канов**, кит выбрасывал столбы воды, которые долетали до самого неба» (Лим Чже 1964, 170). В Комментариях на странице 241: «**кан** – мера длины, равная примерно двум метрам». «Оставив ее мужа, он погнался за ней и скоро приблизился на расстояние в два-три **кан**» («Черепажовый суп» 1970, 92). Как видно из текста произведения, ЕМ **кан** выступает здесь в значении ‘единица измерения длины, равная 182 см’. Составители Д. Елисеев и Ю. Кроль объединили два значения корейской лексемы и их количественную характеристику: «**кан** – единица измерения длины и площади, равная 2,5 м».

По данным КАС (2002, 35), «**кан** – мера длины, равная 180 см».

КЁЛЬ

ЕМ **кёль** отмечена нами лишь в произведениях, датированных прошлыми веками.

«Монастырю Чхвисонса подарили тридцать **кёль** полей для жертвоприношений в честь Ким Юсина и молений о благополучии в царстве мертвых» («Корейские предания и легенды ...» 1980, 90).

В Комментарии на странице 254: «**кёль** – традиционная мера земельной площади, менявшаяся в разные периоды истории от 0.8 до 3.4 га. Данных о ее величине в период Силла нет». Такая же информация встречается и в Примечаниях к сборнику «Повести страны зеленых гор» (1966, 337).

КЁН

В средневековых произведениях часто встречается единица меры площади **кён** (орфографический вариант **ген**). Пояснения к ней иногда носят не конкретный, приблизительный характер.

«... мне не нужны богатые уголья. И сотни **генов** рисового поля» («Песня над озером» 1971, 120). В Примечаниях на странице 120: «**ген** – мера площади, немногим более 6 га».

«Замерзла роса на ивах – бриллиантовых тысяча нитей. // Солнце в реке отразилось – девять тысяч золота **кёнов!**» («Пэкрён Чхохэ» 1960, 29). В подстрочной сноске информация конкретизируется: «**кён** – мера площади, равная 6,144 га– (Переводчик Д. Елисеев).

В Примечаниях же к книге «Записки...» (1985) на странице 432 читаем: «**кён** – мера площади, равная 3,31 кв. м». По данным БСКЯ (1990), «**кён** – китайская мера площади, равная 10000 м» (С.186).

МАЛЬ, ДУ

По данным корейских словарей (см., напр., БСКЯ 1990, 1130), ЕМ **маль** и **ду** совпадают по значению. Однако ЕМ **маль** встречается в русских текстах значительно чаще, чем ЕМ **ду**. Нами зарегистрирован лишь один случай употребления корейской лексемы **ду** в переводном тексте.

«Водяная крупорушка шелушила в сутки сто с лишним **ду** зерна». В подстрочной сноске: «**ду** – 16 килограммов» (Ли Ги Ен 1958, 15).

«Если уважаемый господин хочет найти доброе вино, – ответил хозяин, – то самое лучшее вино продается у моста Тяньцзинь, и называется оно “Весна Лояна”, за один **маль** – тысячу лян» (Ким Ман Чжун 1961, 69); «Тогда тесть купил большой дубовый ларь на пятьдесят **маль** риса и решил: если зять знает, что это такое, то он не прогонит его» («Черепеховый суп» 1970, 35).

Пояснения к ЕМ **маль** в основном даются в Примечаниях, расположенных после текста произведения. Однако в ряд пояснений, очевидно, вкралась ошибка. Так, в Примечаниях к роману Ким Ман Чжун «Облачный сон девяти» (см. Ким Ман Чжун 1961, 233; 368) **маль** толкуется как мера объема, около 1,8 л (Составитель Л. Меньшиков).

В подстрочной сноске в книге Кана Гён Э «Проблема человечества» (1955) на странице 47 отмечается, что «**маль** – мера сыпучих тел – 18 кг, а также мерка зерна».

В словарях корейского языка говорится, что «**маль/ду** – корейская мера объема, равная приблизительно 18 л» (см. Самсонпан 1986, Т. 1, 539; БКРС 1976. Т. 1, 429; КАС 2002, 820).

В Комментариях к книге «Повести страны зеленых гор» (1966,337) **маль** трактуется как «мера веса, равная 4,8 кг».

СОМ, СОК

Среди корейских ЕМ объема часто встречаются совпадающие по значению ЕМ **сом** и **сок**. Толкования их в основном совпадают, незначительно различаясь лишь цифровыми соотношениями. Как правило, они отличаются абстрактностью.

«Однако в любом случае Вон Чхир должен был осенью отдать хозяину не менее пяти **сом** риса» (Ли Ги Ен 1958, 64). В подстрочной сноске: «**сом** – мешок, или куль, в который входит 70-80 кг зерна». Подобное толкование встречается и в повести Лим Чже «Мышь под судом» (1964) на странице 225. «За шесть лет пребывания в столице он [Пак Сэн] прокутил почти все свое состояние – рисовые поля, с которых ежегодно снимали по 100 **соков** риса, – а должности так и не получил» (Цой Со Хэ 1960, 36). В подстрочной сноске: «**сок** – мера сыпучих тел, равная 70 кг».

Несколько отличается от предыдущих пояснение к ЕМ **сом** в Комментариях к рассказу Ли Гира «Нечистая сила»: «**сом** – мера сыпучих тел, около 80 кг» (Составители Комментария Д. Елисеев, Ю. Кроль).

В Примечаниях к «Сказкам народов мира» (1987) на странице 623 читаем: «**сом** – старинная мера веса, равная приблизительно ста пятидесяти килограммам». Т. Симбирцева же считает, что «**сом** – мера объема (180,39 л)» (см. Симбирцева 2000, 246). В БРКС (1976, 1 Т. 685; 699) указывается, что «**сом/сок** – мера объема, равная 180 л». Переводчики А. Артемьева и А. Холодович определяют **сом**, как «меру емкости, равную 0,18 куб. м» (Кан Гён Э 1955).

Корейская лексема **сок** встречается в переводном тексте и в значении 'мера объема, равная 103,5 л' (см. Ким Ман Чжун 1961, 382), а ЕМ **сом** может служить не только для определения веса зерна, но и просто для определения емкости любого предмета, скажем, сундука.

«Пэк Нын Пха поздравила маршала с победой и передала ему подарок для воинов: сто волов и сто **соков** вина» (Ким Ман Чжун 1961, 214). «Сундук этот, емкостью в десять **сом**, был окован железом, закрыт на замок и крепко обвязан веревками» («Черпаховый суп» 1970, 43).

Пояснения к ЕМ **сом/сок** в словарях корейского языка «Самсонпан» (1986) и БСКЯ (1990) рассчитаны на носителя корейского языка: «**сок/сом** в десять раз превышает **маль**» (Т. 1, 920).

Количественная характеристика ЕМ **сом/сок** указывается в различных источниках по-разному, что, возможно, отражает исторические или иные вариации.

Среди других мер объема в переводных с корейского языка произведениях часто встречается ЕМ **кын**.

КЫН

Что касается пояснений к ЕМ **кын**, то они не слишком отличаются друг от друга и практически совпадают с данными словарей корейского языка.

«Выслушав наказ, Сон Чжин повесил на шею четки весом в семь **кынов**, взял в руки волшебный посох и удалился в направлении озера Дунтин» (Ким Ман Чжун 1961, 33). В Примечании на странице 362: «**кын** – корейская мера веса, равная 597 г». «Генерал-губернатор Угаки ратовал за развитие сельского хозяйства и в начале 1930-х гг., приказал разводить хлопок в южных провинциях Кореи, поскольку Япония в то время по финансовым причинам была вынуждена сократить его импорт. Вследствие этого производство хлопка в Корею увеличилось с 689 тыс. **кынов** (1 **кын** = 0,6 кг) в 1910 г. до 213749 тыс. **кынов** в 1934 г.» (Корея. Справочник 1993, 116). В Примечаниях к книге «Записки...» (1985) на странице 432: «**кын** – мера объема, равная 0,6 кг».

По данным словарей корейского языка, **кын** равен 600 граммам (см. об этом СКЯ 1980, 236; БКРС 1976 Т.1, 160; КАС 2002, 308).

КВАН, ХОП, ДЯК

В художественных переводах с корейского также в транслитерированном виде представлены следующие меры объема: **кван**, **хоп**, **дяк**.

«Каждый крестьянин обязан был поставлять властям несколько сот **кванов** смолистых сосновых сучьев, несколько десятков **кванов** коры ясеня и липы, несколько **кванов** дикой виноградной лозы...» (Ли Ги Ен 1958, 77). В подстрочной сноске: «**кван** – около 4 кг».

По данным словарей корейского языка, **кван** равняется 3,75 кг (Самсонпан 1986, Т. 1, 160; БКРС 1976, Т. 1, 216; КАС 2002, 211).

Пояснения к корейской ЕМ **хоп** могут носить как абстрактный, так и конкретный характер.

М. А. Поджио пишет, что **хоп** – «самая мелкая мера, равняющаяся горсти какого-либо сыпучего вещества» (Поджио 1892, 361). «Паек выдавался только взрослым – по два **хопа** и два **дяка** риса на человека» (Ли Ги Ен 1958, 76). В подстрочной сноске: «**хоп** – 150 граммов, **дяк** – 15 граммов».

Хоп, по данным словарей, приблизительно равен 0,18 л (БСКЯ 1990, 4250; КАС 2001, 2845).

В переводах с корейского встречаются фразеологические единицы (далее ФЕ) и речения фразеологического характера (далее РФХ), в состав которых входят ЕМ. Особенно часто встречаются в этих выражениях ЕМ **ли**. Для носителя корейского языка эти ФЕ и РФХ представляют собой «набор специфических сигналов» (Сорокин 1977б, 171), автоматически вызывающий как непосредственные ассоциации, так и большое количество косвенных ассоциаций из различных областей, для русскоязычного читателя же подобные выражения являются «белыми пятнами», лакунами и нуждаются в подробном толковании. Общеизвестно, что при переводе символическая функция подобных выражений, как правило, утрачивается. Обычно переводчики сохраняют единицы мер в РФХ и ФЕ в транслитерированном виде. Замена корейских ЕМ на русские повлекла бы за собой утрату национальной «нюансировки» этих выражений.

Тысяча ли и десять тысяч ли имеют символическое прочтение и часто употребляются в ФЕ и РФХ для обозначения очень далекого расстояния.

«Вслед за любимым я бы пошла! И *тысячу ли* я бы прошла, и *десять тысяч ли* я бы прошла» («Верная Чхун Хян» 1990, 73); «Она за *десять тысяч ли* отсюда – горит в тоске душа моя...» («Песня над озером» 1971, 56); «Ведь тот, кто раз с подругой разлучился, // Тот от нее – за *десять тысяч ли!*...»

Девяносто тысяч ли – это ширина и высота небесного свода, по представлениям народов Дальнего Востока. Это РФХ также имеет символическое прочтение.

«... Из сердца вырежу двурогий месяц // И подниму его на небосвод // За *девяносто тысяч ли* от дома...» (Ч. Чхоль 1975, 33); «... Пусть в небе, что раскинулось над нами, // На *девяносто тысяч долгих ли*, // Висят они...» (Там же, 54).

Земля на трех тысячах ли (Самсолли гансан) – поэтическое название Кореи, известное каждому корейцу. Это РФХ также встречается в русских текстах.

«... Наша земля – на трех тысячах ли...» (Ким Дюн 1971, 14-15); «Наша Родина – это чудесная страна, раскинувшаяся на три тысячи ли» («Мангендэ» 1981, 32); «Три тысячи ли рек и гор» (Волков, Сибирцева 2000, 41).

Корейская ЕМ **ли** может встречаться и внутри транслитерированного корейского слова-символа, но эта информация остается для русскоязычного читателя “за кадром” из-за незнания корейского языка и отсутствия фоновых знаний.

Пояснения к корейскому слову-символу Чхоллима встречаются как в послетекстовых комментариях, так и в самом тексте произведения.

«А разве так уж непременно надо // Быть Чхоллима – крылатым скакуном?..» (Ч. Чхоль 1975, 88). В Примечаниях на странице 292: «Чхоллима – мифический конь, пробегающий за день тысячу **ли**». «Чхоллима – это имя легендарного коня с крыльями, который способен преодолеть тысячу **ли** одним прыжком» (ж. «Кымгансан» № 8 1995, 4).

Удачным, с нашей точки зрения, способом передачи «чужой» реалии является использование русского эквивалента, в состав которого также входит ЕМ – старая русская мера длины *верста*: *тысячеверстный скакун* (Переводчики А. Артемова, Г. Рачков).

«Ян Со Ю присмотрелся и сказал: – Под этим седоком – *тысячеверстный скакун!*» (Ким Ман Чжун 1961, 156; 378). В Примечаниях на странице 378: «*Тысячеверстный скакун* – легендарный конь, пробегающий за день тысячу **ли**. Впоследствии этот эпитет применялся к отличным скакунам». При таком переводе лагуна, как нам кажется, частично элиминируется.

Единицы мер представляют собой довольно многочисленную группу. Некоторые из них, такие, как **ли**, **чхок**, **кын** и некоторые другие, отличаются высокой степенью употребительности в переводных с корейского языка произведениях.

Как мы уже отмечали, как правило, корейские ЕМ в русских текстах переводчиками транслитерируются. Однако редкие попытки замены корейских ЕМ на привычные для носителя русского языка ЕМ нельзя считать неудавшимися.

В классической повести «Братья Хынбу и Нольбу» (1990, 113-190) практически не встречается ни одной корейской ЕМ. Исключение составляет лишь мера длины **ли**. Переводчик А. Васильев удачно, как нам кажется, заменяет все корейские ЕМ на привычные для носителя русского языка ЕМ, хоть и старинные. Такая замена может объясняться тем, что эта повесть классическая и была написана в прошлых веках. Корейская ЕМ **маль** (см. Хынбуджон 2000, 40) в тексте перевода становится *меркой* (*мера* – старая русская единица емкости сыпучих тел), **сок** (Там же, 96) – *кулем* (*куль* – старая русская торговая мера сыпучих тел

(от 5-9 пудов), **пнём** – корейская мера длины, равная расстоянию между раздвинутым большим и средним пальцами или большим и мизинцем (Там же, 44) – *пядью* (*пядь* – старинная русская мера длины, равная расстоянию между раздвинутыми большим и указательным пальцами). Значения старинных русских ЕМ даются по Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (1992).

«Брат дал пять лянов денег и три *мерки* риса, а невестка добавила еще три ляна да две *мерки* бобов» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 123); «Амбары засыпали зерном: в восточный амбар – десять тысяч *кулей* неочищенного риса, в западный – пять тысяч *кулей* белого риса, в амбары и позади – по пяти тысяч *кулей* бобов и разных злаков да еще по три тысячи *кулей* кунжута!» (Там же, 147); «Для пущей внушительности Хынбу дополнил свой наряд латаным-перелатанным янбанским халатом, взял в руку трубку в одну *пядь* длиной и, спотыкаясь и выписывая вензеля, будто пьяный, двинулся в дальний путь» (Там же, 125).

Что заставляет подавляющее большинство переводчиков сохранять ЕМ в транслитерированном виде в корейских переводных произведениях? Почему большинство переводчиков не переводит их тем или иным путем в более близкие и понятные русскоязычному читателю единицы мер, принятые в России?

Причинами этого, возможно, являются:

1. корейские ЕМ представляют из себя довольно сложную и порой запутанную с точки зрения иностранца систему;

2. перевод их в другие ЕМ представляет трудность, так как корейские толковые словари и справочники содержат разные данные. Многие толкования трудно воспринимаются иностранным читателем, не знакомым с корейской системой мер. Для примера попробуем уточнить, чему равна корейская ЕМ **киль**. В Словаре корейского языка наиболее употребительных слов «Минджун» (2001) на странице 401 читаем: «**киль** равняется десяти или восьми **ча**», **ча**, в свою очередь, – «это ЕМ, в десять раз превышающая **чхи**» (Там же, 2069), а «**чхи** – это одна десятая **ча**» (Там же, 2510).

3. толкования отличаются высокой степенью абстрактности, в словарных статьях постоянно встречаются слова *приблизительно, примерно, около* и т. п.;

4. перевод «корейских» ЕМ в «русские» требует большой и кропотливой работы, так как большинство корейских ЕМ при переводе их в русские ЕМ представляют из себя не целые цифры, а цифры с десятичными, сотыми, а порой тысячными и т. п. долями (напр., **пхиль** = 11,62 кв. м; **денбо** = 0,992 га; **кён** = 6,144 га; **чхок** = 0,30303 м и т. п.).

Возможно, по этим причинам большинство текстовых и словарных пояснений к ЕМ носит приблизительный характер. Зачастую такого

рода пояснения не точны, а порой в них закрадываются и ошибки. Путаница в толкованиях лексем этой группы может вызывать по меньшей мере недоумение, а порой и раздражение у русскоязычного читателя. Здесь возрастает роль и ответственность переводчика. Переводчику необходимо самому хорошо ориентироваться в этой области, чтобы избежать досадных недоразумений и ошибок. Толкования к корейским лексемам, обозначающим единицы мер, должны носить конкретный, четкий характер и быть ориентированы не на узкого специалиста, а на широкий круг читателей.

Л и т е р а т у р а

- Бамбук в снегу.* Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл.ред.восточ. литер., 1978.
- Братья Хынбу и Нольбу // Верная Чхунхян.* Корейские классические повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С. 113-190.
- Виноградов В. С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986.
- Волков С. В., Симбирцева Т. М.* Корея. Карманная энциклопедия. М.: Муравей-гайд, 2000.
- Грибачев Н.* Непокоренная Корея. Стихи. М.: Сов. писатель, 1951.
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах.* Л.: Худож. литер. (Ленинградск. отд.), 1985.
- Кан Гён Э.* Проблема человечества. Перевод с корейского. М.: Гос. изд-во худож. литер., 1955.
- Ким Дюн.* Корейская сосна. Роман. М.: Сов. писатель, 1971.
- Ким Ман Чжун.* Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: Гос. Изд-во худож. литер., 1961.
- Ким У Джунг.* Этот великий мир бизнеса. М.: Руслит, 1992.
- Корейские предания и легенды из средневековых книг.* М.: Худож. литер., 1980.
- Корея.* Справочник. Сеул: Самхва Принтинг Ко, 1993.
- Ланьков А. Н.* Корея: будни и праздники. М.: МО, 2000.
- Ли Ги Ен.* Земля. Роман. М.: Изд-во иностр. литер., 1958.
- Ли Ги Ен.* Родная сторона. Роман. М.: Худож. литер., 1967.
- Лим Чже.* Мышь под судом. Повесть. М.: Худож. литер., 1964.
- Мангендэ.* Роман. Пхеньян: Изд-во литер. на иностр. яз., 1981.
- Марковина И. Ю.* Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста. Дисс. ... канд филол. наук. М., 1982.
- Мацумото Масаюгу.* Путешествие по Корею. Пхеньян: Из-во литер. на иностр. яз., 1977.
- Молодость в пути.* Сб. рассказов. М.: Изд-во иностр. литер., 1961.
- Песня над озером.* Лирика средневековой Кореи. М.: Наука, 1971.
- Повести страны зеленых гор.* М.: Гос. Изд-во худож. литер., 1966.
- Поджио М. А.* Очерки Кореи. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1892.
- Пэкрён Чхохэ.* Антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом. М.: Ин-т Востоковедения АН СССР, 1960.
- Сказки народов мира.* М.: Изд-во «Правда», 1987.
- Современная корейская поэзия.* М.: Изд-во иностр. литер., 1950.
- Сорокин Ю. А.* Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977а. С.120-136.

- Сорокин Ю. А.* Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 166-174.
- Сорокин Ю. А.* Сознание и модусы его существования: китайская лингво-культурная общность в 1966-1976 гг. // Проблемы этносемантики. Сб. научно-аналитических обзоров. М.: ИНИОН, 1998. С. 122-142.
- Ссянъхон кыйбонъ* (Удивительное соединение двух браслетов). М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
- Судьба охранника.* Роман. Пхеньян: Изд-во литер. на иностр. яз., 1978.
- Те Мён Хи.* Нактонган. Рассказы. М.: Сов. писатель, 1966.
- Филимонова Е. Н.* Фонетико-графическая передача кореизмов в русском тексте // Сб. ст. Кёнбукского ун-та иностранных языков. Кёнсан. 1998. С. 105-114.
- Хван Ген.* Остров в огне. Рассказы. М.: Военное изд-во Мин-ва обороны СССР, 1960.
- Цой Со Хэ.* Исповедь беглеца. Рассказы. М.: Гос. Изд-во худож. литер., 1960.
- Черепуховый суп.* Корейские рассказы XV – XVII вв. Л.: Худож. литер., 1970.
- Чон Чхоль.* Одинокий журавль. Из корейской поэзии XVI века. М.: Худож. литер., 1975.
- Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В.* Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998.
- Хынбуджон.* Сеул: ВАЕК AM Press Co. 2000.

С л о в а р и

- Большой русско-корейский словарь в 2-х томах. М.: Русский язык, 1976 (*БРКС*).
- Словарь иностранных слов. 14-е изд., испр. М.: Русский язык, 1987 (*СИС*).
- Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, Комета, 1994 (*ССИС*).
- Гуго дэсаджон (Большой словарь корейского языка. Сеул: Самсонмунхваса, 1990) (*БСКЯ*).
- Самсонпан гуго дэсаджон (Большой словарь корейского языка Самсонпан. Самсонпан, 1986) (*Самсонпан*).
- Гуго саджон минджун эссэнс (Корейский словарь наиболее употребительных слов «Минджун». Сеул: Минджунсэорим Ко., 2001) (*СКЯМ*).
- Минджун эссэнс ханъён саджон (Корейско-английский словарь наиболее употребительных слов «Минджун». Сеул: Минджунсэорим Ко., 2002) (*КАС*).
- Донъя сэгуго саджон (Новый словарь корейского языка Донъя. Сеул: Изд-во Донъя, 1994) (*НСКЯ*).

**Солнце и луна в мифологическом сознании
индоевропейцев
(на материале современного английского языка)**

© О.В. Стафеева, 2002

В настоящей статье, предлагается рассмотреть космонимы «солнце» и «луна» в более широком филологическом контексте. Понимая филологию как интегрированную науку о языке, культуре и литературе, в традиции Р.А. Будагова, который, как известно, рассматривал филологию как совокупность наук, изучающих культуру разных народов, прежде всего в том виде, в котором она выражена в языке, в письменности, в художественной литературе, и принимая во внимание, что при анализе того или иного текста большого писателя, или документа важного исторического значения, нам необходимо приобщить подобные тексты и памятники к общей культуре данного народа, для того, чтобы прояснить, из каких источников возникает та или иная культура, какими материалами она располагает¹. С этой целью обратимся к данным фольклористики, науки о первобытном мышлении и о семантике.

Нам кажется уместным использовать при этом работы замечательного русского фольклориста А.Н. Афанасьева. Этот ученый, как известно, принадлежал к мифологической школе. Многие более поздние исследователи часто критиковали ее за односторонность изучения, наличие преувеличений, «примитивность построений», лингвистический непрофессионализм, тенденцию рассматривать миф как «продукт народного творчества, а не как всеобщую и единственно возможную форму восприятия мира на известной стадии развития общества»², однако при этом всегда признавалась ценность выводов, сделанных отдельными представителями этого научного направления. К примеру, О.М. Фрейденберг пишет: «...ценны во многих случаях выводы по материалу; блестящие ученые с большой эрудицией, с интуитивным чутьем, ... оставили увлекательные работы, наивные по методологии, но зачастую верные по непосредственному вскрытию мифа. Теоретическую ценность имеет сейчас и тот пресловутый прием, по которому мифологи в всех явлениях и ситуациях мифа и поэзии видели символ одного и того же атмосферически-светового феномена. Ведь это

---

¹ Будагов Р.А. Филология и культура. М.- МГУ, 1980

² Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра. «Лабиринт» М, 1997.

означает, что одна и та же семантика может морфологически отливаться в различные формы ...»³.

В настоящей статье мы кратко рассмотрим только одну из таких форм, из числа многих, предложенных А.Н.Афанасьевым, и попытаемся проследить на примере некоторых литературных произведений XIX-XX веков как эти древнейшие формы проявлялись в сознании носителей английского языка в XIX-XX веках, посмотреть сохранились ли древнейшие культовые понятия о небесных светилах в их сознании, и в каком именно виде.

Форм образов, которые олицетворяют небесные светила и другие природные стихии довольно много. Так, например, солнце и луна олицетворялись в образах небесных коров и божьих очей, а также связывались с металлами (золотом или серебром) и драгоценными камнями; солнце, кроме того, представлялось птицей, конем, коровой или быком, девицей, щитом, зеркалом, огненным змеем, колесом; месяц — серпом или мечом. Такое количество и вариативность образов Афанасьев объясняет разнообразием впечатлений, которые эти светила производили на древнего человека, а также тем, что различные явления природы и предметы окружающего мира могут быть сходны по какому-то из своих признаков или характеристик, эти сходные признаки, по мнению, Афанасьева и послужили основой для метафорического сближения различных явлений и предметов.

Итак, рассмотрим олицетворение элемента света и тепла в образе Огненного Змея. Примитивному сознанию наших предков, многие природные явления: метеориты, падающие звезды и особенно молния представлялись в образе летучего огненного змея по внешнему сходству блестящей, сверкающей полосы света с видом земного пресмыкающегося. Начало весны, как правило, сопровождается в природе первой грозой с молнией и громом, это предвестники живительного тепла, поэтому для язычников гром и молния представлялись светлыми, благими божествами, и сливались как нечто абсолютно тождественное с солнцем. Т.е. солнце и молния отождествлялись в общем представлении о благодатной стихии света. Народные предания приписывают и молнии и солнечным лучам одинаковую оплодотворяющую силу, которая считалась священной.

Таинство рождения также виделось языческому сознанию древних индоевропейцев делом светлых богов, которыми представлялись солнце и молния, персонифицированные соответственно в образах Дажьбога и Перуна. Они отделяли от себя животворный свет и боролись с губительной силой тьмы. Как вся жизнь природы приписана лучам, отделяющимся от солнца и свету молнии, так и зарождение младенца

---

³ Там же.

совершалось при непосредственном воздействии молнии, таинственно ниспосылаемой с неба Дажьбогом. Огненный змей оборачивается в древнейших представлениях, юношей необыкновенной красоты, а молодость и красота представляют собой не что иное, как атрибуты самой жизни во всей ее полноте. Светлые божества хранили плодотворную силу в своем жилище – в стране вечного лета, которая лежит на восходе солнца. Здесь таились семена жизни, которые с весной приносились на землю ветром, а зимой уносились обратно. Сила человеческого оплодотворения таилась в той же стране, и отсюда ниспосылалось на женщину. Чувство любви, соединяющее два различные пола, для язычника являлось творением богов света. По народным сказкам, вход в солнечное царство – страну вечного лета и вечной жизни стережет двенадцатиголовый (по числу месяцев в году) змей, испускающий пламя. Соединяя идею оплодотворения с Огненным змеем, фантазия народа последовательно приписала ему и дары здоровья, молодости, крепости сил; поскольку все это составляет неперемнное условие полноты жизни, проводником которой является Огненный Змей, образ в котором персонафицировалось солнце.

Сейчас мы попытаемся проследить отпечатки этих представлений в англоязычной литературе, которые подтверждают на наш взгляд, что поверья предков сохранились на уровне символов вплоть до XX века. Для этого предлагаю обратиться к роману Э. Хемингуэя «И восходит солнце ...»

Солнце в романе появляется только на страницах, посвященных Испании – романтический образ этой европейской страны противопоставляется прагматизму американской цивилизации. В романе «И восходит солнце...» Испания контрастирует с искусственностью парижской жизни и хаосом войны. Главный герой, Джейк Барнс, от имени которого ведется повествование, едет туда в поисках этических ценностей, которые могли бы заменить идеалы, уничтоженные войной и обывательским образом жизни. Он надеется обрести новый смысл в первозданной, простой и радостной антицивилизации Испании. Природа – деревья, солнце, луна, реки, рыбная ловля – присутствует только в маленькой, но живой, солнечной Испании. Природа у Хемингуэя представлена как особая ценность. Близость к ней исцеляет и залечивает душевные и телесные раны, нанесенные войной и человеческой жестокостью. Один из американских исследователей творчества Хемингуэя, Алфред Кейзин, отмечает особую приверженность писателя романтической традиции в описании природы, его преклонение перед природой как «миром красоты». Солнце же выступает как неотъемлемая часть этого мира красоты, как его венец и символ.

Подтверждением этой мысли служат, как мне кажется, отобранные мной отрывки из текста романа:

1. *"The train stopped for half an hour at Bordeaux and we went out through the station for a little walk. There was no time to get in to the town. Afterwards we passed through the Landes and watched the sun set. There were wide fire-gaps cut through the pines, and you could look up them like avenues and see wooded hills way off. About seven-thirty we had dinner and watched the country through the open window in the diner. It was all sandy pine country full of heather. There were little clearings with houses in them, and once a while we passed a sawmill. It got dark and we could feel the country hot and sandy and dark outside the window, and about nine o'clock we got into Bayonne".*
2. *"Then we crossed a wide plain, and there was a big river off on the right shining in the sun from between the trees, and away off you could see the plateau of Pamplona rising out of the plain, and the walls of the city, and the great brown cathedral, and the broken skyline of the other churches."*
3. *"Then the road came over the crest, flattened out, and went into the forest. It was a forest of cork oaks, and the sun came through the trees in patches, and there were cattle grazing back in the trees."*
4. *"No one was stirring downstairs, so I unbolted the door and went out. It was cool in the early morning and the sun had not yet dried the dew that had come when the wind died down."*
5. *"We walked on the road between the thick trunks of the old beeches and the sunlight came through the leaves in light patches on the grass. The trees were big, and the foliage was thick but it was not gloomy."*
6. *"We were on the top of the height of land that was the highest part of the range of wooded hills we had seen from Burgette. There were wild strawberries growing on the sunny side of the ridge in a little clearing in the trees!"*
7. *"The road came out from the shadow of the woods into the hot sun."*

Автор употребляет по отношению к Испании эпитет “sun-hardened country” (см. “I saw Madrid come up over the plain, a compact white sky-line on the top of a little cliff away off across the sun-hardened country”), и настойчиво повторяет при описании страны словосочетания «in the hot sun» и «the sun dries smth.» (См. пример 8).

8. “... and I was out in the hot sun on the steps of the cathedral, and the forefingers and the thumb of my right hand were still damp and, I felt them dry in the sun. The sunlight was hot and hard, and I crossed over beside some buildings, and walked back along side-streets to the hotel.”; “It was hot enough so that it felt good to wade in a cold stream, and the sun dried you when you came out and sat on the bank.”; “The wine and aguardiente sellers were putting their booths. One booth advertised ANIS DEL TORO. The cloth sign hung against the planks in the hot sun.”; “At noon of Sunday, July 6th, the fiesta exploded. There is no other way to describe it. People had been coming in all day from the country, but they were assimilated in the town and you did not notice them. The square was as quiet in the hot sun as on any other day.”

«Закаленная солнцем страна» (sun-hardened country), лучи которого могут ласкать или утомлять, живая, страстная и справедливая как само великое светило. Палящее солнце Испании, каким бы утомительным оно не казалось время от времени, греет заледеневшие души представителей потерянного поколения, заставляет их сердца биться в соответствии со своим здоровым ритмом. («Brett was radiant. She was happy. The sun was out and the day was bright.») Солнце дает ту живительную силу, радость жизни и здоровье, которые были отняты войной.

Еще более явно древнее представление о солнце в образе Огненного Змея проступает в произведениях Д.Лоуренса, который в своем творчестве неоднократно обращался к теме конфликта между природным миром и урбанистической средой. Неисчерпаемый ресурс жизненной энергии Лоуренс находит в поклонении солнцу. Автор высоко ценит идеалы древней средиземноморской цивилизации и проповедует ее естественные и здоровые ценности, отвергая искусственную цивилизацию Старого Света, ее оторванность от источников настоящей жизненной энергии. По Лоуренсу, люди, принадлежащие природной сфере, воплощают некую изначальную жизненную стихию. Живительное тепло Средиземноморского солнца возвращает к жизни изувеченное цивилизацией человеческое естество, дает силы, исцеляет все болезни. В его зрелых работах солнце – это символ всеобъемлющего воскресения и обновления, приходящего через сексуальное пробуждение.

Рассмотрим, к примеру, его рассказ «Солнце» (“Sun” 1926). Главная героиня рассказа нервная городская женщина, страдающая

послеродовой депрессией, американка Джулиет, по рекомендации врача, отправляется в отпуск к Средиземному морю, оставив в Нью-Йорке своего мужа, среднестатистического нью-йоркского бизнесмена, вырвавшегося из плена его собственнических инстинктов. Во время ее пребывания на Сицилии, она однажды просыпается в объятиях солнца, персонализированного автором в образе нежного, пылкого и абсолютно неэгоистичного любовника, которой дарит Джулиет тепло, внимание и заботу – то, чего не хватало ей все эти годы.

The sun lifted himself naked and molten, sparkling over the sea's rim. ... Juliet lay in her bed and watched him rise. It was as if she had never seen the naked sun stand up upon the seashore, shaking the night off himself.

Образ Джулиет – это один из вариантов образа Спящей красавицы в творчестве Лоуренса, заимствованный им из фольклора, а поцелуй, который будит ее – это поцелуй солнца. Результатом соития Джулиет с солнцем становится воскресение плоти, пробуждение новой индивидуальности и восстановление связи с вечным космосом.

It was not just taking sunbaths. It was much more than that. Something deep inside her unfolded and relaxed, and she was given. By some mysterious power inside her, deeper than her known consciousness and will, she was put into connection with the sun, and the stream flowed of itself, from her womb. She herself, her conscious self, was secondary, a secondary person, almost an onlooker. The true Juliet was this dark flow from her deep body to the sun.

Познав источник энергии, и почувствовав, что “the sun knew her, in the cosmic carnal sense,” Джулиет достигает состояния полной посвященности в тайны космоса, которое воспитывает в ней новое органичное отношение ко всему окружающему и чувство отчужденности от большинства людей, не согретых солнцем: “They were so unelemental, so un-sunned. They were so like graveyard worms”. Эта отчужденность самым драматичным образом распространяется на отношение к мужу, Морису, неожиданный приезд которого из «нечестивого мира» Манхэттена нарушает святую космическую гармонию согретою солнцем мира Джулиет. Они и прежде были далеки друг от друга: “In their two lives, the stroke of power was hostile, his and hers. Like two engines running at variance, they shattered one another.” Но появление мужа на Сицилии (“like ink on blotting paper”), создает особый драматический эффект. При помощи такого эффекта, автор еще больше отдаляет Мориса от священного сообщества, к которому принадлежит его жена, от сообщества «согретых солнцем».

Морис настаивает на том, чтобы Джулиет возвратилась в Нью-Йорк; она отказывается, отстаивая свою новую веру. "I can't go back on this sun," говорит она. Морис видит перемены в жене, он замечает, что солнце превратило ее из "pale, silent, menacing ghost-woman" в "sun-coloured woman", в чувственную, солнечную Еву, бродящую по лимонным садам Италии, и отступает перед ее откровенной энергией и подчиняется ее вновь образовавшимся потребностям. Эта сцена демонстрирует, что Джулиет стала осознавать себя личностью, имеющей свои права, потребности и желания, с которыми другие, в том числе Морис, обязаны считаться, что она почувствовала себя здоровой, сильной и небезразличной к жизни.

Так отражаются древние представления об Огненном Змее, несущем семена жизни, дарующем физическую и духовную силу и здоровье, красоту и радость жизни, в сознании носителей английского языка, насколько можно судить по более или менее близким к современности произведениям художественной литературы.

Литература

1. Helios: From Myth to Solar Energy. Proceedings, Volumes 1,2. 16-18 March, 1978
2. Hemingway Ernest. The Sun Also Rises...., Charles Scribner's Sons, New York, 1954
3. Kazin A. An American procession. Cambr., Mass. 1984
4. Lawrence D.H. Sun, Princess and other stories. Moscow, 2002
5. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х т., т. 1,2,3 М, 1995
6. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа: Ст. по фольклору, этнографии и мифологии. М, 1996
7. Будагов Р.А. Филология и культура. М., 1980
8. Маковский М.М. Язык-миф-культура: Символы жизни и жизнь символов. М, 1996
9. Потебня А.А. Слово и миф. М, 1989
10. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М, 1990
11. Пропп В.Я. Собрание трудов. Морфология (волшебной) сказки, т.2, 1998
12. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб, 1995
13. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М, 1995
14. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М, 1997

Почему язык права такой сложный?

© Т. И. Тарасова, 2002

Проблема сложности, запутанности, архаичности языка закона стара, как мир, и ждет своего решения. Профессор Рэй Эйкен (Ray J. Aiken), один из сторонников консерватизма в языке права, вынужден был согласиться: “I, too, regard as rampant and progressing decline of legal literacy, characterized by redundancy, obscurity of meaning, poor grammar and practical abandonment of every classical virtue of the compositional art”. Признавая благородные цели, которым служит язык права, другой исследователь юридического стиля Лоуренс Фридман (Lawrence Friedman) не мог не сказать: “...law books are full of incredible quantities of plain bad style – clumsy, pompous legalese and tedious, obscure prose – which is neither good law, good magic, nor good history”. Подобные мнения о стиле юридического языка – не новость. Вот почему исследование причин такого положения дел представляется поистине актуальным, так как оно ведет к более полному пониманию системы права, системы образования, и, в конечном счете, языка. Открытие мира изучаемого языка «ареала его существования» поможет лучше понять законы его развития, способы и формы современного функционирования, должно стать начальным этапом педагогической деятельности для любого преподавателя LSP (языка для специальных целей). Можно с уверенностью сказать, что такое знание будет содействовать более эффективному процессу обучения.

Современные критики языка права вскрыли целый ряд факторов, оказывающих непосредственное влияние на современное развитие профессионального языка юристов:

- *Социологические/Семиотические.* Каждая профессия создает свою систему кодов и символов, чтобы отличаться от всех остальных.
- *Профессиональные.* Все обучение будущих юристов направлено на подготовку исследователей в области прецедентов, законов и доктрин.
- *Материальные.* Рыночные отношения измеряются объемом выполненной работы.
- *Юридические.* Стабильность закона обеспечивается отчасти консерватизмом и архаичностью языка.
- *Экономические.* Непонятный язык юристов возвышает их в глазах клиентов, а соответственно, и их гонорары.

- *Исторические.* В системе прецедентного права преемственность имеет первостепенное значение, поэтому последующие поколения юристов поступают так же как предыдущие.
- *Ритуальные.* Вера населения в величие закона поддерживается его специфическим, сложившимся испокон веков языком.
- *Научно-технические.* Современные технологии, позволяющие сохранять «в памяти» древние законы и их язык, тоже частично несут ответственность.
- *Организационные.* Организация юридического дела оставляет желать много лучшего, не остается времени на тщательную доработку языка текущих и новых документов.
- *Детерминистские.* Высокие цели законов оправдывают те средства, которыми они создаются.
- *Педагогические.* Будущих студентов не учат говорить и писать грамотно.
- *Культурные.* Юристы мало читают, не знакомы с классической литературой, на примере которой они могли бы учиться говорить и писать лучше.
- *Психологические.* За запутанным языком легче скрыть собственное «Я».
- *Интеллектуальные.* Способность ясно излагать (устно или письменно) отражает способность ясно мыслить, но ни в одной профессии этим не могут похвалиться все 100 процентов ее представителей.

Социологические и семиотические причины в данном случае объединены, потому что объясняются законами, объединяющими людей в группы по профессиональному признаку, среди которых отмечается необходимость использовать в своей деятельности одни и те же знаки и символы, приемы и обычаи, отличающие представителей данной группы от остального мира. Как будто подтверждая это утверждение, журналист Стюарт Ауэрбах (Stuart Auerbach), освещавший вопросы права в Washington Post во второй половине семидесятых определил роль языка права как “a secrete handshake in a fraternity, letting others to know you are one of the tribe”. Профессор юридического факультета Стэнфордского университета Lawrence M. Friedman выразил ту же мысль, сказав: “a specialized vocabulary reinforces the group feelings of members.... Legal style and the vocabulary of lawyers ... are indispensable for the cohesiveness and the prestige of the profession”. Ни одна другая профессия не разделяет общество на “lawyers” и “nonlawyers”. Кто слышал о “nonteachers” или “nonjournalists” или “nondoctors”?

С профессиональной точки зрения, современный юридический язык является результатом многовекового развития национального языка,

государственности, правовой системы и системы образования. Если применить к юристам известное выражение, можно сказать “they are trained to leave no stone unturned”. Вот откуда берутся многословие и повторы, архаичность и неточность выражения, неясность и запутанность содержания. Их, юристов, так учат «с молодых ногтей». Добросовестный адвокат обязан просмотреть все дела, даже отдаленно связанные с делом его клиента, и если ему выгодно, перечислить их в ходе слушания. Считается безграмотным, даже непрофессиональным оставлять аргументы доказательства неподкрепленными ссылками на другие дела, порой имеющие лишь косвенное отношение к рассматриваемому вопросу. Такое отношение к «делу» (гражданскому или уголовному) не способствует лаконичности выражения. Кроме того, бывают случаи, когда адвокат чувствует, что ведет бесперспективное дело, то есть обреченное на поражение. С помощью сложной и запутанной речи он может отдалить принятие неблагоприятного для него и его клиента решения, таким образом затягивая время слушания и запутывая присяжных. Доказать данное утверждение довольно сложно, потому что никто никогда не сознается в таком речевом поведении. Нужно, действительно, быть большим мастером слова, чтобы воспользоваться такой стратегией и оставаться неуязвимым в своей профессии, иначе могут обвинить в непрофессиональном ведении дела. Более того, невозможно провести разницу между нарочитой запутанностью и неясностью, с одной стороны, и необходимостью применять важные по своей сути выражения и понятия, не имеющие точного толкования, – с другой. Сравним следующие примеры:

- The legal requirement that a person act “*reasonably*.” The word expresses a legal standard impossible to define precisely. That is not a fault of the writer but a virtue of the law. Norbert Wiener, the eminent mathematician, argued that the law should always say exactly what it means; it should never use ambiguous notions. But some legal concepts – *due process, equal protection of the laws, executive power* – are inherently vague; to fix their boundaries for all time would rob us of the flexibility necessary to a free society.
- The Supreme Court’s 1955 decision in *Brown v. Board of Education* that school desegregation proceed “*with all deliberate speed*.” Legitimately or not, the Court chose that vague phrase to avoid the serious dangers it foresaw had its language been more concrete.

Профессиональным оправданием многословности, характерной для законодательных актов, служит утверждение о том, что необъятные предложения, простирающиеся на целый абзац, содержащие в качестве подлежащего целую группу существительных (“person, organization,

company, association, group, or other entity”), служат для того, чтобы закрыть лазейки, то есть возможности обойти закон.

Материальные причины легко объясняются в мире рыночных отношений. За свои деньги клиент хочет максимального внимания к своему вопросу, каким бы простым или тривиальным он ни был. Когда речь идет о договорах купли-продажи, поставок, найма-аренды и даже брака, все стороны заинтересованы в наиболее полном и детальном изложении всех возможных обстоятельств на случай их нарушения или расторжения. Никто не хочет терять в результате юридической небрежности или поверхностности. Все должно быть учтено и предусмотрено профессионалом, чтобы его репутация также не пострадала. Общество, в котором действует состязательная система процесса, обречено терпеть многословие юристов, за которое им к тому же еще и щедро платят.

С точки зрения *юриспруденции* применение отдельных непонятных непрофессионалам слов и выражений может быть полностью оправдано. Данное замечание в полной мере относится к ситуации передачи безусловного права собственности на землю (fee simple) другому лицу и его наследникам (“to X and his heirs”), которое нельзя изменить на (“to X and his children”), потому что последнее будет недействительным, то есть не будет иметь законной силы. Непонятность устаревших «служебных» слов, набивших оскомину “herein” и “whereas” может служить как залогом надежной и законной формы юридического документа, так и причиной судебной тяжбы. Если в силу своего многовекового употребления архаизм служит препятствием возникновения споров, наверное, имеет смысл его сохранить как гарант юридической защиты. С другой стороны, если клиент может воспользоваться невнятным значением архаизма как основанием к подаче иска и выиграть дело, может быть, стоит сохранить такую возможность. Существует еще третий путь, при котором ясное и четкое изложение положений любого договора вовсе исключит необходимость обращения в суд.

Говоря об *экономической* подоплеке громоздкости и непонятности для подавляющего большинства языка права, нельзя обойти стороной тот факт, что для юристов язык – не только основное средство коммуникации, но и средство существования. Как сказал профессор Гарвардской школы права Стивен Старк (Steven Stark), преподающий стилистику письменной юридической речи: “Lawyers write badly because doing so promotes their economic interest. ... If lawyers stopped writing like lawyers, they might have trouble charging as much for their work”. Однако он не был первым, кто заметил эту особенность «писательской деятельности» юристов. За полвека до него другим профессором того же университета было высказано убеждение, что “legal trade is nothing but a high-class racket because the public is scared, befuddled, impressed, and ignorant. If

clients knew what the Latin phrase meant, they would never pay for the lawyer's services". Но этим наблюдениям нет прямых подтверждений, поэтому гораздо более убедительными кажется мнение о том, что современное право является настолько сложным, что простым смертным очень сложно разобраться без юридической помощи, что означает тот или иной юридический документ. Прошло то время, когда юристам платили за каждое написанное слово, теперь их гонорары основаны на почасовой оплате. Совершенно очевидно при этом, что создание понятных, лаконичных текстов требует гораздо больше времени. Применение же устоявшихся, хотя и мало понятных слов и выражений на самом деле служит для экономии времени, средств и клиента, и самого адвоката.

Историческое обоснование не нуждается в подробном объяснении уже потому что само название системы прецедентного права говорит само за себя. Важнейшими достоинствами любой правовой системы являются ее стабильность и предсказуемость. И то, и другое обеспечиваются преемственностью в теории и практике, что в свою очередь не может не найти отражения в языке этой системы. Иначе говоря, чтобы найти подтверждение в правильности принятых в настоящем решений, оглядываясь на прошлое "to be on the safe side". О не всегда оправданной ценности исторических прецедентов Председатель Верховного Суда США Холмс, вошедший в историю как мастер пера и слова, однажды заметил: "It is revolting to have no better reason for a rule of law than that so it was laid down in the time of Henry IV/ it is still more revolting if the grounds upon which it was laid down have vanished long since, and the rule simply persists from blind imitation of the past".

Отношение общества к закону в современных развитых странах носит, можно сказать, *ритуальный* характер, («ритуальный» – магический, связанный с волшебством, а не «погребальный»). В истинной демократии право как система общественного контроля зависит от веры общества в справедливость и правосудие, в диктатурах право опирается исключительно на силу оружия. Вера, как мы знаем, облачается в слова и фразы и этим отличается от языка силы. Подтверждением этому может служить пример из истории английского права. Еще до Нормандского завоевания в 1066 система правосудия в гражданских делах основывалась на "compurgation" – «компургации», как следует из перевода в англо-русском словаре Мюллера. На самом деле более точным русским эквивалентом является «клятвоприношение», «судоговорение». Истец и ответчик, а также их свидетели обязаны были изложить свое дело по установленной речевой формуле. Доказательством их правоты служило безошибочное, безупречное, без запинки произнесенное заявление. Любая, даже незначительная погрешность в речи считалась божьим знаком о том, что мотивы или доводы одной из сторон нечисты. До

наших дней в судах всего мира сохранились слова приведения к присяге свидетелей, которые обязуются «говорить правду, только правду, и ничего кроме правды». Лоуренс Фридман (Lawrence Friedman) считает, что целью подобной магической формы было не передать информацию, а создать эмоциональный настрой ужаса, трепета и уважения – “... is designed to convey, not information, but emotion – fear, awe and respect”.

Совсем не парадоксальным кажется в связи с этим, что подобная фразеология находит своих защитников не только внутри юридической профессии, но и за ее пределами. Наблюдения многих адвокатов юридических контор Лондона и Нью-Йорка подтверждают, что их клиенты с недоверием относятся к юридическим документам, в которых отсутствуют слова архаизмы или традиционные “whereas” и “heretofore”, потому что без них они выглядят менее весомыми и официальными, то есть менее ценными. Другим примером могут служить возражения ответчика против необоснованных претензий истца, изложенные следующим образом:

“Now comes the Defendant and for his answer denies, Each and every allegation of the Plaintiff’s complaint. And further answering says, that if he ever owed the Plaintiff anything, he owes the Plaintiff nothing”.

Ответ, написанный таким высоким слогом, уже заслуживает внимания и уважения и не вызывает сомнений в честности и правоте ответчика, хотя в нем и не содержится ни единого факта.

Научно-технический прогресс внес свои коррективы во все сферы человеческой жизни, и юридическая деятельность, сопряженная с огромным количеством бумаг, составленных по определенной форме, сначала, наверное, выиграла оттого, что работа на печатающей машинке, клавиатуре компьютера стала гораздо менее трудоемкая, чем с ручкой и чернилами. Однако это изменение к лучшему стало и большим соблазном в увеличении объемов бумаг, которые теперь можно не только печатать в неограниченном количестве, но и копировать сканировать и пр. Современные юристы имеют дело с таким большим объемом бумаг, что их редко волнует то, каким языком они написаны.

В *организационном* отношении современная юридическая практика представляет собой бизнес, которым управляют законы рыночной экономики. Здесь действует такая же жесткая конкуренция, как и в любой другой деловой сфере, существует строгая профессиональная и финансовая отчетность, много сил и энергии уходит на такие вопросы, как встречи с клиентами, оппонентами, экспертами и свидетелями, на своевременную подготовку документов, представление документов в срок в соответствующие органы и так далее. Поэтому все меньше времени остается на осмысление соответствия между содержанием и формой. Гораздо проще и даже по-своему безопаснее позаимствовать из того,

что было сделано ранее, чем выдумывать что-то свое новое, ведь в праве особенно «нам не дано предугадать, чем наше слово отзовется». Поэтому из предыдущих документов заимствуются не только отдельные слова и целые фразы, но и весь стиль речи. Так устроена деловая жизнь рядовых деятелей права. Что касается его более маститых представителей, то за редким исключением они вообще не утруждают себя такими земными занятиями, как написание бумаг, потому что существует целая гвардия помощников и клерков готовых сделать это за них. Единственным источником и авторитетным советчиком в таких делах всегда были и остаются библиотеки, которые, как известно, являются и лучшими хранилищами многовековой традиции письма. Вновь переписываются и перепечатываются, и ксерокопируются устоявшиеся фразы и целые предложения, которые должны оставаться в одном стиле со всем остальным. Так получается замкнутый круг, когда вердикты вышестоящих судов, которые составляют прецеденты и повторяются в последующих постановлениях судов, создаются по образу и подобию предыдущих решений.

Многие юристы считают, что сложная форма языка как средства выражения правовой доктрины предопределена абстрактным характером самой юриспруденции. Против причин *детерминистского* толка выступает Стивен Старк, которые считает, что “poor writing is as much a consequence of the way lawyers look at the world as is their ability to read a contract and find consideration”. Дело в том, что в общем праве только наличие «встречного удовлетворения» – “consideration” делает договор действительным, то есть обладающим исковой защитой. Стивен Старк не находит связи между абстрактным видением мира и неспособностью излагать свои мысли ясным, конкретным языком.

Защищая юридический язык и саму правовую профессию, адвокат Ричард Хайленд полагает, что само общество виновато в том, что не может понять концептуальный характер языка закона. Высокие цели и задачи закона, правосудия и демократии не могут снизойти до уровня повседневного изложения. Рамки данной работы не позволяют детально исследовать сложный философский вопрос о связи языка закона и состояния законности в обществе, о заинтересованности самого общества в форме и содержании законов или взаимосвязи между языком права и уровнем правовой культуры. Гораздо более важной представляется проблема понимания языка закона самими юристами и способы обучения, способствующие наиболее полному его восприятию.

Анализируя *педагогическую* сторону вопроса, в первую очередь, нужно обратиться к учебным планам и программам юридических факультетов и институтов Англии, США, России. Оказывается, что единственными лингвистическим курсом в Чикагском университете и неко-

торых других университетах, где студентов учат элементарной грамоте, является Legal writing – письменный язык для юристов. Этот курс, как правило, ограничивается изучением текстов судебных решений с целью их понимания, потому что они часто грешат очень низким качеством выражения. Самым важным оказывается уловить суть высказывания, а не анализировать, критиковать и тем более совершенствовать форму и стиль изложения. Это в юридической профессии не принято. О таком отношении к судебным решениям говорит и бывший судья Верховного Суда Арканзаса: “The judge may receive no real criticism of his writing for months or years. Unlike ordinary editors or publishers, the state reporters and the West Publishing Company never refuse to print his opinions, nor do they even edit them. His writing is published whether good or not. Almost no one except law review editors and losing litigants criticize his work, and even these critics usually dwell only on the correctness of his legal analyses rather than on the quality of his presentation”. К сожалению, приходится констатировать, что эти судебные решения были и остаются единственным материалом для чтения студентов-юристов. Из опыта преподавания хорошо известно, что хорошему научить сложно, но можно, а плохое прививается само – “good writing is rarely taught, bad writing usually absorbed”. Знакомясь с Curriculum Vitae (CV) британских и американских юристов, невозможно найти никаких других учебных курсов по стилистике или риторике. В российских юридических вузах студентов художественно обучают латыни, скорее знакомят с ней для приличия. Семинары по иностранному языку остаются единственными занятиями, на которых вырабатываются и совершенствуются навыки устной и письменной речи.

К *культурным* факторам можно отнести низкий уровень знаний среди юристов в области мировой истории, литературы и философии. В то время, когда юристы вместе с духовенством, врачами и учителями представляли собой интеллектуальную элиту общества, их главным достоинством были грамотность и знание достижений мировой культуры во многих областях, включавших искусство, научно-технический прогресс, классическую философию и иностранные языки. Представители этих профессий были чуть ли не единственными носителями передовых взглядов и мысли. Бурное развитие постиндустриального общества потребовало соответственного прогресса от многих профессий, включая юридическую. В результате многократно возросло количество принимаемых законов, заключаемых договоров, деловых сделок; возникли новые правоотношения в семейной, социальной, гуманитарной, образовательной в военной, и во многих других сферах человеческой жизни. Юридическая профессия первой призвана реагировать на меняющиеся политические и экономические реалии в обществе, создавать,

толковать и применять новое правовое регулирование в развивающемся обществе. Вследствие этого некогда начитанные и просвещенные профессионалы стали все больше ограничиваться специальной литературой по праву и все меньше выходить за ее пределы. Молодые юристы, стремящиеся сделать успешную карьеру, работают 24 часа в сутки, изучая судебные дела или составляя договоры, таким образом сужая, а не расширяя свой кругозор. По мнению многих преподавателей и профессоров права, “no instructor in any class in any law school can make a reference to Plato or Aristotle, to the Bible or Shakespeare, the Federalist or even the Constitution itself with any real assurance that he will be understood”. Другими словами, если в годы учебы не успел получить знания в области классической литературы, искусства, истории и философии, восполнить этот пробел в будущем не удастся. Многие исследования и опросы свидетельствуют об общем падении уровня среднего и высшего образования в таких развитых странах, как США, Великобритания, Франция, о нежелании студентов читать произведения классической литературы в полном объеме, изучать иностранные языки. Такая деградация культуры находит свое отражение, в первую очередь, в языке средств массовой информации, которые повторяют и тем самым тиражируют политическое пустословие, замыкая порочный круг постепенного разрушения языка. Нельзя ни упомянуть в связи с этим мысль Джорджа Оруэлла, высказанную им еще в 1946 году в эссе “Politics and the English Language”: “... modern public discourse has been caught in a vicious circle that continually corrupts the language. It becomes ugly and inaccurate because our thoughts are foolish, but the slovenliness of our language makes it easier for us to have foolish thoughts”. В первую очередь Оруэлл имеет в виду британскую бюрократию 40-х годов, но его замечания почти шестидесятилетней давности сегодня уместны как никогда, потому что роль и влияние средств массовой информации многократно возросли с тех пор, а качество языкового материала в них ухудшилось в той же пропорции. Нечеткость, расплывчатость казенного языка, к сожалению, не может не сказаться на языке закона.

К доводам *психологического* характера следует отнести основной принцип профессиональной адвокатской этики – не переходить ту грань, за которой адвокат начинает отождествляться со своим клиентом; избегать личностных оценок и личного участия в деле клиента, отстаивать только законные права и интересы клиента. Все эти постулаты в равной степени применимы и к деятельности судьи, и к работе юристконсульта. Любая речь, устная или письменная, является отражением индивидуального стиля, то есть приоткрывает определенные черты личности автора. В свете вышесказанного автор юридического текста стремится избежать или свести к минимуму все проявления личного

характера. Вот откуда постоянные пассивные конструкции и расплывчатые формулировки, которые стали притчей во языцех!

Интеллектуальные ресурсы в юридической профессии так же ограничены, как в любой другой, но ее роль и функции в обществе отличают ее от всех остальных, поэтому любые недостатки в профессиональной деятельности более ощутимы и заметны, так как затрагивают не индивидуальные, а общественные интересы. Но один груз ответственности не может увеличить интеллектуальный потенциал всех представителей правовой профессии. Излагать свои мысли грамотно в устной или письменной форме – задача далеко не из легких, а суметь использовать устные и письменные материалы, документы во время судебного слушания или политических дебатов с наибольшей пользой на благо отдельного лица (клиента) или целого государства – сверхзадача, которая далеко не всем под силу.

Такое подробное обсуждение необходимо для выяснения причин существующих лингвистических явлений объективного и субъективного характера, чтобы при обучении языку права преподаватель мог объяснить первые и попытаться справиться с последними. Кроме того, вышеперечисленные и рассмотренные факторы были обобщены по целому ряду работ признанных юристов и лингвистов, занимающихся данной проблематикой. Ведь только глубокое проникновение в культуру языка права и знание объективных законов, оказывающих влияние на формирование его как системы способны помочь нам взвешенно относиться к тому языковому материалу, который мы изучаем, с которым идем в аудиторию, тщательнее осуществлять его отбор, пытаться недостатки юридических текстов превратить в достоинства в процессе обучения.

Л и т е р а т у р а

1. *Aiken, R. J.* (1960). Let's not oversimplify legal language. *Rocky Mountain Law Review*, 32.
2. *Bringham, J.* (1987). *Constitutional language an interpretation of judicial decisions*. London: Greenwood Press.
3. *Swales, J. M. & Bhatia, V. K.* (1983). An approach to the linguistic study of legal documents. *Fachsprache*, 3/4, 106-111.
4. *Labov, W.* (1982). Objectivity and commitment in linguistic science: the case of Black English trial in Ann Arbor. *Language in Society*, 11, 165-201.
5. *Loftus, E.* (1981). Language and memories in the judicial system. In: *R. Shuy & A. Shnukal* (eds.), *Language use and the uses of language*, 257-268. Washington D.C.: Georgetown University Press.

Современные тенденции в изучении языка права

© Т. И. Тарасова, 2002

Юристы, историки, философы, политологи, социологи и антропологи исследуют право и его институты с незапамятных времен, а язык права стал интересовать их сравнительно недавно. Только в последнее время он был признан богатейшим источником для культурологических и лингвистических изысканий в самых разных направлениях. В восьмидесятые и девяностые годы двадцатого века появились многочисленные работы, в которых рассматриваются разные формы существования языка права, а именно: язык законодательства и судебных заседаний, юридических документов и отдельных международных договоров и т. д. Письменная форма как имевшая более важное значение в жизни любого общества долгое время оставалась в центре исследований. Постепенно акценты стали смещаться в сторону устной речи. Сейчас можно выделить следующие основные области исследований: 1) теория языка права как отдельной семиотической системы; 2) прикладной характер языка юридической профессии, используемого для успешного достижения профессиональных целей; 3) социолингвистические особенности языка права, способствующие наиболее полной реализации социальной функции самого права. Возросший интерес к языку закона в конце двадцатого века связан со многими лингвистическими и экстралингвистическими факторами, важнейшими из которых стало бурное развитие прикладной лингвистики, включая достижения в области LSP, и возросшее правосознание граждан во многих странах развитой демократии. Общественные движения за права человека, против дискриминации любого рода, в защиту прав потребителей и т. п. стали мощным фактором, пробудившим интерес в самых широких слоях населения к содержанию законов, регулирующих все сферы жизни общества, и, как следствие, к языку этих законов. С другой стороны, интеграционные процессы на европейском континенте дали важный импульс сравнительному и сопоставительному изучению национальных правовых систем, которое было бы невозможно без досконального изучения языка этих систем.

В данной работе термин «язык права» включает в себя все стили общения в области юриспруденции в любых ситуациях, для разных целей, аудиторий, при выполнении разных социальных и профессиональных функций, в разные исторические моменты, в связи с определенным событием или фактом или без такового. Предлагается считать взаимозаменяемыми с ним такие словосочетания, как «язык закона», «язык юридической профессии», «юридический язык». Важно отметить

при этом, что автором или соавтором «произведения речи» всегда является представитель юридической профессии, владеющий определенными фоновыми и профессиональными знаниями, которые, в свою очередь, зависят от разных факторов объективного и субъективного характера. Например, для профессии и, следовательно, для языка этой профессии имеют большое значение политический строй, уровень развития демократии, система образования, роль профессии в обществе, отношение к ней самого общества, правовая культура и многие другие социально-экономические факторы. Помимо этого, существует прямая зависимость между языком и правовой системой, действующей в данном обществе.

Общепринятая классификация функциональных стилей Д. Э. Розенталя относит язык права к официально документальной разновидности официально-делового стиля – стиля «международных договоров, государственных актов, юридических законов, постановлений, уставов...». С точки зрения практической стилистики («прикладной раздел стилистики речи, имеющий нормативный характер и исследующий способы и формы использования языковых средств в каждом конкретном случае, в зависимости от содержания речи, обстановки общения, цели высказывания...»), внутри самого языка права можно выделить разные функциональные подстили / подрегистры в зависимости от целей высказывания, ситуации, видов профессиональной или иной деятельности, с которыми они ассоциируются, состава участников, а также многих других факторов. Стилистические различия внутри языка права находят отражения в лексико-грамматических и синтаксических особенностях, с помощью которых достигаются цели высказывания в разных юридических контекстах. Чтобы получить более наглядное и системное представление о современных исследованиях возьмем в качестве отправной точки классификацию, предложенную профессором Национального Университета Сингапура V. K. Bhatia, известного своими изысканиями в данной области.

LANGUAGE OF THE LAW

Spoken

PEDAGOGICAL

Lectures

Moots

ACADEMIC

Colleague-colleague interaction

PROFESSIONAL

Lawyer-client consultation

Counsel-witness examination
Jury instruction

Written

ACADEMIC
Textbooks
Journals

JURIDICAL
Cases
Judgements

LEGISLATIVE
Frozen (contracts, agreements, insurance policies, etc.)
Formal (legislation, rules and regulations, etc.)

Автор совершенно справедливо проводит разницу между двумя основными формами языка – устной и письменной. Далее в устной форме выделены три группы употребления: педагогическая, академическая и профессиональная. Особенности правовой системы и профессионального юридического образования в странах общего права позволяют выделить только две ситуации употребления, а именно, лекции и ролевые игры на семинарах (mock trials or moots). Последние представляют собой судебные слушания придуманных уголовных или гражданских дел, в которых студенты выступают как судьи апелляционного суда (в составе трех человек) и представители сторон (адвокат и его помощник). Пока неизвестны исследования лекционного юридического стиля, но можно предположить, что существует много общего в части общенаучного языка и законов построения и подачи материала с другими академическими дисциплинами. Отличия могут зависеть от самого предмета права и его особенностей, которые требуют приведения большего числа примеров по более или менее известным делам и по вынесенным судебным решениям. Кроме того, правовая аргументация требует специальных синтаксических и риторических средств, которые могут не применяться или полностью отсутствовать в лекциях по другим предметам. D. J. Locker, автор работы, посвященной изучению языка в вымышленном судебном процессе, который в реальности представляет собой исключительно формализованную, ограниченную строгими процессуальными нормами ситуацию, приходит к интереснейшим выводам о том, что даже незначительные попытки участников слушания изменить стоявшие в этом контексте выражения и формулировки могут привести к серьезным юридическим коллизиям и парадоксам. Другими словами, в языке права должны сохраняться или крайне осторожно изменяться те лексические, грамматические и синтаксические особенности, которые

подвергаются в последнее время самой жестокой критике, ибо такой «консерватизм» стоит, в первую очередь, на страже справедливости и правосудия.

Автор классификации вполне обоснованно относит к академическому стилю участие юристов в научных конференциях и семинарах, в основе которых лежит общий предмет обсуждения и общие цели. Характер общения на таких форумах зависит, по мнению автора, от двух факторов – специфики обсуждаемого вопроса и отрасли права. Проблемы, которые могут возникнуть в ходе такого общения, чаще всего относятся к терминологии или связаны с разницей культур. Вопрос применения терминов наилучшим образом разрешается их определением, а социолингвистические особенности ярче всего проявляются в просодии и жестике. Первый фактор более характерен для формального языка презентации самих докладов и выступлений, а последний – для неформального общения до и после докладов.

Употребление языка права в профессиональной сфере автор ассоциирует с юридическими консультациями и судами, т. е. с адвокатами и судьями. Необходимо заметить в связи с этим, что в странах общего права существует разделение адвокатов на солиситеров и барристеров, при котором только первые имеют право общения с клиентами, а последние – право выступать в большинстве судов. Из этого следует, что в случае консультации клиента у адвоката (*lawyer-client consultation*) речь идет о солиситерах, а в случае допроса свидетеля адвокатом (*counsel-witness examination*) – о барристерах. Обе эти речевые ситуации можно было бы объединить в одну, так как основной чертой, характеризующей данный тип общения, является неизменный состав участников и вполне определенные цели общения. Тот факт, что один из собеседников – профессионал, а другой – нет, определяет выбор языковых средств, необходимы для успешного достижения цели. Место общения в данном случае играет второстепенную роль, так как более важным является то, что юрист-профессионал контролирует весь ход общения с наибольшей выгодой для своего клиента и, в конечном итоге, для себя, для своей профессиональной репутации. Поэтому он использует разные приемы для получения наиболее полной информации, и что очень важно информации, выгодной для стороны, которую он представляет или будет представлять. В ряде работ, посвященных изучению этого вопроса, исследуются лингвистические средства, с помощью которых адвокаты добиваются поставленных целей, наипервейшей из которых является установление доверительных отношений с клиентом или своим свидетелем. Значение данной проблемы особо ощутимо для стран общего права, в которых действует состязательная система судебного процесса, т. е. исход дела целиком зависит от успеха или провала речевой страте-

гии адвокатов. Важность данного вопроса становится еще более очевидной, когда знакомишься с результатами исследований, проведенных в одном из английских университетов (University of Warwick). Данные их опросов показывают, что в 67% консультаций адвокаты не смогли добиться от своих клиентов надежной информации, необходимой для успешного ведения дела. 71% адвокатов не сумели дать юридическое определение проблеме, волновавшей их клиентов. Такие показатели заставляют сделать вывод, что юристы оказались не способны достичь целей своего общения с клиентами даже на уровне понимания ситуации, в которой оказались последние. Когда проводится параллель между общением адвоката со своим клиентом и врача с пациентом, почему-то никто не вспоминает о том, что врач ставит диагноз не только со слов больного, но на основании исследований, проведенных на сложнейшей аппаратуре, с привлечением современных достижений в области микробиологии, биохимии, электроники и т. д. Адвокату же приходится исходить либо из устных, либо из письменных показаний, по сути высказываний, клиента, свидетелей, выступлений оппонентов и заключений экспертов. Именно поэтому роль языка как единственного средства общения между адвокатом и его клиентом или свидетелем сложно переоценить. При перекрестном допросе речевая стратегия может быть совершенно иной, так как адвокат должен подорвать доверие к сообщаемой свидетелем информации, если она не выгодна для его подзащитного, либо к личности самого свидетеля. Опрос свидетелей имеет ключевое значение для сторон, для установления фактов, для отдельного судопроизводства, а значит и для всей системы правосудия в целом. Без преувеличения можно сказать, что при состязательной системе процесса «фактическая сторона дела» является целиком и полностью результатом допросов, проводимых адвокатами перед судом присяжных, и установление истины определяется их умением и мастерством задавать вопросы и получать на них желаемые ответы. Поэтому можно сделать вывод, что адвокаты выигрывают дело не потому, что их подзащитный в более выгодном положении или менее виновен, а потому, что они лучше владеют языком, следовательно, и аудиторией, знают необходимые правила речевого поведения в заданной ситуации судебного слушания, контролируют характер и развитие всего общения в зале суда. В результате такой адвокат производит наиболее благоприятное впечатление на присяжных и получает искомый вердикт. К тем же выводам приходит Ф. Филбрик (Frederick Philbrick), изучавший одним из первых стиль судебных выступлений адвокатов: “Lawyers are students of language by profession... They exercise their power in court by manipulating the thoughts and opinions of others, whether by making speeches or questioning witnesses. In these arts the most successful lawyers reveal (to those who can

appreciate their performance) a highly developed skill". Исследования допросов свидетелей позволили сделать следующие выводы: адвокат говорит дольше, сомневается, т. е. делает паузы, меньше, чаще перебивает своего собеседника, чаще вводит новую тему разговора. Таким образом, не свидетель, а именно адвокат оказывается главной ключевой фигурой именно благодаря организации его речи. Язык судебных слушаний изучают и с многих других сторон, например, надежность показаний свидетелей-очевидцев, способы запоминания и воспроизведения увиденного; зависимость свидетельских показаний от формы поставленных вопросов; проблемы перевода в судебных процессах, профессиональный язык экспертов в зале суда и т. д. Интерес лингвистов к судебным выступлениям возник в конце 70-х годов двадцатого века с появлением первых работ, в основе которых была цель выяснить, насколько успешно намерение высказывания достигает своей цели в рамках судебного процесса. Кроме того, изучалось влияние разных форм и стилей, демонстрируемых в ходе слушаний, на присяжных, главную аудиторию в зале суда. Руководитель проекта Вильям О'Барр в соавторстве с Конли выделили четыре стилистические разновидности языка судебного процесса:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ УСТНЫЙ ЯЗЫК ПРАВА – разновидность устной формы языка, которая наиболее тесно связана с официальной письменной формой языка права, применяется при наставлении присяжных, при вынесении-объявлении приговора, в речах адвокатов, произносимых «для протокола», когда они обращаются к судье, выступают с ходатайствами. Для этого употребления языка характерны пространные предложения со сложной синтаксической структурой и с большим количеством терминов.

НОРМАТИВНЫЙ ЯЗЫК – устный язык судебных заседаний, на котором говорят адвокаты и большинство свидетелей. Язык, которому учат в школе, основной чертой которого являются более полные предложения и несколько более формальная лексика, чем в повседневной разговорной речи.

РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК – повседневная речь, которую чаще всего демонстрируют свидетели и некоторые адвокаты, желающие выглядеть «своими» и таким образом расположить к себе свидетелей противоположной стороны. Характерной чертой является отсутствие официальной лексики, сложных синтаксических конструкций.

НЕСТАНДАРТНЫЙ ЯЗЫК – разновидность устного языка, на котором говорят представители тех слоев общества, для которых нормативный язык представляет некоторую трудность в социальном, этническом, образовательном, культурном плане. Чаще всего это относится к афроамериканцам, испаноязычным американцам, выходцам из Азии и пр.

В своей письменной форме язык судебных заседаний включает в себя заключения экспертов, письменные свидетельские показания и протоколы допросов сторон и их свидетелей язык, а также судебные решения, которые печатаются в специальных сборниках «Law Reports» (Судебные Отчеты). Роль Судебных Отчетов в системе прецедентного права трудно переоценить, так как именно они публикуются на протяжении многих веков, и в течение того же времени называются «казусами» и дотошно изучаются юристами. Они, как правило, начинаются с изложения фактов дела, затем следует обоснование решения, которое может включать как обсуждение аналогичных предыдущих дел, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому делу, так и норм права, если таковые имеются, применимых к фактам данного дела. Для установления «материальной» схожести предыдущих дел и решения вопроса о релевантности правовых норм, применимых к данным фактам, необходимы не только профессиональные знания и опыт, но и глубокие знания языка права и лингвистических законов. От успешного сочетания всех слагаемых зависят не только законность и обоснованность вынесенного решения, но и профессиональная репутация адвоката или судьи. Каждое отдельное решение суда способно оказать влияние на отношение к закону, ко всей системе правосудия как отдельного гражданина, так и общества в целом.

Изложение материала в учебниках по праву следует тем же законам, что и в учебниках по другим дисциплинам – прослеживается строгая императивно-коммуникативная направленность. Важно отметить роль и значение дефиниций и определений в языке права. Общее право называется также «прецедентным», поэтому утверждения и заявления теоретического плана невозможны без ссылок на соответствующие дела. Характерной чертой подачи материала является то, что изложение, как правило, имеет заданный порядок – описание фактов переходит в их обсуждение, при этом количество ссылок на дела заметно возрастает. Можно также заметить значительные вариации стиля в одном и том же учебнике, написанном одним и тем же автором, которые зависят только от того, являются ли предметом обсуждения право, основанное на прецеденте, или право, в основе которого находятся законодательные Акты Парламента.

Единственной отмеченной особенностью журнальных публикаций на правовую тематику является большое число сносок, но их значение остается еще до конца не изученным.

Самой популярной областью применения языка права является законодательная деятельность на разных уровнях, потому что ее общественное значение говорит само за себя. Язык законодательных актов и юридических документов является предметом многочисленных иссле-

дований и самих законодателей, и юристов, и большого числа лингвистов. Доказательством ответственного отношения к языку закона может служить принятый в Великобритании еще в 1889 году The Interpretation Act, в котором нашли отражение изменения, происходившие в британском обществе и в английском языке, устанавливались определенные лексические и грамматические, синтаксические правила, которые необходимо было учитывать при составлении и толковании законов. Законодательным порядком закреплялась необходимость в ясном изложении, единообразном употреблении и толковании слов и выражений. Таким образом, можно сказать, закон признавал проблемы и интересы обеих сторон – тех, кто несет ответственность за составление законопроектов, и тех, кому эти законопроекты были адресованы, т. е. парламентариям, юристам и простым гражданам.

Однако, ни законодательных, ни лингвистических усилий оказывается недостаточно, когда речь заходит о юридических документах, коими являются доверенности, завещания, договоры страхования, найма-аренды и т. п. Язык этих документов остается непонятным и запутанным для всех сторон перечисленных правоотношений. Хотя работа над упрощением языка законодательства ведется и в Англии, и в США, дело это сложное и долгое. Так, с 1979 года в Вашингтоне Центром разработки законодательства издается ежемесячный бюллетень «Simply Stated», в котором разъясняются принимаемые законы. В Великобритании в 80-е годы движение за права потребителей организовало кампанию за «понятный английский язык» – Plain English Campaign, которая до сих пор продолжает играть важную роль в судебной реформе, проводимой на Британских островах. Проблема сложности, запутанности и непонятности языка законов и юридических документов рассматривалась многими авторами с разных точек зрения, иногда даже таких экстремальных как Патриция Райт (Patricia Wright), которая настоятельно рекомендует использовать алгоритмы, диаграммы и таблицы вместо комментариев-разъяснений к вновь принятым законам.

Язык законов стали активно исследовать, начиная со второй половины XX-го века, и самый заметный и существенный вклад в этой области был сделан такими исследователями как D. Mellinkoff, D. Crystal, V. Danet, V. K. Bhatia и другие. Среди названных имен есть и правоведы, и лингвисты, потому что язык законов представляет собой «головоломку» и тем самым вызывает интерес и у одних, и у других. Неудовлетворенность законодательным стилем высказывалась юристами, писателями, философами и государственными деятелями во все времена. Так, например, из XV-го века дошло до нас мнение Судьи-Председателя Джона Фортезкью (John Fortescue), который сказал: "... the judges were giving effect to forms written in unintelligible language even though none

could remember the reason for the language”. Два века позже другой Судья-Председатель Хейл (Hale) резко оборвал многословное выступление адвоката: “as serving no other use but to swell the attorney’s bill”. Известный английский юрист Фрэнсис Бэкон (Francis Bacon) требовал более внимательного и осторожного отношения адвокатов к своим речам, он призывал “prolixity, tautologies and impertinences to be cut off”. Свое отношение к юридическому языку высказал Джонатан Свифт в «Путешествиях Гулливера»: “a peculiar Cant and Jargon of their own, that no other Mortal can understand”. Через два столетия другой английский писатель Генри Филдинг вложил в уста своего героя следующее: “nothing is more hurtful to a perfect knowledge of the law than reading it”. Будучи на пенсии бывший американский президент Томас Джефферсон участвовал в подготовке одного законопроекта, язык которого он хотел сделать максимально понятным для граждан США, поэтому в сопроводительном письме он написал: “I should apologize, perhaps, for the style of this bill. I dislike the verbose and intricate style of the modern English statutes... You however can easily correct this bill to the taste of my brother lawyers, by making every other word a “said” or “aforesaid” and saying everything over two or three times so as that nobody but we of the craft can untwist the diction, and find out what it means”. В 1978 году президент Дж. Картер издал указ, согласно которому все федеральные законы, принимаемые Конгрессом США, и постановления исполнительной власти должны быть изложены на простом английском языке и понятны тем, кому предстоит соблюдать их, т. е. “... be written in plain English and understandable to those who must comply with them”.

Преподаватели английского языка для студентов-юристов оказываются перед дилеммой – с одной стороны, научить понимать *legalese* современных юридических текстов, с другой – научить выражать свои мысли на *Plain English*. Невозможно справиться с этой задачей, не имея четкого представления о языке как системе и всех его функциональных разновидностях. Необходимо быть в курсе последних достижений в теории для их успешного практического применения. Преподавание языка специальности требует знаний во многих областях лингвистики – интралингвистического подхода, который проповедуют на кафедре английского языка для гуманитарных факультетов МГУ.

Л и т е р а т у р а

1. *Bhatia, V. K.* (1993). Simplification v. easification in the case of legal texts. *Applied Linguistics*, 4, 1, 42-54.
2. *Davison, A.* (1981). Linguistic analysis and law. In: R. Shuy and A. Shnukal (eds.), *Language use and the uses of language*, 134-149. Washington D.C.: Georgetown University Press.
3. *Locker, D. J.* (1989). Analysis of a mock trial. *Papers in Linguistics*, 3, 1, 103-118.

4. *Mellinkoff, D.* (1963). *The language of the law*. Boston: Little Brown Co.
5. *O'Barr, W. M., Conley, M.* (1986). Language in the courtroom: vehicle or obstacle? *Barrister*, 3, 8-11.
6. *Wright P.* (1990). Is legal jargon a restrictive practice? In: *S. Lloyd-Bostock* (ed.), *Psychology in legal contexts: applications and limitations*. London: Macmillan.

Наречия с семантикой объединения в архангельских народных говорах

© О. А. Глущенко, 2002

Семантическая природа диалектных наречий образа действия чрезвычайно сложна и многообразна. Однако в лингвистике долгое время было принято рассматривать наречия образа действия как семантически однородный разряд адвербиальных слов, противопоставленный, с одной стороны, всем обстоятельственным наречиям, с другой – количественным и качественным или только количественным наречиям в рамках класса определительных наречий. Во многих случаях в разряд наречий образа действия включались не только наречия с семантикой конкретного образа и способа совершения действия, но и наречия, характеризующие состояние, направление, положение в пространстве, а также оценочные наречия и многие другие, в том числе и наречия с семантикой объединения. По этой причине необходимо отметить условность распространённого термина “семантико-функциональный разряд наречий образа действия”. Описание значений как диалектных, так и литературных наречий, отвечающих на вопрос “как?”, должно внести ясность в проблему семантического разнообразия таких наречий и существенно расширить представления о смысловом богатстве класса адвербиальных слов русского языка.

Совокупность всех наречий, традиционно обозначаемых как наречия образа действия, при семантическом анализе членится на конечное множество лексико-семантических групп, каждая из которых связана с определённой понятийной сферой: состояние, оценка, перемещение, положение в пространстве, множественность, обособление, объединение, подобие, различие и др. Анализируемые нами наречия связаны с понятийной сферой объединения. Внутри каждой лексико-семантической группы многие наречия связаны друг с другом определёнными типами семантических корреляций – синонимических, гипонимических. Так, внутри лексико-семантической группы наречий с семантикой объединения различаются общее и частные значения объединения, вокруг каждого значения образуется синонимический ряд. Между лексико-семантическими группами наречий также устанавливаются семантические корреляции. Наречия некоторых групп логически противопоставлены друг другу, например, наречия подобия противоположны наречиям различия, наречия единичности – наречиям множественности, наречия ограничения – наречиям с общим значением преодоления ограниче-

ния. Многие наречия с семантикой объединения связаны эквивалентными отношениями с наречиями с семантикой обособления.

Рассмотрим семантическую структуру лексико-семантической группы диалектных наречий с общей семантикой объединения.

Основным и самым распространённым для группы наречий с семантикой объединения является значение “вместе, в соединении с кем-либо, чем-либо”. Наречия с указанной семантикой обозначают объединение во время какого-либо общего для всех действия или состояния, охватывающего нескольких участников этого действия, причём каждый субъект объединения сохраняет свою относительную самостоятельность: *вместа*¹, *вместах*^{*}, *вместе*^{*}, *вместёх*, *вместо*^{*}, *вместя*^{*}, *вместях*^{*}, *заместя*, *заместях*, *места*, *местейно*, *местно*^{*}, *местях*, *навместях*, *совместно*^{*}, *вобща*, *вобщё*^{*}, *вобщем*, *заобща*, *заобща*^{*}, *заобщё*, *сообща*^{*}, *сообщё*, *заедино*, *заодно*^{*}, *поедино*, *вразу*^{*}, *разом*^{*}, *сразу*^{*}, *наряду*^{*}, *порядком*^{*}, *рядышком*^{*}, *вкуче*^{*}, *кучно*^{*}, *всема*^{*}, *всеми*^{*}, *артелью* (*артилью*)^{*}, *вдруг*^{*}, *впаре*^{*}, *людными*^{*}, *мирово*, *народом*^{*}, *обоюдно*, *оптом*, *сбором*^{*}, *собла*^{*}. *Вместа роботали на пожни, сколько умерло из нашей бригады жоночек* (Онежский р-н, д. Кянда). *Вопшэм жыли, а потом розделились* (Виноградовский р-н, д. Борок). *Тетя с Несътером слилизь, дак фсе фкуче пахали* (Вилегодский р-н, д. Селяна). *Они фсегда вдрук и ходят, скоро свадьба* (Холмогорский р-н, д. Сельцо). *Лекце со свекрофкой, с матерью обоюдно детей росытить* (Мезенский р-н, д. Койда). *Собла одежду носят, с одного плеча: та и эта носит* (Лешуконский р-н, д. Палацелье). *Сидим навместях на клоцёк* (Няндомский р-н, д. Верола).

Наречия могут обозначать и частные, конкретные типы объединения. Так, временное или постоянное объединение нескольких объектов в одно целое, в результате чего образуется единство, составляющие которого не самостоятельны, обозначают наречия со значением “воедино, соединяя в одно целое”: *вместе*^{*}, *вместо*^{*}, *вместя*^{*}, *вместях*^{*}, *совместно*^{*}, *вдруг*^{*}, *вкругу*, *враз*^{*}, *грудой*^{*}, *жором*, *наодну*^{*}, *связно*, *соедино*. *Я штука на штуку кладу да пришишплю вдрук* (Пинежский р-н, д. Сура). *Зделают яму и жором койго-то в опичу могилу* (Пинежский р-н, д. Веркола). *В роте фсе сохнет, соедино, фсе соедино хлёбай* (Каргопольский р-н, д. Лёкима).

Об объединении связанных общим делом, занятием, состоянием людей сообщают наречия со значением “сбравшись вместе, в полном сборе”: *вкупе*, *воскопе*^{*}, *вскопе*, *вскопины*, *купно*, *скопно*, *скопом*, *вместа*^{*}, *вместно*, *вместях*^{*}, *совместя*, *всема*^{*}, *всеми*^{*}, *всемя*, *заобща*^{*}, *обща*, *сообща*^{*}, *артельно*^{*}, *артелью* (*артилью*)^{*}, *гамазом*^{*}, *гамозом*

¹ Знак * означает, что в архангельских говорах у данного слова есть и другие значения.

(гамузом)*, гуртово, гурто́м*, кучей*, кучно́*, напáртию, па́ртией, поразу, разом*, вдруг*, вповалок, домно, заодно*, коммунально, народом*, огулом, отрядно, рядами*, сгрёбом, семейно*, собла*, хором. Объединившись на время таким образом, можно работать, петь, ждать, сидеть, идти и т. д. Все субъекты процесса объединения предстают как единый коллектив: *Опи́а пахали, опи́а косили* (Вельский р-н, д. Пежма). *Гуртово в лавоцьку придут* (Каргопольский р-н, д. Волосово). *Они кучей сидят, наставить надо* (Ленский р-н, д. Тохта). *Тяжолы-то (песни) нужно народом петь* (Мезенский р-н, д. Долгощелье). *Выйдут хором, таг где йево узнайеш* (Коношский р-н, д. Хмельники). Наречия с частным значением “собираясь в группу, в коллектив” — *вместо**, *месте**, *зараз**, *поразом*, *кучей**, *кучно**, *валом**, *дружеско*, *огулом* — характеризуются ограниченной сочетаемостью: они употребляются только с глаголом *собира́ться* (*собраться*): *Фсе зарас соберуце и барана йедят* (Няндомский р-н, д. Моша). *Робята зберуце валом* (Плесецкий р-н, д. Рыжково). *Огулом весь нарот собираце* (Каргопольский р-н, д. Нокола). *На улице там кучно соберуце* (Холмогорский р-н, д. Сия).

В некоторых случаях семантика объединения может сочетаться с семантикой частной оценки (оценки восприятия). В результате образуются значения, в которых есть и сема объединения, и сема зрительной оценки объединившихся предметов, а также сема большого количества предметов, выступающих как единое целое. Наречия со значением “большой массой, толпой (стаей, табуном)” — *гамазом**, *гамозом* (*гамузом*)*, *гамозомь*, *вкуче**, *кучей**, *вместо**, *совместно**, *артелью* (*артилью*)*, *валом**, *ватажно*, *всёми**, *граём**, *группово*, *косяком*, *людныма**, *массово*, *уймой**, *упряжкой** — характеризуют совместное передвижение или охватывающее всех активных субъектов статичное состояние: *Они гамозомь идут – тут уи не один целовек, а сколько их* (Лешуконский р-н, д. Белощелье). *Ватажно жоравы-то сидят* (Верхне-Тоемский р-н, д. Усть-Вья). *Как налетяд грайом, да и возьмут (клеёнку в магазине)* (Каргопольский р-н, д. Усачёво). *Мужыки стоят упряжкой* (Каргопольский р-н, д. Калитинка).

В контекстах о грибах, растениях употребляются наречия со значением “сосредоточившись в большом количестве на небольшом пространстве, кучно”: *кучей**, *кучно**, *грудно**, *гужом**, *гуртом**, *кружельём*, *накопом*, *плотами*, *поездами*. В отличие от предыдущего значения в семантическом мире данного значения есть дополнительная сема хаотического расположения предметов в ограниченном пространстве: *Лук кучей ростед, горсь вытацю, тут они фсе* (Вилегодский р-н, д. Тырна-совская). *Белянки и серянки плотами растут* (Холмогорский р-н, д. Звоз). *Пойдеш по пожэнкам, а у бирёзог блянок сидит поиздами, подальшэ идеш – обáпки поиздами сидят* (Каргопольский р-н, д. Волосо-

во). *Один ростёт – ку́с, а там расселились ку́зно, мно́го, дак кусты́* (Лешуконский р-н, д. Смоленец).

Наконец, наречия данной лексико-сематической группы могут обозначать объединение действий, процессов. Временная координация основного и дополнительного действий одного субъекта (реже – нескольких субъектов) и объединение нескольких смежных по времени действий одного субъекта (реже – нескольких субъектов) в единый процесс отражены в значении “заодно, сопутствуя чему-нибудь основному, главному”:*запопутье, запопутьем*, напутити*, напутье (напутьи, напутье)*, попутити*, попутно (попутне)*, путём*, спопуте*, спопутья*, заодин, заодне, заоднем (заоднём), заодним, заодно*, заодноно, напоходе, мимохода, напроходу*, закраем, закрай, заразом*. Ну добрый молодец, да путём и про меня спроси: я трицать лет перевозжу, не могу передать перевос. Покушали бы закрай* (Лешуконский р-н, д. Возгора). *Наа уж было до Брусньихи заоднем поити* (Няндомский р-н, д. Моша). *Ты маленько двиньсе, а я там напоходе травы нажну по дороге г дому* (Каргопольский р-н, д. Озёрко).

Если одно из координируемых действий оценивается говорящим как факультативное, необязательное и осуществляемое в спешке, то употребляются наречия со значением “между делом”:*мимоходом*, находу*, попутити*, попутно (попутне)*, зашутя, мимоухом. А так слышала мимоходом, мимоухом* (Приморский р-н, д. Зимняя Золотица). *Спотела, можэд быть, вот и попутно навила (кудри завились)* (Усть-янский р-н, д. Синики).

Слияние разных действий одного или нескольких субъектов или результатов этих действий в единое во времени и пространстве обозначают наречия со значением “в один приём, одним разом, за один раз”:*взараз*, враз*, зараз*, заразом*, кразу*, назараз*, нараз*, наразок*, наразу*, наразь, пораз*, разом*, сразёхоньку, сразу*, сразусь, махом*, намах*, намаху*, валом*, вдруг*, вровень*, гуртом*, заприездом, лёзгом, надух*, наодинова, нашально(е)*, цело*. И сахару да два кусоцька заразом сйест* (Виноградовский р-н, д. Сельцо). *Вереха у меня по трицать литроф с отёлу кразу доила* (Лешуконский р-н, д. Шегмас). *Така спокойна и обиходна така кошэчка. Она носила у меня по пять цело* (Лешуконский р-н, д. Усть-Кыма). *Фсю бутылку надух выпила* (Пинежский р-н, д. Сура).

Наречия могут давать характеристику и такому объединению действий, процессов, состояний, для которого становится важным именно синхронное начало. Данный смысл реализуется в значении “одновременно, в одно и то же время”:*взараз*, враз*, зараз*, заразом*, нараз*, наразом, разом*, сразу*, вместиах*, вместе*, вместо*, вместиах*, вместиах*, водноместиах*, местиах*, вряд*, рядом*, сряду*, наодны, оди-*

на́ко*, *одина́ково**, *одновреме́нно*, *на́ровне**, *по́ровну**, *вдру́г**, *дру́жно**, *закрае* (*закраё*), *наголо́**, *нападо́м**, *парно**, *чёхом**. У дочьки три сына, родилось, не наразом – по порядку (Виноградовский р-н, д. Сельцо). Две бутылки (водки) рядом покупаны, дак одна замёрзла, а другая нет (Вижегодский р-н, д. Тырасовская). Закрайо, в одно времё, тот росьтёт и другой росьтёт (Лещуконский р-н, д. Шегмас). Цетырнацать целовек, наверно, она взарас учит (Мезенский р-н, д. Целегора).

Таким образом, все наречия лексико-семантической группы с общей семантикой объединения по-разному характеризуют процесс объединения. Особенностью данной группы является отсутствие единичных значений, вокруг каждого из описанных выше значений наречия объединяются в многочисленный синонимический ряд (в синонимическом ряду шесть и более слов). Необходимо подчеркнуть, что такая многочисленная синонимия характерна не для частной диалектной системы, а для архангельского диалекта в целом как исторически сложившейся естественной языковой макросистемы. Семантическое пространство лексико-семантической группы организовано по иерархическому принципу: есть общее значение объединения (“вместе, в соединении с кем-либо, чем-либо”) и ряд связанных с ним по смыслу частных значений (“воедино, соединяя в одно целое”, “собравшись вместе, в полном сборе”, “собираясь в группу, в коллектив”). С центральными для данной лексико-семантической группы значениями связано два ряда периферийных значений. В конкретных значениях “сосредоточившись в большом количестве на небольшом пространстве, кучно” и “большой массой, толпой (стаей, табуном)” семантика объединения пересекается с семантикой восприятия. Совмещение семантики объединения с семантикой градации отражено в другом ряду периферийных значений — “заодно, сопутствуя чему-нибудь основному, главному”, “между делом”. С этим рядом значений связаны значения “в один приём, одним разом, за один раз” и “одновременно, в одно и то же время”.

Семантическая дифференциация значений лексико-семантической группы наречий объединения зависит от следующих обстоятельств:

1. дифференциация и конкретизация наречных значений всегда связана с уровнем познания действительности и со свойствами самих объектов адвербиальной характеристики;
2. для формирования всех наречных значений данной лексико-семантической группы важен антропоцентрический принцип, поэтому все значения наречий в той или иной степени соотносены с говорящим.

Являются ли выявленные нами элементы семантической структуры адвербиальной группы с общим значением объединения естественными для языка? Мы считаем, что выделение данных элементов в се-

мантическом пространстве наречий может быть своеобразным представлением “фрагмента бытия”, отразившегося в значениях диалектных наречий.

ЛИНГВОПОЭТИКА

«...то были “Шотландские Пуритане”» (что читал Печорин перед дуэлью)

© кандидат филологических наук Г. В. Москвин, 2002

Ночь Печорина перед дуэлью в «Княжне Мери» представлена в романе в двух ракурсах: в лирико-философском пассаже («Два часа ночи. Не спится») и в начале воспоминаний («Вот уже полтора месяца, как я в крепости N»)¹. Пассаж «Два часа ночи...» – это своего рода интермедия, которая призвана выполнить роль рубежа, разделяющего сюжет повести на две противоположные в отношении смысла и стиля части: медитация исповедального характера в пространстве ситуации «прошедшая жизнь – завтрашний день» («Пробегаю в памяти все мое прошедшее...» – «И, может быть, я завтра умру!...») Здесь Печорин предстает во всей серьезности и искренности своих слов, таким, каким он себя видит, без поправки на игру, или спектакль, разыгрываемый через его дневник. Необходимо отметить, что именно этот пассаж отделяет также одну форму повествования от другой – дневник и воспоминания. К этому фрагменту текста исчерпывается сюжетный потенциал «французских» фраз Грушницкого и Печорина, произнесенных в экспозиции повести, после чего следует «русская» развязка². Таким образом, значение интермедии необходимо рассматривать, прежде всего, в плане решения судьбы главного героя и как художественную манифестацию литературной и мировоззренческой позиции автора.

Сюжетным «поводом» к лирико-философскому пассажи является ожидание Печориным завтрашней дуэли, т. е. его первые строки («А

---

¹ Текст «Героя нашего времени» цитируется по: *М. Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах.* Т.6. М.-Л. 1957. (Кроме специально оговоренных случаев).

² Хотя в жанрово-стилевом плане, равно как и по мироотношению, «Княжна Мери» противостоит «неистой» литературе страстей «Юной Франции» и имеет с французской литературой множество пересечений, небезынтересно обратить внимание и на другие, в том числе фабульные источники повести. Так, М. Г. Альтшуллер указывает сходство фабульных схем неисторического романа В. Скотта «Сен-Ронанские воды» («St. Ronan's Well») с «Княжной Мери» («водяное общество», дуэль со смертельным исходом, соперничество в любви, сближения в обрисовке протагонистов). (См. *М. Г. Альтшуллер. Эпоха Вальтера Скотта в России.* СПб. 1996. С.263. См. также его отсылку к: *М. Г. Альтшуллер. «Княжна Мери» Лермонтова и «Сен-Ронанские воды» Вальтера Скотта // Norwich Symposia on Russian Literature and Culture. V.III. Michail Lermontov, 1814-1989, Ed. Efim Etkind. Northfield (Vermont) 1992. P.149).*

надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала. Впрочем, на 6 шагах промахнуться трудно. А! господин Грушницкий! ваша мистификация вам не удастся... мы поменяемся ролями...») представляют переход от внешнего, событийного к внутреннему. Вспомним диалог доктора Вернера с Печориным, записанный еще в дневнике непосредственно перед последней ночью:

«Это немножко похоже на убийство <...> Как вы думаете? должны ли мы показать им, что догадались?

– Ни за что на свете, доктор; будьте спокойны, я им не поддамся.

– Что же вы хотите делать?

– Это моя тайна.

– Смотрите, не попадитесь... ведь на 6 шагах!»

Внезапная мысль о возможной смерти («... что если его счастье перетянет?»), передаваемая с фаталистической интонацией («Что ж? умереть, так умереть»), вводит переживание героя в иной, философский пласт медитации («зачем я жил? для какой цели я родился?..») Смысловым центром рассматриваемой интермедии становится откровение героя перед собой: «Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил; я любил для себя, для собственного удовольствия <...> и никогда не мог насытиться». Следующее далее сравнение («Так томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собою роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображенья, и ему кажется легче... но только проснулся, мечта исчезает... остается удвоенный голод и отчаяние!»³) включает трагедию личной жизни в тисцы жизни как таковой, если она протекает вне единственного источника, дающего ей смысл, – любви. Высказанное соображение подтверждается финалом интермедии, в который вовлекается мир, где личное стремится преодолеть свою трагическую замкнутость через потребность в душевном со-бытии?: «... и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно». Замечательна психологическая «оговорка» героя («... не останется на земле...»): следовательно, единственным «существом», понимавшим себя «совершенно», был он сам. Она несет в себе двойной смысловой эффект: с одной стороны, свидетельствует об эгоцентрическом одиночестве человека; с другой – о присутствии в нем глубинного, надличного «я».

---

³ Укажем на аллюзию, не отмечавшуюся в комментариях к роману: «И как голодному снится, будто он ест, но пробуждается, и душа его тоща; и как жаждущему снится, будто он пьет, но пробуждается, и вот он томится, и душа его жаждет: то же будет и множеству всех народов, воюющих против горы Сиона» (Исайя 29:8). Возможно, этот стих явился источником для зачина пушкинского «Пророка» («Духовной жаждою томим...»).

Ценность переживания Печорина состоит в его ретроспекции по отношению к прожитой жизни, в том, что ее оценка звучит как приговор: что бы ни случилось дальше, итог уже подведен – «Смешно и досадно!» Кажется, что перспектива дальнейшей жизни пресечена, однако это не так: в этом итоге, как в искреннем и беспощадном откровении Печорина, есть воля к возрождению, которая проявится в событиях последних трех дней повести.

Начало воспоминаний содержит описание «деятельностной» стороны той ночи. Примечательно, как нюансируется состояние героя «до» и «после». Горестное восклицание («Смешно и досадно!») перед поединком звучит как прощание с жизнью, после чего, казалось бы, должна следовать только смерть. В тексте воспоминаний отмечено время этого состояния: «С час я ходил по комнате...»⁴. Второе «смешно!», произнесенное «после», вводит слова: «Я думал умереть; это было невозможно...» Последнее признание открывает неизвестное даже самому герою его желание той ночи – желание смерти, чтобы не осушать, говоря его словами, «чаши страданий». Оставляя в стороне очевидную аналогию, отметим, что тут же, после часа «хождения по комнате», герой садится, и автор кладет ему на стол «Шотландских Пуритан». Читением этого романа заполнен весь остаток ночи, что придает этому занятию, благодаря его выделенности, особое значение для понимания смысла повести.

Дополнительный интерес привлекает и тот факт, что «Лермонтов первоначально предполагал положить на стол Печорину другой роман В. Скотта – «Приключения Нигеля»⁵. Внимание исследователей обычно обращается на поиск причин замены «Приключений Нигеля» на «Шотландских Пуритан». В частности, полагается, что главной причиной этой замены могло быть желание автора избежать прямых совпадений в портретной и психологической характеристике Найджела и Печорина⁶. По мнению Б. М. Эйхенбаума, «причина лежит гораздо глубже»: «Накануне дуэли, вызванной “пустыми страстями”, Печорин читает политический роман о народном восстании против деспотической власти и “забывается”, воображая себя этим Мортоном» <главный герой «Шотландских Пуритан» – Г. М.>⁷. Признавая, что «историзм определил и

---

⁴ Как показывают наблюдения над романом, во всех основных обозначениях времени обнаруживаются системные связи между событийным и смысловым пластами произведения. Час, утрачивая традиционное конкретное значение единицы времени, выступает как условное пространство ожидания, медитации или размышления, необходимое для перехода героя в иное состояние, на иной уровень миропостижения.

⁵ См.: В. А. Мануйлов, О. В. Миллер. Комментарий. // М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. СПб. 1996. С.347.

⁶ Д. П. Якубович. Лермонтов и Вальтер Скотт // Известия АН СССР, серия 7, отд. общественных наук. 1935. № 3. С.270.

⁷ Б. М. Эйхенбаум. Статьи о Лермонтове. М.-Л. 1961. С.256-258.

мировоззрение и художественное творчество русской передовой интеллигенции 30-х годов»⁸, а также силу воздействия, оказанного на художественное сознание Лермонтова политической ситуацией, основными признаками которой были деспотизм власти и война, мы все же не склонны считать эти причины единственными и безусловно определяющими выбор Лермонтова. Более существенным представляется замечание Б. М. Эйхенбаума, что Печорин воображает себя «этим Мортонном».

Отметим, что в объяснении Д. П. Якубовича акцент делается на том, *почему* Лермонтов убрал со стола Печорина «Приключения Нигеля», а у Б. М. Эйхенбаума – *почему* он положил Печорину «Шотландских Пуритан». Более перспективным, на наш взгляд, является второй подход, поскольку при интерпретации данного художественного факта речь должна идти не о *замене* одного произведения на другое, а о *выборе* наиболее сообразного духу и смыслу повести «Княжна Мери».

Требования корректного анализа предполагают определение издания (изданий) романов В. Скотта, которые мог читать Лермонтов или какие могли находиться в поле его внимания. Мы разделяем мнение Д. П. Якубовича о необходимости «...выяснения вопроса о том, в каком виде, на каком языке, *какого* Вальтер Скотта читала Россия, особенно в момент знакомства с ним»⁹. В «Княжне Мери» роман назван «Шотландские Пуритане»¹⁰, что склоняет к предположению о чтении Лермонтовым этого произведения или на французском языке¹¹, или в русском переводе с французского¹². Вероятность чтения романа Лермонтовым на английском языке мала, точнее, для такого утверждения пока нет оснований¹³.

---

⁸ Там же. С.223.

⁹ Д. П. Якубович. Роль Франции в знакомстве России с романами В. Скотта // Язык и литература. Т.5. Л. 1930. С.138.

¹⁰ Эту традицию ввел авторитетный французский переводчик А. Дефоконпре, представивший французское название романа “Old Mortality” как “Les Puritains D’Écosse”.

¹¹ Список первых переводов романов В. Скотта на французский язык: La première traduction fut celle de Guy Mannering, par J. Martin. CF Journal de la librairie, 30 mars 1816. Viennent ensuite, les Puritains (ibid., 3 mai 1817), L’Antiquaire, 13 déc. 1817, etc. Цит. по: Maigron, Lois. Le Roman Historique à L’époque Romantique. Paris. Librairie Hachette et C. 1898. P.127. В дальнейшем, в течение 1820-1830 гг., переводные издания В. Скотта выходят регулярно в больших количествах. Один из ранних по времени – в *Œuvres complètes de Walter Scott. Romans Historiques*, издание, в котором «Шотландские Пуритане» печатаются в 4-х томах: *Œuvres complètes de Walter Scott. Romans Historiques. Tome Dix-Neuvième*.

¹² «Шотландские Пуритане, повесть трактирщика, изданная Клейшботемом, Учителем и ключарем в Гандер-Клейг». Исторический роман, сочинение Вальтера Скотта. Перевел Василий Соц. М. 1824.

¹³ Следует, однако, заметить, что возможность знакомства с оригиналом у Лермонтова должна была быть: первое издание романа вышло в 1816 г. (The Black Dwarf. – Old Mortality. Edinburgh, Blackwood. 1816. (vol. 1-4)). (Привожу по: *Левидова И. М.* Вальтер Скотт. Био-библиографический указатель к 125-летию со дня смерти. М. 1958. С.36).

Сделанный, очевидно, с перевода Дефоконпре русский текст не содержит ни введения, ни предварительной главы¹⁴. Вопрос, с какими изданиями «Шотландских Пуритан» был знаком Лермонтов, важен по следующим основным соображениям. Во-первых, роман, лишенный той атмосферы, в которую читатель погружается через дотошно выписанную автором во введении «вязь» судеб и поколений, утрачивает перспективу восприятия в объеме значений слова «mortality». Во-вторых, исключение в русском переводе романа фигуры странствующего Кладбищенского Старика, появляющегося в предварительной главе, уничтожает авторскую интонацию как отношение к прошлому. Наконец, в целом романы В. Скотта, в том числе и рассматриваемый здесь, можно считать одним из источников, вместе с другими влияниями русской и западноевропейской литератур, сложной повествовательной структуры «Героя нашего времени» и многослойных отношений прошедшего и настоящего.

Следует прислушаться к мнению С. В. Шувалова, хотя и не подкрепленному свидетельствами: «...по крайней мере, Печорин (В «Герое

Думается, внимание Лермонтова могло привлечь расхождение в заглавии оригинала и перевода. Что же касается чтения Лермонтовым романа на английском языке, то этот вопрос требует дополнительного изучения. Д. П. Якубович предполагает «... и раннее обращение к оригиналу» Лермонтовым и указывает, частности, на то, что «еще в 1831 г. Лермонтову приходится противопоставлять оригинального Гамлета “французскому”» (Якубович. 1930 С.160). У нас все же сохраняются сомнения относительно возможной беглости чтения и точности понимания Лермонтовым романов В. Скотта на английском языке в силу их «исключительной насыщенности шотландским языковым материалом» (Якубович 1930. С.139), тем более, что Glossarys of certain words and phrases в 1820–1830 гг. к ним обычно еще не присоединялись. Заслуживают внимания, воспоминания А. П. Шан-Гирея, который указывая на время (1829 г.), когда «Мишель начал учиться по-английски», называет авторов – Байрона, Мура, Вальтера Скотта (поэтические произведения), которых тот читал, вместе с тем замечает, что Лермонтов «свободно объясняется по-английски никогда не мог» (А. П. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М. 1989. С.36-37). Последнее замечание вовсе не исключает возможный высокий уровень чтения как рецептивного вида речевой деятельности. Ценным представляется свидетельство А. М. Меринского, товарища Лермонтова по юнкерской школе: «...всякий раз, как я заходил в дом к Лермонтову, почти всегда находил его с книгою в руках, и книга эта была – сочинения Байрона и иногда Вальтер Скотт, на английском языке, – Лермонтов знал этот язык» (А. М. Меринский. Воспоминания о Лермонтове. // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М. 1989. С.174). Добавим, что восемь лет (с начала изучения английского языка до активной работы над «Княжной Мери») – срок достаточный, чтобы получить возможность оценить разницу между “Les Puritains D’Ecosse” и “Old Mortality”.

¹⁴ Переводчик Дефоконпре, несмотря на часто отмечаемое высокое качество переводов (впоследствии с Дефоконпре-сыном), в первых попытках переложения В. Скотта на французский полагал, видимо, введения и другие «оформительные» фрагменты излишними. Надо заметить, тем не менее, что в издании 1820 г. во французском переводе введение сохранено, в то время как в русском переводе повествование начинается с того места, где у В. Скотта следует 2-ая глава.

нашего времени») накануне дуэли с Грушницким читает роман «Шотландские Пуритане» и увлекается его волшебным вымыслом, – конечно, это говорит о том, что сам Лермонтов, незадолго перед этим или, может быть, как раз в этот самый момент, зачитывался «Пуританами»¹⁵. Действительно, тоска и тщета жизни, ее земных страстей¹⁶, сумеречная кладбищенская атмосфера первых страниц романа В. Скотта соотносятся с духом той печоринской ночи.

Во втором прижизненном издании «Героя нашего времени»¹⁷ о чтении Печорина говорится так: «С час я ходил по комнате; потом сел и открыл роман Вальтера Скотта, лежавший у меня на столе: то были «Шотландские Пуритане»; я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом...»¹⁸. Интересно, что в рукописи роман В. Скотта, который первоначально предполагался в чтение Печорину, был назван «Похождения Нигеля»¹⁹ (русский же перевод 1829 г. – «Приключения Нигеля»). Столь свободное обращение с заглавием романа наводит на несколько соображений: в поле внимания Лермонтова в момент создания рукописи не было русского издания, и он приводит заглавие по памяти; Лермонтов переводит французский вариант заглавия («Les Aventures de Nigel»), при этом слово «похождения» вводит «плутовскую» интонацию в «неконнотативную авантюристность», заключенную в слове «приключения»; Лермонтов «переводит» оригинальное заглавие («Fortunes of Nigel») и тогда «плутовская» интонация становится еще более акцентированной²⁰.

Если вернуться к мнению Д. П. Якубовича, одному из наиболее авторитетных и отмечаемых в комментариях к данному фрагменту текста, то надо отметить, что причина замены одного романа на другой имеет источник в двух наблюдениях исследователя. Во-первых, «образ героя

---

¹⁵ Шувалов С. В. Влияние на творчество Лермонтова русской и европейской поэзии. // Венки Лермонтову. Юбилейный сборник. Москва-Петроград. 1914. С.314.

¹⁶ Но в любом случае не «пустых», как определил их Б. М. Эйхенбаум. Заметим по этому поводу, что именно в описании состояния Печорина накануне дуэли с ясностью возникают мотивы будущего философского размышления Печорина о «людях премудрых» и «жалких потомках» в «Фаталисте».

¹⁷ Мы упоминаем это издание, поскольку, на наш взгляд, аутентичным должно считаться последнее прижизненное издание, если нет особых препятствующих тому фактов.

¹⁸ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Издание второе. СПб. 1841. С.174. В таком виде этот фрагмент текста печатался до середины XX века, пока в «Полном собрании сочинений» (Издание АН СССР, 1954-1957) не был «канонизирован» текст романа, восстановленный по рукописям или «по мотивам» рукописей.

¹⁹ Ср. в рукописи: «похождения Нигеля».

²⁰ Лермонтов мог видеть, как редуцируется (если не искажается) смысловая перспектива восприятия произведения при переводе “fortunes” на “aventures”, «приключения / похождения», поскольку во всех этих переводах исчезает сема «судьбы / судеб», неотъемлемая от слова “fortunes”.

этого романа – Найджеля должен был быть интересен Лермонтову опять-таки как подчеркнутый образ одинокого шотландца на чужой стороне. Уже в VIII главе этого романа одна из героинь говорит: «...я никогда не встречала ни одного шотландца, который бы не вел род от какой-нибудь знатной фамилии»²¹. Цитируя по изданию 1829 г., наиболее уместно, если сослаться на русский текст романа, заметим, что ироническая интонация высказывания «одной из героинь» (госпожи Урсулы, комически выписанной автором, оказывающей ближним «особенно свойственные услуги») выражена отчетливо («Из всех мне знакомых Шотландцев, нет ни одного, который бы не почитал себя потомком какой-либо знатной фамилии»²²), что, как представляется, слабо намекает на «подчеркнутый образ одинокого шотландца на чужой стороне»²³. Второе наблюдение Д. П. Якубовича связано с характеристикой Печорина в «Максим Максимыч»: «Значит, он несчастен?.. я знала это... я предчувствовала... в его голосе звучала грусть, даже когда он рассказывал что-нибудь веселое, в его меланхолической улыбке был отпечаток несчастья»²⁴.

Цитируем издание 1829 года: «... – Следовательно он несчастлив! сказала Маргарета. – Я угадывала это – во всех движениях, во всех разговорах, даже и самых веселых, царствовала какая-то мрачность – его меланхолическая улыбка предсказывала несчастье – его томные взоры часто наполнялись слезами – он никогда бы не произвел на мое воображение столь сильного впечатления, если б я увидела его во всем блеске счастья.

– Романы вскружили ей голову!»²⁵

Приведенный пассаж показывает, что большее сходство здесь можно было бы усмотреть скорее с Грушницким, принимая во внимание его несчастье²⁶, «томные взоры» и первое впечатление, которое он произвел на княжну Мери. Так что, судя по всему, Лермонтову не нуж-

---

²¹ Д. П. Якубович. 1935. С.270.

²² Приключения Нигеля. СПб. 1829. С.24.

²³ Ироническая интонация передана во французском переводе: «Sans doute, sans doute; parmi vous autres Ecossois, je n'en connois pas un qui ne descende de quelque grande maison» (Les aventures de Nigel, par Sir Walter Scott. Paris, A la Librairie de Charles Gosselin. Ladvocat, Librairie. 1822); и задана английским оригиналом: «I never knew a Scot of you but was descended, as ye call it, from some great house or other» (The Fortunes of Nigel by Sir Walter Scott, Bart. Edinburgh. 1861).

²⁴ Д. П. Якубович. Лермонтов и В. Скотт // Известия АН СССР. Серия 7, отдел общественных наук. 1935. № 3. С.270.

²⁵ Приключения Нигеля. СПб. 1829. С.25.

²⁶ Показателен в этом плане диалог из «Княжны Мери»: «– Он, конечно, не входит в разряд скучных... – Но в разряд несчастных, – сказал я смеясь».

но было маскировать «Шотландскими Пуританами» сходство Нигеля с Печориным²⁷.

Намерения Лермонтова относительно «Похождений Нигеля» значительно глубже. Спектакль, разыгрываемый Печориным до последних трех дней повести, по внешней, событийной канве, в своей тональности созвучен *похождениям* в собственном смысле этого слова. Поверхностный взгляд еще не различает трагических мотивов за любовной интригой, пока не исчерпывается игровая, суетная сторона сюжета. Рассматривая интермедию «Два часа ночи. Не спится» как кульминационный центр в развитии смысла повести, заметим, что «Похождения Нигеля» могут носить ретроспективный характер в их приложении к сюжету о Печорине. С высвобождением трагического пафоса повести «похождения» переходят в “fortunes”, а смысл финала требует соответствующего ему художественного резонанса – и на столе Печорина появляются «Шотландские Пуритане».

Заслуживает внимания и комментария фраза, следующая непосредственно за тем, как Печорин «забылся, увлеченный волшебным вымыслом»: «Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга?..». Эта фраза и другое замечание в пассаже «Два часа ночи. Не спится» («...на небесах не более постоянства, чем на земле») не были включены в прижизненные издания «Героя нашего времени». Восстановленные по черновому автографу «Княжны Мери», отмеченные фрагменты текста со времени академического издания (1954-1957 гг.) стали неотъемлемой и «узаконенной» частью романа для последующих поколений читателей. Основанием для реставрации текста, по объяснению Б. М. Эйхенбаума (редактора текста

---

²⁷ Отметим расхождения между русским переводом, французским переводом и английским оригиналом. В оригинале читаем: “He is unfortunate, then? – said Margaret; I knew it – there was sorrow in his voice when he said even what was gay – there was a touch of misfortune in his melancholy smile – he had not thus clung to my thoughts that I seen him in all the midday glare of prosperity. – Romances have cracked her brain!” said Dame Ursula” (The Fortunes of Nigel by Sir Walter Scott. Edinburgh. 1861). Во французском переводе читаем: “Il est danc malheureux! Je le savois, je l’avois deviné. Il y avoit dans sa voix un accent de tristesse, même quand il s’efforçiot d’être gai. J’ai remarqué une teinte d’infortune dans son sourire melancolique. Je me serois moins occupée de lui, si je l’avois vu briller de tout l’éclat de la prospérité. – Les romans lui ont tourné la cervelle!” (Les Aventures de Nigel, par sir Walter Scott. Paris. 1822). Во французском переводе, а еще более в русском, в речи Маргарет слышится больший «аффектный» стилиевой акцент, чем в оригинале. Это сказывается в замене вопросительной интонации в первой фразе на восклицательную, в стремлении в русском тексте распространить “il s’efforçoit d’être gai” (в оригинале – “when he said even what was gay”) за счет «во всех движениях»; наконец, «его томные взоры часто наполнялись слезами» не имеет источника ни в оригинале, ни во французском переводе. Есть и полное совпадение русских и французских выражений: например, «Романы вскружили ей голову!» и “Les romans lui ont tourné la cervelle”, в то время как в оригинале сказано по-просту грубо: “Romances have cracked her brain!”

«Героя нашего времени» и примечаний к нему) послужило следующее соображение: «В тексте “Княжны Мери” в обоих изданиях <имеются в виду прижизненные издания 1840 и 1841 гг. – Г. М.> отсутствуют две фразы, имеющиеся в автографе и исчезнувшие, очевидно, по цензурным причинам...»²⁸. На наш взгляд, причины невключения фраз в окончательный текст²⁹ носят художественный характер и связаны не с духовной цензурой, а с «высшим судом» автора, ответственным за сохранение чистоты духовного смысла своей книги³⁰.

Основные этапы «трансформаций» фразы об оплате В. Скотту таковы. В Академическом издании 1910-1913 гг. (второе издание в 1916 г.) под редакцией и с примечаниями Д. И. Абрамовича приводится следующий ее рукописный вариант: «...что, если Шотландскому барду на том свете платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга?...»³¹ В 1937 г. в примечаниях Б. М. Эйхенбаума фраза уточнена: «...<Что если > Неужели Шотландскому барду на том свете платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга?...»³² И наконец, в 1957 г. фраза восстанавливается из варианта в текст со словом «неужели» и отрицательной частицей «не» перед «платят».

Рассмотрим возможные причины, по которым фраза не была включена в рукопись для печати. Первым рукописным вариантом было «...что если Шотландскому барду на том свете платят...» Высказывание, начинающееся с «что если» предполагает, в своей функционально-коммуникативной перспективе, следующее: *произошло / происходит / может произойти нечто, противоположное ожиданиям, опыту или норме*. Тогда имплицитруемый в «что если ... платят» смысл может быть описан как *я ожидаю, что ему не платят (не должны платить), но вдруг все-таки платят?* Трогательной выглядела бы забота Лермонтова о В. Скотте, если бы в предложении присутствовала отрицательная частица «не»: *где же справедливость, если Шотландскому барду на*

²⁸ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. Т.6. С.650.

²⁹ При отсутствии белого автографа и наборной копии романа исследователи неизбежно оказываются в зыбком пространстве *своего* суждения между черновой рукописью и печатным изданием, что, как бы ни вызывало сожаления, тем не менее порождает и неожиданный позитивный процесс, обуславливая более глубокий подход к постижению смысла произведения.

³⁰ Небезынтересным может оказаться наблюдение, что Д. П. Якубович за 20 лет до изменения текста, не подозревая еще об *очевидном* вмешательстве духовной цензуры, пишет: «Отброшенная же фраза об оплате В. Скотта *на том свете* (в устах Печорина) могла диктоваться совершенно другими <автор статьи оспаривает предположение П. А. Висковатова об охлаждении Лермонтова к В. Скотту – Г. М.> – чисто художественными соображениями» (Якубович. 1935. С.270).

³¹ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в 4-х т. Т.4. Петроград 1916. С.379.

³² Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинение в 5-ти т. Т.5. М.–Л. (Academia), 1937. С.476. Знак «>» в цитируемом издании отделял вычеркнутые слова и выражения.

том свете не платят! Обратив внимание, вероятно, на двусмысленность предложения, Лермонтов вычеркивает «что если» и заменяет его частицей «неужели», наделяя фразу эмоциональной интонацией, что сразу же влечет за собой тему отношения Лермонтова к творчеству В. Скотта и его оценки³³. Однако сомнения автора в своей фразе были, видимо, столь велики, что после замены слов «что если» он не продолжил ею заниматься, оставив чрезвычайно сомнительный вариант («...неужели... платят», что предполагает *а я думал – нет*). Понятно, что редакторы, восстанавливая фразу, придали ей единственно возможный в этих обстоятельствах благообразный вид.

Между тем двусмысленность, хотя и другого рода, осталась. Кто произносит эту фразу? Исследователи пишут об отношении Лермонтова к В. Скотту, Лермонтов же пишет о Печорине, вернее Печорин пишет *свои* воспоминания, и власть автора здесь не столь уж беспредельна. Более того, в данном контексте представляется несвоевременным и неуместным автору высказывать свое отношение к В. Скотту.

Повторим, что повествовательная форма, избранная Лермонтовым в «Княжне Мери», – дневник и воспоминания, написанные от лица героя, – не допускает прямого авторского вмешательства. Следовательно, и фраза, о которой идет речь, должна атрибутироваться только герою и пониматься как проявление его отношения к роману «Шотландские Пуритане» и В. Скотту. Отношение Печорина к своему чтению достаточно отчетливо выражено в оценке («волшебный вымысел») и в возмущении книги («...я читал сначала с усилием, потом забылся...»). Если же в восклицании («неужели ... не платят») звучит благодарность героя за «отрадные минуты», подаренные книгой, то она уместна в повествовательном течении романа *в момент чтения* как спонтанная эмоциональная реакция, но не через полтора с лишним месяца в воспоминаниях, описывающих прошлые события. Разумеется, в воспоминаниях Печорин описывает и свои переживания, но в известном отчуждении от себя самого. «Два часа ночи. Не спится» – контекст *настоящего времени*, актуального в плане синхронности события и регистрируемой реакции на него. «Перечитываю последнюю страницу: смешно!» – контекст *прошедшего времени*, фиксирующий случившееся в его осмыслении. Отсюда и место фразы об оплате «отрадных минут» должно быть, будь

---

³³ Поэтому исследователям, комментирующим эту фразу, ничего не остается, как развивать тему отношения Лермонтова к В. Скотту и приводить воспоминания В. Г. Белинского по поводу их беседы, во время которой Лермонтов сравнивает В. Скотта и Ф. Купера, и о письме В. Г. Белинского к Боткину, содержащем ту же тему. Приводится также пассаж из «Вадима» о «таланте Вальтер-Скотта и терпении его читателей» (В. Г. Белинский. Письмо В. П. Боткину (16-21 апреля 1840 // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М. 1989. С.301. П. И. Панаев. Из «Литературных воспоминаний» // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М. 1989. С.309-310).

на то воля автора, в контексте настоящего для героя времени, но там для ее появления нет художественных оснований. Сохранив же ее в воспоминаниях, Лермонтов просмотрел бы явный повествовательный «сбой», что маловероятно для его художественного гения³⁴.

И наконец, фраза об оплате попросту противоречит, по своему тону и содержанию, глубине и серьезности ситуации. Она отвлекает от вопросов, *почему* Печорин читает «Шотландских Пуритан», *что* в этой книге увлекло его, *что* в ней сообразно его состоянию накануне дуэли, *что* в ней созвучно мироотношению героя и идее повести. Самодостаточность указания на роман В. Скотта, принципиальный характер предпочтения его «Похождениям Нигеля» пострадали бы от не вполне идущих к делу распространений этого художественного факта.

Между тем не следует игнорировать аргументы Б. М. Эйхенбаума, отмечающего системный характер расхождений рассматриваемой части текста «Княжны Мери» между рукописью и печатным изданием. В самом деле, педантичный цензор мог не одобрить неуважительное суждение о небесах во фразе «На небесах не более постоянства, чем на земле», а также предосудительные намеки на «тот свет», где могут платить или не платить за заслуги в земной жизни (кого, мол, имеет в виду Лермонтов?). У героя, который еще не испытал очистительную катастрофу, в описываемый момент его жизни могло возникнуть сомнение в постоянстве небес как отражение сомнений более глубокого характера. Вероятно, эта фраза и отмечает этапное мироотношение Печорина, но ни в коей мере не выражает позицию автора. Повествовательная стратегия «Героя нашего времени», основанная не только на последовательном отделении, но и освобождении героя от автора, направлена на то, чтобы избежать возможного их отождествления в читательском восприятии и столь же последовательно сохранять между ними дистанцию. Заметим, что по художественной логике упоминание о небесах связано не с Божьим Промыслом, а носит скорее астролого-мифологический характер, так как вызвано предположением: «...что если его счастье перетянет? если моя звезда наконец мне изменит?..» «Моя звезда» в развитии идеи романа выполняет, на наш взгляд, роль контрапункта в нарастающей философской теме судьбы в следующем за «Княжной Мери» «Фаталисте». Мы подробно рассмотрели фразу о «том свете», заметим только, что неясность, двусмысленность и иронию в упоминании «того света» можно рассматривать как готовность автора перейти к разговору о земной судьбе человека и «жизни бесконечной». Надо бы также обратить внимание еще на одну поправку в рукописи, где слово «назначен-

---

³⁴ Можно указать на отдельные «неточности» в художественной логике текстов зрелого Лермонтова, однако всякий раз при внимательном изучении именно в местах этих «неточностей» обнаруживается «второй смысл».

ных» вычеркнуто и заменено на «обреченных» во фразе: «Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв...» Это изменение говорит скорее о системном характере «внутренней» цензуры (чем цензуры со стороны), когда автор стремится избежать преждевременных, нарушающих цельность смысла книги замечаний и намеков. Поэтому и вывод из сказанного выше очевиден: восстановленные в академическом издании (1954-1957 гг.) фразы следовало бы оставить в рукописи.

И все же надо отдать должное художественному чувству редакторов восстановленного текста: между «...я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом...» и «Наконец рассвело» недостает перехода, так сказать, одного такта, или паузы, столь характерных в подобных случаях для художественной манеры Лермонтова. Например, в «Тамани»: «Волнуемый воспоминаниями, я забылся...» Далее следует пауза, необходимая для передачи времени забывтья и выступающая в то же время как ритмическая единица хода повествования, – «Так прошло около часу, может быть и более...» И пауза обрывается резким вторжением в медитацию героя: «Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух». Аналогично представлена в «Тамани» ситуация тревожного ожидания героя: «... но я не мог заснуть: передо мной во мраке все вертелся мальчик с белыми глазами. Так прошло около часу. Месяц светил в окно, и луч его играл по земляному полу хаты. Вдруг на яркой полосе, пересекающей пол, промелькнула тень». В тексте «Княжны Мери» фраза «Наконец рассвело», с акцентированностью указывающая на ежеминутную борьбу психологического времени с реальным, безусловно, требует предварения, которое в рукописном тексте состоялось в попытке заполнить минуты напряженного ожидания «отрадными минутами» чтения. Но в целом фраза, как представляется, не удовлетворила художника.

Причины предпочтения «Шотландских Пуритан» «Похождениям Нигеля» лежат, как мы уже убедились, не в сомнительных текстовых совпадениях, иначе, следуя такой логике, мы будем вынуждены признать: чем меньше совпадений, тем предпочтительнее выбор. Что касается «Шотландских Пуритан», попытки выделить микротекст, в котором бы обнаружились связи с «Героем нашего времени», к значительным успехам не приводят. Можно было бы усмотреть, например, психологическую «подсказку» Печорину для его будущего поведения на дуэли: во время состязания в стрельбе по мишени Мортон предлагает лорду Эвендейлу³⁵ свою лошадь, чтобы тот мог повторить попытку и исправить свой промах. Лорд Эвендейл проявляет слабость, соглашается и вновь промахивается, после чего победа Мортонна становится не

---

³⁵ Имена героев В. Скотта приводятся по современным переводам. Текст цитируется по русскому переводу 1824 г.

только фактически, но и морально безоговорочной. Следует также обратить внимание на близость откровений фанатика Белфура Берли и Печорина.

Белфур Берли

«Что нужды? сказал Бурлей: мой час еще не пришел».

«Но пока пребуду на земле орудием моего Господа, не престану шествовать вперед!» «Не подумай, чтоб легко было почувствовать свое назначение к исполнению определений неба, строгих, но справедливых? заглушить в себе невольное чувство, приводящее в содрогание, когда обагрять руки кровию? Не уже ли думаешь, что поразивший виновного не обращает на себе ужасного взора, когда тот упадет? что иногда не предастся сомнению, точно ли был призван для свершения казни?»

Безусловно, ни о каком уподоблении Белфура Берли Печорину на основании приведенных извлечений из текста речи нет, тем более, что между ними отсутствуют характерные пересечения, исключая, пожалуй, исключительную несговорчивость и твердость обоих. Белфур Берли являет собой крайний случай иступленного заблуждения человека в *его* понимании воли Божьей³⁷. Он воплощает в себе соединение страсти и ложной идеи о своей правоте. В романе В. Скотта эта особенность присуща, в разных проявлениях, всем участвующим в непримиримой схватке. Подобное заблуждение, как представляется, определяет и действия Печорина, но с той разницей, что в нем есть деятельностная потребность истинного суда внутри себя, а следовательно, над собой. Отсюда то, что он до дуэли справедливо называл своими «прихотями»,

Печорин³⁶

«Я думал умереть; это было невозможно».

«И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудье казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления». «Спускаясь по тропинке вниз, я заметил между расселинами скал окровавленный труп Грушницкого. Я невольно закрыл глаза <...> У меня на сердце был камень. Солнце казалось мне тускло, лучи его меня не грели».

³⁶ Любопытно, как образ Печорина «вбирает» в себя образы и идеи разных литератур, разных авторов. См., например, сравнение Печорина и Рене (*Родзевич С. И.* Лермонтов, как романист. Киев, 1914. С.54).

³⁷ В произведении есть два персонажа, превосходящие Белфура Берли в этом заблуждении, – Мак-Брайер и Аввакум Многогневный, но их фанатизм, в отличие от расчетливого и коварного Берли, слит с безумием. Впрочем, в конце произведения фанатизм Берли развивается до темных экстатических состояний, проявляющихся в ночных схватках со внутренними демонами.

станет в последние три дня, когда он вновь, «как орудье казни» упадет «на голову обреченных жертв», и судом над ним, и началом его воскресения. Так в «Княжне Мери» рождается проблематика «Фаталиста»: «...зачем же нам дана воля, рассудок? почему мы должны давать отчет в наших поступках?..»

В «Княжне Мери», да и во всем романе, нет общих с «Шотландскими Пуританами» сюжетных ситуаций. Сближает эти произведения состояние войны, хотя с той оговоркой, что война в «Шотландских Пуританах» является сюжетоорганизующим фактором, а в «Герое нашего времени» – проникающей в художественную ткань произведения внутренней темой. Непримируемое противоборство пуритан и войск правительства, вовлекшее в себя все население страны, неистовая религиозная вражда создают сюжетные ситуации, выявляющие, в канве исторического повествования, эпоху нравственного и духовного выбора человека, входящего в Новое время. Поэтому тип романного героя-протагониста, ответственного за этот выбор, привлекает особое внимание.

Найджел представляет собой тип героя из эпохи Иакова I, эпохи грозного затишья, эпохи формирования ситуации неизбежного краха, кульминацией которой стала казнь Карла I. Найджел не оказывается в положении ни политического, ни религиозного выбора; это типологизированная версия частной судьбы. Развитие этого характера, если можно здесь говорить о каком-либо развитии, происходит от проявленных Найджелом слабостей (отмеченных в романе вскользь и служащих, главным образом, сюжетной мотивировочной основой для будущих неприятностей героя) к накоплению позитивного опыта и высказыванию отдельных сентенций о необходимости жить по самостоятельным решениям. Привлечь Лермонтова тип Найджела мог своей честностью и прямоотой, непосредственным и импульсивным характером, неукоснительным благородством, что делало героя уязвимым для интриг и напастей. Таким образом, он оказался в романе не столько одиноким, сколько выделенным из круга других персонажей. Наибольшее значение, на наш взгляд, имеет слово “fortunes” в заглавии романа. В отличие от “adventures” (во французском и русском переводах соответственно “aventures” и «приключения»), что означает “hazard, risk, chance, that of which one has no direction”³⁸ и не имплицитно подразумевает присутствие направленной силы в жизни человека, слово “fortunes” с воздействующей на судьбу человека силой связано: “The power supposed to distribute the lots of life according to her own humour”³⁹. Поэтому ценным в романном пути

---

³⁸ Webster Dictionary. An American Dictionary of the English language. Springfield, Mass., G. and C. Merriam, 1856.

³⁹ Johnson Samuel. A Dictionary of the English Language. London, Printed by W. Strahan, for J. and P. Knapton, 1755.

Найджела для Лермонтова могло оказаться то, что не обстоятельства, сначала неблагоприятные, а затем чудесным образом изменившиеся на благоприятные, определили судьбу героя, а герой, в своем последовательном расположении к добру и правде, заставил судьбу избрать лучшее для нее (судьбы героя) развитие. При таком понимании мысль Печорина о его «звезде» получает бóльший вес, выходя за пределы бытовой и психологической астрологии.

Между образами Мортонна из «Шотландских Пуритан» и Печорина связь более тесная, хотя, как представляется, замечание Б. М. Эйхенбаума, что Печорин воображается «этим Мортонном», не вполне справедливо, так как образ Печорина, исключительно самобытный и обладающий неисчерпаемым потенциалом, не может сводиться к образу Мортонна даже в минутном внутреннем подражании. Ценность типа Мортонна как героя для Лермонтова, как, впрочем, и для Пушкина⁴⁰, состоит в том, что в Мортонне отчетливо выразилась идея, послужившая одним из основных источников для создания национального романного героя в русской литературе.

Формирование образа Мортонна осуществляется по двум линиям. Во-первых, герой оказывается в ситуации, резко очерченной смертельной схваткой двух фанатичных сторон, которые наиболее ярко представлены в образах Белфура Берли и генерала Клеверхауза. Последний, соглашаясь со сравнением его с Берли, отвечает Мортону: «Мы оба фанатики; но есть различие между фанатизмом, внушаемым честью, и тем, который происходит от мрачного и дикого суеверия <...> есть разница между кровью храбрых воинов, благородных дворян, добродетельных пастырей и красною жидкостью, текущею в жилах грубых поселян, бессмысленных демагогов, презренных распевал». В характеристиках враждующих сторон, данных Клеверхаузом, можно заметить некоторую асимметрию (честь / мрачное дикое суеверие; кровь храбрых воинов, благородных дворян / красная жидкость грубых поселян; добродетельные пастыри / бессмысленные демагоги; презренные распевалы), т. е. нет полного тождества признаков, по которым они сопоставляются, помимо происхождения (дворяне / чернь) и чистоты воздействия на паству (пастыри / демагоги). Следовательно, есть более глубокое основание для радикального противопоставления сторон – речь, должно быть, идет не о присущих любому времени распрях политического, конфессионального, сословного характера, а конфликте эпохального, выраженном в романе сменой *старого* фанатизма (мрачное и дикое суеверие) на *новый* (просвещенный и цивилизованный) фанатизм. Отсюда и твердость позиции Мортонна, обусловленная внутренней свободой и врожденным нравственным мироотношением, выступает как вы-

---

⁴⁰ Нетрудно заметить, что между Мортонном и Гриневым очень много сближений как в сюжетных ситуациях, так и во врожденной им нравственной силе.

бор индивидуальный, но имеющий общезначимое и общечеловеческое значение.

Вторая линия развития образа Мортон лежит в сфере морально-этического поведения частного человека. В этом отношении важны два других персонажа: крестьянин и слуга Мортон – Кадди и соперник в любви – благородный лорд Эвендейл. В. Скотт проводит своего героя между жизненной гибкостью и равнодушием к политической и религиозной схватке «простачка» Кадди и несовременным, нежизнеспособным (а потому и внутренне комичным) рыцарством лорда Эвендейла. Простота одного и благородство другого соединяются в образе Мортон, получая выражение в общественно значимых категориях демократизма и чести как честности и долга⁴¹ Интересно, что эти три героя оказались наиболее удачливыми в состязаниях по стрельбе в начале романа: Кадди поразил мишень один раз, лорд Эвендейл – два, Мортон – три раза. Лорд Эвендейл и Кадди спасают Мортон, каждый в своем случае, от казни.

Таким образом, Мортон помещен, благодаря расположению вокруг него персонажей, в жесткую систему нравственных, этических, моральных, общественно-политических и конфессиональных «координат», что сделало его выбор обязательным и принципиальным⁴². Выбор Печорина, осуществившийся в последние три дня «Княжны Мери», также имеет общезначимый и эпохальный характер.

Наиболее существенным для рассматриваемого в статье вопроса является заглавие романа В. Скотта – “Old Mortality”. Нам неизвестно, пытался ли Лермонтов читать роман в подлиннике, но совершенно очевидно, что его заглавие не раз оказывалось в поле зрения писателя. Приходится признать, к сожалению, что в русском национальном культурном сознании существует пробел, связанный с неточным переводом заглавия, что в значительной мере сузило понимание смысла романа В. Скотта. Неслучайными поэтому выглядят высказанные походя «просветительские» версии перевода типа «Старые кости» и характеристика заглавия оригинала как «малопонятного» и «слабо связанного с повествованием»⁴³. При таком подходе надо полагать, что французские переводы «улучшили» текст Скотта. Есть известная ирония в том, что слово “mortality” не нашло своего эквивалента именно во французских перево-

---

⁴¹ Понятие чести в образе Мортон коррелирует с честью у Пушкина в «Капитанской дочке», но не совпадает, поскольку отражает иной, чем в русской литературе, стратегический путь развития человека и общества.

⁴² Подобные прием применяет Лермонтов в отношении Печорина в «Герое нашего времени» (в «Княжне Мери» с особым тщанием), развивая идеи создания системы персонажей по признакам парности, двойничества, триад.

⁴³ Д. М. Урнов. Век большого бунта. // В. Скотт. Пуритане. М. 1990. С.441.

дах, поскольку слово это вовсе не англо-саксонского⁴⁴, а французского⁴⁵ происхождения. В русской традиции, поначалу переведенное с французских образцов, претерпевшее ряд версификаций, заглавие обрело свой окончательный вид – «Пуритане». Между тем без обращения к подлинному заглавию смысл романа ускользает.

В английском языке сохраняется обширный спектр значений слова “mortality”. В русских двуязычных словарях приводятся такие значения, помимо « смертельности / летальности, смертности и падежа», как «человечество, смертные, род человеческий», «смерть»⁴⁶. В английских толковых словарях XIX века отражен бо́льший диапазон значений: *subjection to death, or the necessity of dying* (в этом значении следует отметить неизбежность и подверженность смерти); *death* (собственно смерть); *frequency of death, actual death of great numbers of men, or beasts, as a time of great mortality* (в этом значении, отразившем, безусловно, статистическую идею, особо выделены времена высокой смертности); *human nature* (именно в этом значении развиваются идеи смертности рода человеческого, врожденной ему по его природе (*nature*)); *power of destruction* (это значение выражает активную грань семантического комплекса слова “mortality” – силу разрушения, исходящую, как думается, и от человека)⁴⁷.

Таким образом, если искать общую объединяющую идею для слова “mortality” в соотнесении ее с атмосферой описанных в романе шотландских событий последней четверти XVII века⁴⁸, необходимо сосредоточиться на следующих аспектах. Во-первых, на значении «смерть» (*death*), которое развивается в двух основных направлениях: физическая смерть (отсюда неизбежные ассоциации с останками человека) и подверженность смерти, ее неизбежность, что от тезиса *человечество смертно* приводит к собирательному значению *смертное человечество*. Во-вторых, «сила разрушения», т. е. дела человеческие и что от них

---

⁴⁴ An Anglo-Saxon Dictionary based on manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Oxford University press. 1955.

⁴⁵ *Thomas Finkenstaedt*. Chronological English Dictionary. Heidelberg. 1970. P.209. Впрочем, надо отметить, что во французском языковом сознании абстрактные, собирательные значения слова “mortalité” не имели тенденции к развитию; напротив, это слово закрепилось в специальном значении и узусе: смертность, падеж. (См., например: *К. А. Ганишина*. Французско-русский словарь. Изд. 8-е. М. 1979.

⁴⁶ Большой англо-русский словарь. Под общим руководством доктора филологических наук, проф. И. В. Гальперина. Изд. 3-е. Т.2., М., 1974. С.64. *В. К. Мюллер*. Англо-русский словарь. Изд. 20-е. М., 1985. С.468.

⁴⁷ Webster Dictionary. An American Dictionary of the English language. Springfield, Mass., G. and C. Merriam, 1856.

⁴⁸ Конечно, в романе представлен вовсе не выхваченный и изолированный период исторического времени – эти лишь взгляд на участок потока непрерывной национальной жизни.

остаётся. Для нахождения нужного слова следует, разумеется, не суммировать словарные значения, а понять, как они соотносятся с содержанием произведения.

Деятельность Кладбищенского Старика, подвижничество которого сочетается с маниакальным упорством и тихой одержимостью, состоит, казалось бы, в подправлении старых пуританских могил и реставрации их надгробий. Однако он не только сохраняет память об умерших, он «оживляет» память об умерших пуританах, стремясь сделать ее современной и воскресить ее непримиримость. Его деятельность является прологом к повествованию о неистовой вражде, а его энергия – началом той энергии заблуждения, которая рождала силу разрушения и с которой враждующие убивали друг друга – так смертное человечество, уничтожая себя, разрушало жизнь.

Выражение «смертное человечество» с неизбежностью возбуждает идею о смертном грехе, а слово “mortality” в этом случае понимается как «прах». Тогда заглавие романа должно осознаваться как «Старый прах» – прах останков, прах истории, прах заблуждений, прах дел человека. Естественно, здесь может возникнуть вопрос: если допустить сочетание слов «старый» и «прах», то как же быть с немедленно возникающим в сознании его коррелятом – «новый прах»? В ответе на этот вопрос и раскрывается духовный потенциал книги В. Скотта. В романе изображен не только период смены династий, что явилось лишь исторической констатацией смены эпох Старого и Нового времени. Человечество в очередной раз подошло к духовному рубежу как выбору: разрушиться в прах, продолжая нескончаемый переход из “old mortality” в “new mortality”, или же совлечь с себя ветхого человека, и «тление не наследует нетления», когда «сеется тело душевное, восстает тело духовное»⁴⁹. Роман В. Скотта строится на этой идее, он выразил духовную проблематику, столь характерную для литературы христианского мира первой половины XIX века и столь насущную для русской литературы: соотношение в религиозном сознании Ветхого и Нового Заветов⁵⁰.

В лермонтоведении повесть «Княжна Мери» еще не вполне осознана как произведение, основанное на идее духовного рубежа человека, т. е. в составе всего «Героя нашего времени» – как этап рождения христианского человека.

Чтение «Шотландских Пуритан» – последнее интеллектуальное и душевное занятие Печорина перед дуэлью, отделяющее его прошлую жизнь, в которой воля его «я» последовательно распространялась в мир, стремясь подчинить его *своей* правоте, от событий последующих трех

---

⁴⁹ Первое Послание к коринфянам Святого Апостола Павла.

⁵⁰ Небезынтересно, что аргументация героев романа для оправдания своей позиции и действий черпается в большинстве случаев из Ветхого Завета.

дней, сметающих и его правоту, и его притязания. Катастрофа, о которой Печорин может рассказать лишь впоследствии⁵¹, рассыпала его жизнь в прах. Теперь он «может оценить правосудие Божие», в котором теряет свою самодостаточность «высшее состояние самопознания», о чем горделиво рассуждал герой в дневниковой записи от 3 июня⁵². Смерть Грушницкого в духовной глубине повести – событие, отмечающее истощение земного соблазна и гордости в Печорине и влекущее за собой немедленную потерю возлюбленной (Веры), не ставшей любовью, и приятеля (Вернера), не ставшего другом. Согласно смыслу этих событий и выписана смерть Грушницкого:

«Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было. Только прах <курсив мой – Г. М.> легким столбом еще вился на краю обрыва.

Все в один голос вскрикнули.

– Finita la comedia! – сказал я доктору».

И лишь последнее событие повести (расставание княжны Мери с Печориным), несмотря на вполне осознаваемую его драматичность, имеет позитивную и восходящую перспективу.

---

⁵¹ Интересно, что в жизни Мортонa тоже есть «пауза» (ссылка на материк) в несколько лет, разделяющая бурные события и их развязку, однако смыслового сходства в отношениях прошлой и продолжающейся жизни не наблюдается: у В. Скотта жизнь Мортонa входит в спокойное русло, у Лермонтова следует философское продолжение («Фаталист») и возвращение героя в конце «Фаталиста» в крепость, т. е. как бы в начало романа).

⁵² 13 июня – по прижизненным изданиям.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Вопросы орфографии в преподавании русского языка как иностранного

© кандидат филологических наук В. В. Каверина, 2002

Обращаясь к проблемам, возникающим при обучении иностранных учащихся русскому письму, мы будем понимать термин «орфография» в самом широком смысле этого слова – как «совокупность правил пользования буквенными знаками языка» [Кузьмина: 14].

В 70-80-е годы прошлого столетия проводились исследования [Бартошевская; Варюшенкова; Варюшенкова, Любимова; Карлинский; Петер; Пратима] фонетико-графической и фонетико-орфографической интерференции в речи иноязычных учащихся – явлений, когда «неверное декодирование графического образа незнакомых слов может повлечь нарушения в произношении на неродном языке, а неправильное фонетическое оформление неродной речи может вызвать ошибки на письме» [Варюшенкова, Любимова: 88]. Примерами таких явлений может послужить произнесение [o] в безударных слогах – [молоко́]; смешение в речи и на письме звуков [б] и [в] и букв **б** и **в** (*бал-вал*) и многие другие.

Известно, что при овладении иностранным языком путь к устной его разновидности лежит через графику. Поэтому некоторые проблемы правописания, актуальные для носителя языка, теряют свою остроту в письменной речи иностранного учащегося. Действительно, вряд ли вызовет затруднение у иностранца написание знакомого ему словарного слова (например, *собака*). Узнав слово из словаря или учебника и, вероятно, произнося его через [o], иностранец не задумается при его написании. И наоборот, по меткому замечанию Я. Бартошевской, изучавшей трудности русского письма для поляков, «при изучении неродного языка то, что не является орфограммой в этом языке для его носителя, может оказаться орфограммой для того, кто изучает язык как иностранный» [Бартошевская: 6]. Так, сложным будет выбор **б-п**, **з-с** для иностранцев, не различающих соответствующие звуки; вызовет проблемы передача на письме так называемых «удвоенных согласных» у тех, кто не слышит долготы звуков (например, в слове *дрожжи*). Очевидно, что носитель русского языка не задумается над написанием таких слов.

Опыт работы в иностранной аудитории показывает, что на разных уровнях языковой компетенции у учащихся возникают разные пробле-

мы при установлении соответствия между звуковым и буквенным составом слова. Так, предлагая вниманию начинающих материал, касающийся произношения звука [э] после твердых согласных и способов его обозначения, мы лишь корректируем их навыки произношения уже знакомых слов (*тест, темп, фонетика* и др.), предлагая их списком, не сопровождаемым каким-либо правилом. В то же время хорошо владеющему русским языком учащемуся приходится объяснять всю систему орфоэпически-орфографических соответствий, формулировать правило употребления буквы э, называя исключения (*мэр, нэр, сэр, рэкет, пленэр*, а также, по некоторым словарям, *мэтр*- 'учитель'), так как это соответствует его языковым потребностям.

Следует отметить, что иностранные учащиеся самого разного уровня языковой подготовленности не знают элементарных правил транспозиции письменной речи в устную и наоборот. Так, на вопрос о том, что обозначает буква ъ, подавляющее большинство отвечает: «Твердость!» И вообще, у наших учащихся очень неясное представление о звуке [j] в русском языке. Действительно, соответствующая ему буква называется в алфавите «и краткое», что слабо характеризует обозначаемый ею звук. О других же способах передачи [j] учащимся и вовсе неизвестно. При постановке русского произношения много внимания уделяется противопоставлению сочетаний типа *тя-тья*, но зачастую иностранец просто не знает, как звучит это *тья*. Многие полагают, что мягкий знак здесь обозначает лишь смягчение [т], так что получается: *т+ь+я=[т'а]*. Подобные примеры можно множить.

Перечислим орфограммы, которые вызывают неизменный интерес в иностранной аудитории:

1. способы передачи [ы], в частности после шипящих и префиксов;
2. употребление букв э, ё;
3. употребление ъ;
4. обозначение [j];
5. употребление двойных согласных, причем не только в случаях типа *раненый*, но и в таких словах, как *дрожжи*;
6. чередование о и е с ъ (т.н. «выпадение» букв о и е в противовес «не выпадающим» а и и).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что иностранному учащемуся необходимы четкие ориентиры при транспозиции письменной речи в устную и наоборот. При этом на начальном этапе обучения он больше всего нуждается в т.н. «правилах чтения». Однако чем лучше человек владеет русским языком, тем чаще у него возникает потребность фиксировать на письме услышанное. Словарный запас растет, и уже трудно запомнить написание каждого слова. В этой ситуации уча-

щемся совершенно необходимо знание правил орфографии как унифицированного средства письменной фиксации речи.

Л и т е р а т у р а

- Бартошевская Я.* Русское письмо и произношение (сопоставительно с польским) и трудности русского письма для поляков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1977.
- Варюшенкова Н. Н.* О фонетико-графической интерференции в речи монголов на русском языке // Лексико-грамматические вопросы преподавания русского языка иностранным учащимся. / Под ред. В. И. Кодухова. – Л., 1984.
- Варюшенкова Н. Н., Любимова Н. А.* Фонетико-графическая интерференция и ее проявление в речи на неродном языке // Русский язык за рубежом. 1986. № 1.
- Карлинский А. Е.* Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Киев, 1980.
- Кузьмина С. М.* Теория русской орфографии: Русская орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. – М., 1981.
- Петер М.* Интерференция на графемическом уровне и применение транскрипции в школьном обучении языку // Преподавание русского языка в финно-угорских школах. Тезисы докладов и сообщений Международного симпозиума.
- Пратима Д.* Проблема интерференции при обучении русскому языку в условиях многоязычия // Русский язык за рубежом. 1987. № 1.